

CONNECTIONS

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ CONNECTIONS

КОНСОРЦИУМ
«ПАРТНЕРСТВО РАДИ МИРА»
ВОЕННЫХ АКАДЕМИЙ И
ИНСТИТУТОВ ПО
ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ
БЕЗОПАСНОСТИ

ЛЕТО 2020

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОСТИ

РЕДАКТОРЫ: ТОДОР ТАГАРЕВ
И ФИЛИПП ФЛУРИ

Консорциум „Партнерство ради мира“ военных академий и институтов по изучению вопросов безопасности

Редакционный Совет Консорциума ПРМ

Шон С. Костиган	Главный редактор
Торстен Шауфер	Выпускающий редактор
Аида Алымбаева	Международный университет Центральной Азии, Бишкек
Пал Дунай	Центр им. Джорджа К. Маршалла, Гармиш-Партенкирхен
Филипп Флури	Женевский центр политики безопасности, Женева
Петр Гавличек	Куявский университет Влоцлавека, Польша
Ганс-Йоахим Гиссманн	Бергхоф Фонд, Берлин
Динос Кериган-Кироу	Объединенный командно-штабной курс, Военный колледж, Силы обороны Ирландии
Крис Палларис	Директор и главный консультант компании i-intelligence, Цюрих
Тамара Патарая	Гражданский совет обороны и безопасности, Грузия
Тодор Тагарев	Болгарская академия наук, София
Энекен Тикк	Институт кибер политики, Ювяскюля

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами авторов и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПРМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Это издание осуществляется при поддержке Правительства Соединенных Штатов. С изданиями Консорциума можно бесплатно ознакомиться на сайте <http://connections-qj.org>. Если Вы желаете заказать экземпляр журнала для Вашей библиотеки или если у Вас есть вопросы, связанные с публикациями этой серии, Вы можете обратиться в Оперативный отдел ПРМ по электронной почте: PfPCpublications2@marshallcenter.org.

Д-р Рафаэль Перл
Исполнительный директор

Шон С. Костиган
Главный редактор и председатель
редакционной коллегии

ISSN 1812-1101, e-ISSN 1812-2973

CONNECTIONS

THE QUARTERLY JOURNAL

том 19, № 3, лето 2020

Том 19, № 3, лето 2020

Редакционная статья

- Концепция устойчивости: последствия для безопасности и проблемы реализации 5
Филипп Флури и Тодор Тагарев

Рецензированные статьи

- Эволюция устойчивости 15
Питер Роджерс
- Многомерная матрица для лучшего дефинирования и концептуализации устойчивости 39
Кармит Падан и Реувен Гал
- Форум Трансатлантическая безопасность 2020: устойчивость выходит на передний план 55
Динос Кериган-Киру
- Повышение устойчивости политических институтов и процессов: рамка анализа 64
Йоан Мирча Паску и Николае-Серджиу Винтила
- Институциональная устойчивость и повышение добропорядочности в секторе обороны и безопасности 78
Надя Миланова
- За синими маячками: изучение устойчивости полицейских после террористической атаки в аэропорту Брюсселя 22 марта 2016 г. 89
Марлин Истон и Ванесса Лорис

Эволюция концепции устойчивости: мягкие меры для менеджмента рисков наводнений в Японии <i>Микио Ишиватари</i>	113
---	-----

Концепция устойчивости: последствия для безопасности и проблемы реализации

Филипп Флури¹ и Тодор Тагарев²

¹ Школа дипломатии и международных отношений, Университет Сетон Холл, Нью-Джерси, США, <https://www.shu.edu/diplomacy/>

² Центр по менеджменту безопасности и обороны, Институт ИКТ Болгарской академии наук, <https://it4sec.org/content/csdm>

Резюме: Стремясь к более действенному и эффективному реагированию на разнообразные и многомерные угрозы, все большее число организаций, занимающихся вопросами обороны и безопасности, ООН, НАТО и ЕС используют концепцию устойчивости (resilience) в своих стратегиях и политике безопасности. В этой статье представлен краткий обзор данной концепции, примеры определений, используемых в стратегических документах, и типы проблем, которые они стремятся решить. Затем мы познакомим читателя с 15 статьями, опубликованными в летнем и осеннем выпуске *Connections* 2020 года, в которых представлена эволюция концепции устойчивости и ее реализации политическими, оборонными и правоохранительными организациями, в том числе, и внутри них, а также ее ожидаемый вклад в кибербезопасность, в повышение готовности к стихийным бедствиям, в миротворчество, постконфликтное восстановление и противодействие гибридным угрозам.

Ключевые слова: устойчивость, теория, концепция, институты, политика, кризисное управление, риск бедствий, Сендайская структура, критическая инфраструктура, кибербезопасность, зрелость, гибридные угрозы, миротворчество, стабилизация, постконфликтное восстановление, НАТО, Европейский Союз.

В последние годы понятие устойчивости претерпело поразительное расширение за пределы области своего первоначального применения и трансформацию его значения. Первоначально оно обозначало способность материала (предметов и веществ) сгибаться, растягиваться, скручиваться или сжиматься, чтобы затем вернуться в исходную форму – в механике это работа, необходимая для деформации упругого тела до предела упругости, и «выполненная телом работа при восстановлении после такого напряжения».¹ В психологическом и медицинском контекстах оно использовалось метафорически в случаях болезни и проблем, чтобы описать психологическое качество, которое позволяет людям «быть сбитыми с ног невзгодами жизни и вернуться к нормальному существованию, по крайней мере, такими же сильными, как раньше».²

Его принятие различными науками и «дискурсами» как увеличило, так и, возможно, преувеличило его значение. В последней (медицинской) области вопросы описания устойчивости и того, что создает устойчивость, проблема, как повысить устойчивость и как использовать ее в процессе восстановления после травмирующих событий, стали важными предметами исследований и дискуссий. В таком разрезе под устойчивостью понимается нечто большее, чем просто «умение справляться» с ситуацией. Это подразумевает (потенциальную) способность превзойти данное состояние и вырасти за его пределы. Устойчивость также понимается как качество, которое можно улучшить, вложив в него соответствующие средства. В этом смысле «устойчивость» теперь также используется в исследованиях, связанных с бизнесом и окружающей средой, а также в сфере обороны и безопасности, в том числе и в области безопасности человека.

Этот специальный двухтомный выпуск журнала *Connections* (лето и осень 2020 г.) посвящен концепции (концепциям) устойчивости в сферах обороны и безопасности (включая безопасность человека). Если термин «устойчивость» широко используется в областях, не связанных с безопасностью, то это происходит и в сфере обороны и безопасности – ситуация, которая по чисто прагматическим причинам требует более тщательного изучения того, что на самом деле подразумевают различные заинтересованные группы под этим термином. Его чрезмерное использование может заставить нас поверить в то, что мы понимаем его во всех смыслах, чего, на самом деле, мы еще не можем утверждать.

В последнее десятилетие концепция устойчивости эволюционировала от чисто академических и инженерных вопросов к целенаправленному включению в национальную и международную политику безопасности.

¹ Noah Webster, *Webster's Revised Unabridged Dictionary* (G. & C. Merriam Co, 1913).

² "Resilience," Center for development of Security Excellence, н.д., по состоянию на 12 августа 2020, <https://www.cdse.edu/toolkits/insider/resilience.html>.

Одним из примеров первого является стратегия кибербезопасности Болгарии 2016 года «Устойчивая Болгария 2020».³ Подход к кибербезопасности, основанный на устойчивости, где устойчивость определяется как «способность предвидеть, противостоять, восстанавливаться и адаптироваться к неблагоприятным условиям, стрессам, атакам или недостаткам в системах, которые используют киберресурсы или обеспечиваются киберресурсами»,⁴ становится *де-факто* стандартом, определяющим как инженеринг систем, так и поиск адекватных организационных решений.

Организация Объединенных Наций приняла эту концепцию в начале этого века. В 2005 году Всемирная конференция по уменьшению опасности бедствий приняла «Хиогскую рамочную программу действий на 2005–2015 годы», в которой особое внимание было уделено повышению устойчивости государств и обществ к бедствиям.⁵ Управление Организации Объединенных Наций определило устойчивость для снижения риска бедствий как «способность системы, сообщества или общества, потенциально подверженного опасностям, адаптироваться, путем сопротивления или изменения с целью достижения и поддержания приемлемого уровня функционирования и структуры», где эта способность «определяется степенью, в которой социальная система способна к самоорганизации, чтобы увеличить способность извлекать уроки из прошлых бедствий для лучшей защиты в будущем, и улучшения мер по снижению риска».⁶ Соответственно, в Хиогской рамочной программе действий особое внимание уделяется усилиям по повышению устойчивости за счет расширения национальных и местных возможностей управления рисками и их снижения, а также использования знаний, инноваций и образования для продвижения культуры устойчивости на всех уровнях. Последующая Сендайская рамочная программа действий, принятая в 2015 году⁷ с «обновленным чувством неотложности», призывает к

³ George Sharkov, “From Cybersecurity to Collaborative Resiliency,” Proceedings of the 2016 ACM Workshop on Automated Decision Making for Active Cyber Defense, Vienna, Austria, October 2016, pp. 3-9, <https://doi.org/10.1145/2994475.2994484>.

⁴ Ronald S. Ross, Victoria Y. Pillitteri, Richard Graubart, Deborah Bodeau, and Rosalie McQuaid, *Developing Cyber Resilient Systems: A Systems Security Engineering Approach*, NIST Special Publication 800-160, vol. 2 (Gaithersburg, MD: National Institute of Standards and Technology, November 2019), p. xiv.

⁵ *Hyogo Framework for Action 2005-2015: Building the Resilience of Nations and Communities to Disasters*, World Conference on Disaster Reduction, Kobe, Hyogo, Japan, 18-22 January 2005, <https://www.unisdr.org/2005/wcdr/intergover/official-doc/L-docs/Hyogo-framework-for-action-english.pdf>.

⁶ *Hyogo Framework for Action 2005-2015*, с. 4.

⁷ *Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015-2030*, Third UN World Conference, Sendai, Japan, 18 March 2015, <https://www.undrr.org/publication/sendai-framework-disaster-risk-reduction-2015-2030>.

интеграции как снижения риска бедствий, так и повышения устойчивости, в политику, планы, программы и бюджеты на всех уровнях».⁸

Неопределенность и непредсказуемость среды безопасности является еще одной причиной принять концепцию устойчивости. Учитывая широкий спектр угроз и вызовов безопасности, распространение обычных и нетрадиционных конфликтов, нечеткие границы между военными, асимметричными и гибридными угрозами и вызовы, порожденные пандемией COVID-19, НАТО обратилось к необходимости повышения устойчивости каждого государства-члена и альянса в целом.⁹

Устойчивость также является центральным элементом стратегии Европейского Союза по борьбе с многомерными гибридными угрозами, сочетающимися принуждающие и подрывные средства, включая ХБРЯ угрозы и дезинформацию.¹⁰ Опять же, основную ответственность за повышение устойчивости и наращивание потенциала реагирования несут государства-члены, в то время как институты ЕС способствуют национальным усилиям.

⁸ *Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015-2030*, стр. 9. В Сендайской рамочной программе используется определение устойчивости, которое было обновлено МСУОБ ООН в 2009 году: «Способность системы, сообщества или общества, подверженного опасностям, противостоять, абсорбировать, приспосабливаться к последствиям опасности и восстанавливаться после нее своевременно и эффективно, в том числе путем сохранения и восстановления его основных структур и функций».

⁹ НАТО определяет устойчивость как способность общества противостоять и легко и быстро восстанавливаться после таких потрясений, как стихийные бедствия, отказ критически важной инфраструктуры, гибридные или вооруженные нападения. Такая способность сочетает в себе гражданскую готовность и военный потенциал. Устойчивое противодействие за счет гражданской готовности в странах-членах НАТО рассматривается как «необходимое условие коллективной безопасности НАТО» и вносит важный вклад в «доверие к сдерживанию и обороне НАТО». Подход НАТО закреплен в статье 3 его учредительного договора: взяв на себя индивидуальные обязательства по поддержанию и укреплению устойчивости, союзники уменьшают «уязвимость НАТО в целом»; следовательно, устойчивость – это национальная ответственность. Были согласованы семь базовых требований для такой национальной устойчивости – они касаются основных функций «непрерывности управления, основных услуг населению и гражданской поддержки вооруженных сил» (военных усилий по защите территории Североатлантического союза и населения, требующих надежной гражданской готовности к уменьшению потенциальной уязвимости – вооруженные силы снова зависят от гражданского и коммерческого секторов в плане транспорта, связи и основных запасов, таких как продукты питания и вода). См. «Resilience and Article 3,» *NATO Topics*, по состоянию на 16 ноября 2020, https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_132722.htm.

¹⁰ «Increasing Resilience and Bolstering Capabilities to Address Hybrid Threats,» Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council, JOIN/2018/16 final (Brussels: European Commission, 13 June 2018), <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/GA/TXT/?uri=CELEX:52018JJC0016>.

Кроме того, в Союзной стратегии безопасности ЕС¹¹ до 2020 года и в Программе борьбы с терроризмом¹² подчеркивается важность устойчивости и, в частности, устойчивости критических инфраструктур. Таким образом, принимая во внимание новую политику и уроки, извлеченные из реализации Директивы по европейской критической инфраструктуре 2008 года,¹³ Европейская комиссия предложила заменить ее новой директивой, направленной на повышение устойчивости критически важных организаций, предоставляющих основные услуги в ЕС.¹⁴

Тем временем устойчивость к внешним воздействиям рассматривалась и обсуждалась учеными, политиками и специалистами по военному планированию, ищущими новые способы повышения безопасности организаций, сообществ, промышленных секторов, критически важных инфраструктур, вооруженных сил и служб безопасности, а также обществ перед лицом новых и непредвиденных угроз и вызовов.

Чтобы поразмышлять над концептуальными и практическими разработками и обрисовать варианты формирования политики безопасности и обороны, мы предложили авторам прокомментировать:

- эволюцию концепции устойчивости;
- инвестирование в устойчивость по сравнению с инвестированием в превенции и готовность;
- показатели эффективности и показатели результативности;
- извлеченные уроки и передовой опыт в реализации концепции устойчивости.

В результате, летний и осенний выпуски журнала Connections 2020 года включают 15 оригинальных статей, в которых рассказывается об эволюции концепции устойчивости в секторе обороны и безопасности, ее реализации политическими, оборонными и правоохранительными организациями, а также об ее использовании внутри них, ее вкладе в кибербезопасность, готовность к стихийным бедствиям, миростроительство, постконфликтное восстановление и противодействие гибридным угрозам.

¹¹ European Commission, “Communication from the Commission on the EU Security Union Strategy,” Brussels, 24 July 2020, COM(2020) 605 final, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1596452256370&uri=CELEX:52020DC0605>.

¹² European Commission, “A Counter-Terrorism Agenda for the EU: Anticipate, Prevent, Protect, Respond,” Brussels, 9 December 2020, COM(2020) 795 final, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2020:795:FIN>.

¹³ “Council Directive 2008/114/EC of 8 December 2008 on the Identification and Designation of European Critical Infrastructures and the Assessment of the Need to Improve Their Protection,” *Official Journal* L 345, 75–82, 23 December 2008, <http://data.europa.eu/eli/dir/2008/114/oj>.

¹⁴ European Commission, “Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the Resilience of Critical Entities,” Brussels, 16 December 2020, COM(2020) 829 final, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2020:829:FIN>.

В своей основополагающей статье Питер Роджерс предлагает изучить разнообразные и многочисленные истоки концепции устойчивости, которые делают разработку единой теории одновременно привлекательной и сложной задачей. Однако такая трудность не удерживает в равной степени политиков и теоретиков от заявлений о том, что они понимают и применяют концепцию устойчивости, чтобы справиться с *неопределенностью*.¹⁵ Доктор Роджерс утверждает, что это стремление как к ограничению, так и к обобщениям ведет к неправильному пониманию различных точек возникновения и динамики концепции устойчивости.

Доктора Кармит Падан и Реувен Гал предлагают отобразить множество определений устойчивости в двумерной матрице, разделенной на четыре категории содержания: социальную, экономическую, политическую и военную.¹⁶ Эта матрица генерирует двенадцать подтипов устойчивости и может впоследствии использоваться для всестороннего определения устойчивости и ее подэлементов, а также для возможной оценки устойчивости в ее различных проявлениях.

Устойчивость также была доминирующим вопросом в обсуждениях во время трансатлантической конференции по безопасности 2020 года.¹⁷ Доктор Динос Керриган-Киру сообщает о результатах конференции с особым упором на ожидаемое пост-ковидное будущее. Автор заявляет, что, хотя пандемия не привела к новым конфликтам глобальных сил, она не привела и к расширению сотрудничества, необходимому для повышения устойчивости и ограничения человеческих и экономических потерь. Распространение пандемии усугубило процессы, угрожающие международному порядку, торговле, основанной на правилах, международному сотрудничеству и координации.

Доктор Надя Миланова показывает как концепция устойчивости в обороне и безопасности развивается в сторону включения широкого и многомерного набора уязвимостей и проходит через весь спектр связанных военных и невоенных стратегий смягчения последствий. Она утверждает, что, хотя коррупция и плохое управление в настоящее время признаны угрозами безопасности, укрепление оборонных и связанных с ними институтов безопасности как в странах-союзниках, так и в странах-партнерах, по-прежнему требует дальнейшего включения в качестве неотъемлемой части концепции устойчивости (как это предусмотрено в Декларация Варшавского

¹⁵ Peter Rogers, "The Evolution of Resilience," *Connections: The Quarterly Journal* 19, no. 3 (2020): 13-32.

¹⁶ Carmit Padan and Reuven Gal, "A Multi-dimensional Matrix for Better Defining and Conceptualizing Resilience," *Connections: The Quarterly Journal* 19, no. 3 (2020): 33-46.

¹⁷ Todor Tagarev, Raphael Perl, and Valeri Ratchev, "Recommendations and Courses of Action: How to Secure the Post-Covid Future," in *Transatlantic Security: Securing the Post Covid Future*, edited by IBM (Wien: Federal Ministry of Defense, 2020), 18-41.

саммита НАТО). Институциональная устойчивость, основанная на целостности, прозрачности и подотчетности, имеет решающее значение для выполнения обязательства НАТО по обеспечению устойчивости и ее базовых требований. К ним относятся непрерывность управления с возможностью принимать решения и предоставлять услуги населению.

Доктор Марлин Истон и Ванесса Лаурис представляют тематическое исследование последствий террористической атаки в аэропорту Брюсселя 22 марта 2016 года, в котором исследуется опыт полицейских в отношении их стратегий совладания со стрессом после террористической атаки и (не) официальной социальной поддержки на рабочем месте, которая повлияла на их устойчивость. В исследовании содержится углубленный анализ стратегий совладания и процессов социальной поддержки на рабочем месте, которые могут способствовать повышению устойчивости полицейских после травмирующего события. Кроме того, оно дает представление о передовых методах работы полицейских служб, направленных на повышение устойчивости и эффективности работы сотрудников.

Микио Ишиватари в своей статье «Эволюция концепции устойчивости: мягкие меры по управлению рисками наводнений в Японии» показывает, как концепция устойчивости развивалась в свете изменений климата, социально-экономической среды, адаптации технологий и т.д. Ишиватари анализирует области, которые влияют на устойчивость, анализируя изменение политики управления рисками наводнений, в частности с использованием мягких мер, в Японии. Основываясь на уроках развивающейся концепции устойчивости, он рекомендует развивающимся странам не только инвестировать в инфраструктуру, но и рассматривать мягкие меры в отношении изменений социально-экономических и природных условий.

Последующий осенний выпуск 2020 журнала *Connections* включает материалы, посвященные устойчивости в сфере кибербезопасности, постконфликтного миротворчества и безопасности человека.

Концепция устойчивости находит все более широкое применение в обеспечении кибербезопасности, включая попытки измерения уровня устойчивости и организационной зрелости. Во вступительной статье д-р Георги Шарков дает обзор моделей зрелости кибербезопасности и устойчивости организаций и сообществ и индексов кибербезопасности и предполагает, что зрелость должна быть в центре внимания национальных стратегий кибербезопасности второго поколения.¹⁸

Статья Андраша Хугика посвящена развитию гибридных войн и способностей для обеспечения кибербезопасности в Силах обороны Венгрии. Хугик прослеживает применение концепции устойчивости в Венгрии, пред-

¹⁸ George Sharkov, "Assessing the Maturity of National Cybersecurity and Resilience," *Connections: The Quarterly Journal* 19, no. 4 (2020): 5-24.

ставляет подробный сценарий гибридной атаки на страну, включая кибератаку, и на этой основе излагает ключевые меры по укреплению устойчивости на национальном уровне и в вооруженных силах.

Тема устойчивости к гибридному влиянию далее разрабатывается группой грузинских авторов во главе с доктором Шалвой Дзедзисашвили. В статье «Экономический след России и влияние на демократические институты в Грузии» авторы приводят убедительные статистические данные о влиянии России на экономику Грузии. На примере свободы СМИ они утверждают, что выше определенного порога более сильное экономическое влияние России положительно коррелирует с ослаблением грузинских демократических институтов. Авторы приходят к выводу, что экономический след России достиг «красной черты» в 9 процентов ВВП Грузии и необходимы значительные усилия, чтобы обратить эту тенденцию вспять и повысить устойчивость Грузии в ее экономическом и политическом измерениях.

Следующие три статьи посвящены устойчивости операций по стабилизации и поддержанию мира, а также усилий по миростроительству. Во-первых, д-р Филипп Флури критически оценивает миссию по стабилизации и восстановлению в Афганистане и приходит к выводу, что, несмотря на многочисленные положительные результаты, она была излишне амбициозной, не адаптированной к среде страны и нацеленной на построение мира для афганцев, а не *вместе* с ними. Напротив, миссии по миростроительству, дополненные мерами по повышению устойчивости, например, в Гватемале, Либерии и Тимор-Лешти, сфокусированы на местной ответственности и диалоге, и таким образом, могут достичь долгосрочных устойчивых результатов.

В своей работе Вероника Ваени Нзиоки рассматривает эволюцию международных миротворческих операций и то, как технологии способствуют их устойчивости. Передовые технологии, такие как установленные на дронах датчики, сенсорные сети и передовые средства связи, а также инновационные способы их применения могут повысить гибкость организаций и их способность предвидеть и прогнозировать, и таким образом, способствовать успеху операций и безопасности миротворцев.

Работа Марии Джулии Морейры напоминает нам о том, что женщины играют решающую роль в обеспечении устойчивости семьи, сообществ и общества. Поэтому, особенно с учетом пандемии COVID-19, Программа «ООН – женщины, мир и безопасность» уделяет особое внимание правительственным и международным усилиям по укреплению устойчивости и повышению безопасности.

В статье «После кризиса: роль устойчивости, чтобы вернуться более сильными» Джулия Ферраро исследует роль устойчивости в цикле управления стихийными бедствиями наравне с предотвращением, подготовкой и реагированием на кризисы различного происхождения. Затем она рассматривает Сендайскую рамочную программу по снижению риска бедствий

как хорошую отправную точку для разработки мер устойчивости и сравнительного анализа в рамках всеобъемлющего подхода к кризисам.

Заключительный вклад в этот двухтомный специальный выпуск журнала *Connections* внесла доктор Борислава Манойлович. Посредством серии семинаров по решению проблем с участием южнокорейцев и представителей северо-корейских общин, проживающих в Южной Корее, она исследует факторы микроуровня, способствующие устойчивости к конфликту между Югом и Севером. Доктор Манойлович обнаруживает, что ключом к повышению устойчивости к конфликтам является качественное взаимодействие между членами сообществ и содействие пониманию, терпимости и уважению через образование.

Редакторы хотели бы поблагодарить авторов за вдохновляющий вклад и Редакционный совет *Connections* за то, что сделали эти два тома возможными. Совместная работа позволила нам задокументировать эволюцию – и расширение применения в политике безопасности – концепции, которая, возможно, еще не подошла к концу своего формирования. Поэтому неизбежно это исследование является предварительным и описательным. Несомненно, стоит вернуться к этой теме в будущем, чтобы изучить какие дальнейшие изменения будут иметь место в концепции устойчивости, какие имеются доказательства ее вклада в повышение безопасности, каковы примеры передового опыта и новаторских способов повышения устойчивости.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами авторов и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Об авторах

Филипп Х. **Флури**, кандидат наук, является соучредителем и бывшим заместителем директора Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами (DCAF) и локальным исполнительным директором Женевского центра политики безопасности. После многих лет работы в качестве политического советника и преподавателя на всех континентах он в настоящее время является членом кафедры им. Серджио де Мелло Школы дипломатии и международных отношений, Университет Сетон Холл, Нью-Джерси. *E-mail*: drphilippfluri@gmail.com.

Тодор **Тагарев** – профессор Института информационных и коммуникационных технологий Болгарской академии наук и руководитель Центра менеджмента безопасности и обороны. Инженер по образованию, профессор Тагарев сочетает в себе опыт работы в правительстве с хорошими теоретическими знаниями и знаниями в области кибернетики, комплексных исследований и исследований безопасности – потенциал, эффективно реализованный в многочисленных национальных и международных междисциплинарных исследованиях, включая текущие проекты Horizon 2020 в областях кризисного менеджмента и кибербезопасности.
<https://orcid.org/0000-0003-4424-0201>

Эволюция устойчивости

Питер Роджерс

Университет Маккуори, Австралия, <https://www.mq.edu.au/>

Резюме: Концепция устойчивости уходит корнями во многие дисциплины, что делает разработку единой теории очень привлекательной, но при этом очень сложной. Тем не менее, это не остановило ученых и политиков от попыток провозгласить устойчивость своей флагманской концепцией и построить вокруг нее канон 21 века. Эта тенденция к снижению или обобщению значения устойчивости породила множество таксономий, каждая из которых стремится предложить последнее слово в дебатах об определениях. Я утверждаю, что такое желание создать единую теорию устойчивости приводит к неправильному применению этой концепции, игнорируя динамику ее появления и полисемичную природу ее использования в теории, политике и практике. Эта аморфность делает концепцию устойчивости одновременно и очень привлекательной логикой для решения проблемы неопределенности, и опасным путем встраивания жестких алгоритмических систем принудительного прогнозирования в управление повседневной жизнью. Чтобы понять возникновение концепции устойчивости, нужно оценить, как положительный, так и отрицательный потенциал этой гибкой и адаптивной концепции. В заключение я высказываю предположение, что устойчивость приобрела такую популярность в последние годы в немалой степени потому, что она представляет собой сдвиг в онтополитике нашего времени, но мы должны быть осторожны с тем, какой тип устойчивости будет приведен в действие.

Ключевые слова: устойчивость, ассемблирование, постструктурализм, позитивная критика, проблематизация.

Введение

Концепция устойчивости уходит корнями во многие дисциплины, что делает разработку единой теории очень привлекательной, но при этом очень

сложной. Этот термин снова и снова появляется во многих различных областях исследований и в портфолио разнообразных политик, каждая со своими тупиками, границами и мостами, которые нужно строить и обсуждать.¹ Если мы попытаемся понять эту концепцию с точки зрения современных проблем, мы должны сначала сопоставить нынешние формулировки этой проблемы с предшествующими, чтобы лучше встряхнуть наше представление в настоящем. При этом концепция устойчивости должна быть проблематизирована с учетом нюансов, подчеркивая проблемы в том, как мы подходили к ней ранее и подходим к ней сейчас. Я утверждаю, что подход к устойчивости как к «институту» управления, позволяет исследователям лучше понять, как различные формы устойчивости меняют стимулы и ограничения человеческого поведения. Часто пессимистическая критика устойчивости как биополитики и проявления неолиберализма не замедляет распространение концепции устойчивости, а только увеличивает дистанцию между критической теорией и политикой. Продуктивная, позитивная критика с использованием элементов коллективного мышления и языка новой институциональной экономики позволяет нам лучше проверить как принятие и реализация устойчивости усиливают или требуют переосмысления договорных отношений, лежащих в основе социального порядка. Я исследую критику концепции устойчивости, выделяю несколько ограничений и указываю где работы по устойчивости открывают новые возможности для более конструктивного взаимодействия. Если имеет место более широкий онтологический сдвиг в основах либеральной политики, вместо того, чтобы пытаться определить одну точку критики в рамках новой «модели» социального порядка, к устойчивости можно лучше подойти как к периоду «междоцарствия», для объяснения которого традиционные формы управления и традиционные формы критики плохо приспособлены. Я утверждаю, что, преодолев разрыв между традициями постструктуралистской критики и новой институциональной экономической теорией, мы можем найти общий язык, чтобы объяснить, как различные формулировки устойчивости формируют условия возможности существования социального порядка, но многие из наших традиционных предположений о стабильности либеральной «современной» онтологии могут потребовать пересмотра. Помимо «простой» проблематизации устойчивости, скорее всего, потребуется более детальная и позитивная критика, чтобы социальные науки оставались актуальными при формировании институциональных форм устойчивости по мере их появления.²

¹ Simin Davoudi, "Resilience: A Bridging Concept or a Dead End?" *Planning Theory & Practice* 13, no. 2 (2012): 299-307.

² Дэвид Гарланд предлагает особенно полезный взгляд на эту структуру генеалогии в стиле Фуко на основе истории настоящего. Это исследование предлагает подход к новому использованию этих инструментов за счет более творческого взаимодействия, выходящего за пределы постструктуралистской доктрины так, как она понимается в настоящее время. См. David Garland, "What Is a "History

Критическая концепция и концепция критики

В настоящее время широко признано, что концепция устойчивости имеет богатое этимологическое прошлое, появившись в английском языке через книгу Фрэнсиса Бэкона «Сильва Сильварум».³ Бэкон исследовал асимметрию между человеческой восприимчивостью и сложностью природных сил, упоминая устойчивость лишь вскользь, как действие отражения через реперкуссивную «устойчивость эхо».⁴ Позже это понятие использовалось в инженерном деле для описания выносливости строительных материалов, охватывая эластичность и сопротивление деревянных и стальных балок.^{5,6} Оно использовалось для нарративного выражения характеристики человеческой настойчивости, а в психологии развития было эмпирически усилено в качестве интегративной основы для исследования адаптивных возможностей человеческого разума.⁷ Это интернализирует устойчивость, но придает ей продуктивную имманентность, касаясь неожиданно положительной адаптации или выздоровления после воздействия невзгод.⁸ Возможно, наиболее влиятельное прочтение концепции устойчивости основано на теории сложных социальных и экологических систем (СЭС).⁹ «Вернуться обратно» стало аналогом времени восстановления после какого-то нарушения,¹⁰ но позже превратилось в понятие устойчивости в виде сложной системной панархии.¹¹

Переадресуя элементы созидательного разрушения в экономической теории, панархия создает понимание социального и экологического как

of the Present"? On Foucault's Genealogies and Their Critical Preconditions," *Punishment & Society* 16, no. 4 (2014): 365-384, <https://doi.org/10.1177/1462474514541711>.

³ Francis Bacon, *Sylva Sylvarum, or, A Natural History in Ten Centuries* (London: William Lee, 1657).

⁴ Bacon, *Sylva Sylvarum*, 330.

⁵ О работах Томаса Янга начала 19 века см. Alasdair N. Beal, "Thomas Young and the Theory of Structures 1807-2007," *The Structural Engineer* 85, no. 23 (2007): 43-47.

⁶ Thomas Tredgold, "XXXIV. On the Modulus of Elasticity of Air, and the Velocity of Sound," *The Philosophical Magazine* 52, no. 245 (2018): 214-216, <https://doi.org/10.1080/14786441808652035>.

⁷ Ann S. Masten, "Resilience in Development: Implications of the Study of Successful Adaptation for Developmental Psychopathology," in *The Emergence of a Discipline: Rochester Symposium on Developmental Psychopathology*, ed. Dante Cicchetti, vol. 1 (Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989), 261-294.

⁸ Ann S. Masten, "Resilience in Developing Systems: Progress and Promise as the Fourth Wave Rises," *Development and Psychopathology* 19, no. 3 (2007): 921-930.

⁹ C.S. Holling, "Resilience and Stability of Ecological Systems," *Annual Review of Ecology and Systematics* 4, no. 1 (1973): 1-23, <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.1101.73.000245>.

¹⁰ Lance Gunderson and Carl Folke, "Resilience—Now More Than Ever," *Ecology and Society* 10, no. 2 (2005): 22, <http://www.ecologyandsociety.org/vol10/iss2/art22/>.

¹¹ Lance H. Gunderson and C.S. Holling, eds., *Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems* (Washington, DC: Island Press, 2002).

взаимозависимых систем с *адаптивными циклами* роста, коллапса и реорганизации с потенциалом для создания нового «метастабильного равновесия», которое затем подчиняется собственным адаптивным циклам. Возможно, Холлинг и Гандерсон прозорливо выделили человеческую и экологическую взаимозависимость прямо и эмпирически, что явилось предвестником нынешних представлений о сложности в антропоцене. Взаимодействуя со сложностью времени, пространства и масштаба в разнообразных и не взаимодополняющихся системах, социальная экология внесла уникальный вклад в зарождающийся дискурс устойчивости. Это дало возможность с пользой интерпретировать устойчивость как способность сложных взаимозависимых систем абсорбировать сбой и «возвращаться» к стабильности, питая в течение десятилетия реформы в управлении бедствиями как циклы *ожидания, оценки, смягчения последствий* (часто включающих элементы *готовности и профилактики*), *реагирования* и *восстановления*. Это также открыло дверь для включения экономической и экологической философии через положительные циклы *преобразования* и *вспоминания*, давая возможность созидательному разрушению потенциально *преобразовать* систему, то есть создать новую нормальность после переломного момента. Такое представление сложных систем позволяет интерпретировать «метастабильное равновесие» как непрерывный процесс изменений, в противовес предположению, что цивилизация может удерживаться в оптимальном «устойчивом состоянии» – в соответствии с требованиями «точно в срок» модели массового производства. Рассматриваемые через призму устойчивости, такие системы становятся хрупкими, их легко разрушить и, следовательно, являются более уязвимыми для негативных воздействий в случае нарушения функционирования. Поверхностное натяжение начинает проявляться здесь между положительным потенциалом трансформационных изменений и необходимостью помнить и поддерживать текущие формы и функции системы. Когда мы переносим эту концептуальную основу из системной экологии в сферу политики и управления, эта напряженность обостряется, поскольку практики вынуждены применять абстрактную логику в рамках традиционных моделей формирования и реализации политики их организаций. Можно утверждать, что зависимость пути развития организаций в позднем голоцене ¹² в целом связана с иллюзорным, ориентированным на рынок «автоматическим балансированием», управляемыми дискурсами риска и роста, а не распределением демократических общественных благ, дискурсами права, свободы и доступа к привилегиям. Это все чаще предъявляет к практикующим специалистам непомерные рабочие требования по «решению проблемы» экономически эффективным и не допускающим риска способом, что часто вызвано увлечением менеджментом

¹² Драйзек рассуждает об этой зависимости путей, используя более широкое традиционное понимание институтов. John S. Dryzek, "Institutions for the Anthropocene: Governance in a Changing Earth System," *British Journal of Political Science* 46, no. 4 (2016): 937-956.

«третьего пути» с количественно оцененной оптимизацией системы для выполнения квот производительности, даже перед лицом чрезмерно упрощенной «случайной» (неизбежной естественной случайности) или «эпистемической» неопределенности (отсутствие или ненадежность данных).¹³ В таких условиях устойчивость оказывается не поддающейся определению, к ней невозможно применить целостный подход, и она кажется вплетенной в ткань существующих проблем, возможно, даже усугубляя их.¹⁴

Эти множественные артикуляции приводят к представлению концепции устойчивости как «многозначной», возникающей в данное время и оспариваемой, которую трудно свести к единственному каноническому определению.¹⁵ Поскольку границы концепции проницаемы, она стала доступной для широкого набора, иногда противоречивых, приложений в рамках управления. Как «двигающаяся концепция» она ризоматически¹⁶ появлялась в различных политических портфолио,¹⁷ и политика устойчивости как элемент управления была предметом многочисленных дискуссий. Больше внимания уделяется «оптимизации неотъемлемой способности *оцениваемых систем* противостоять, абсорбировать и оправляться от кризиса» через призму безопасности,¹⁸ чем корреляциям между познанием, убеждениями и *ценностями* на уровне ее реализации среди отдельных граждан-субъектов. Стратегический взгляд дает нам представление об устойчивости, но

¹³ Gianluca Filippia, Massimiliano Vasile, Daniel Krpelik, Peter Zeno Korondi, Mariapia Marchi, and Carlo Poloni, "Space Systems Resilience Optimisation under Epistemic Uncertainty," *Acta Astronautica* 165 (2019): 195-210.

¹⁴ David Chandler, "The End of Resilience? Rethinking Adaptation in the Anthropocene," in *Resilience in the Anthropocene: Governance and Politics at the End of the World*, ed. David Chandler, Kevin Grove, and Stephanie Wakefield (London: Routledge, 2020), 50-67.

¹⁵ Magali Reghezza-Zitt, Samuel Rufat, Géraldine Djament-Tran, Antoine Le Blanc, and Serge Lhomme, "What Resilience Is Not: Uses and Abuses," *Cybergeog: European Journal of Geography* (2012), 621, <https://doi.org/10.4000/cybergeog.25554>.

¹⁶ Это основано на логике, аналогичной логике «ассемблирования наблюдений», рассмотренной Шоном Хиером, где расширение устойчивости, подобно современному наблюдению, позволяет существенно трансформировать «цели и намерения» практик устойчивости и функционирование вложенных иерархий. Подобным образом усиление ансамблей устойчивости способствует процессам устойчивости, которые производят социальный контроль, а не подразумеваемую демократизацию логики упорядочивания, лежащей в основе его риторики. Sean P. Hier, "Probing the Surveillant Assemblage: On the Dialectics of Surveillance Practices as Processes of Social Control," *Surveillance & Society* 1, no. 3 (2003): 399-411, <https://doi.org/10.24908/ss.v1i3.3347>.

¹⁷ Peter Rogers, Jim J. Bohland, and Jennifer Lawrence, "Resilience and Values: Global Perspectives on the Values and Worldviews Underpinning the Resilience Concept," *Political Geography* 83 (2020), 102280, <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2020.102280>.

¹⁸ Chris Zebrowski, *The Value of Resilience: Securing Life in the Twenty-first Century* (London: Routledge, 2015), p. 147, подчеркнуто автором статьи.

этот подход имеет тенденцию исказить любое прочтение морали устойчивости в соответствии с более широкой продолжающейся критикой неолиберализма как системы управления.

Там, где этот подход обращается к предмету, «устойчивый субъект» формулируется в рамках «необходимости и полезности подверженности человека опасности» как центрального фактора повышения устойчивости. Но даже здесь этот узкий взгляд на ценности подразумевает, что устойчивый рост является результатом *только* воздействия опасных травм, и что правительство не может обеспечить безопасность, связанную с либеральной онтологией отношений между государством и гражданином. Это не учитывает возможность столкновений, которые приводят к устойчивому росту за счет проявления просоциальных способностей, например, отсутствия паники, щедрости, солидарности и альтруизма. Такое разыгрывание просоциальных эмоций важно для создания чувства цели в жизни и способствует принятию просоциального личного морального компаса.¹⁹ Это открывает конфигурацию «я», которая допускает более широкое взаимодействие – между системой и «я», где «напористое, отстраненное «я», которое порождает дистанцию от своего фона (традиция, воплощение) и переднего плана (внешняя природа, другие субъекты) во имя ускоренного овладения ими»²⁰ принуждается или поощряется стать более устойчивым в мыслях и делах.

На *когнитивном* уровне устойчивость информирует наши ожидания друг от друга и организаций (частью которых мы являемся или с которыми мы взаимодействуем) на *онто-политическом* уровне в виде установленных убеждений. И все же, в этом сложно ориентироваться, поскольку это размывает традиционные различия, такие как субъект-объект и праксис-позис, которые являются центральными в критике рационального, современного проекта. Такая критика раскрывает стойкость как *диспозитив* власти, рыхлую «систему корреляции» и *ад-хок* совокупность, не сводящуюся к простому выражению суверенной власти.²¹ Критика *диспозитива* устойчивости утверждает, что, с одной стороны, его децентрализованная концептуальная природа лишает критически настроенных «левых» модернистского политического проекта прочной основы для его дестабилизации, а с другой сто-

¹⁹ Brian M. Iacoviello and Dennis S. Charney, “Psychosocial Facets of Resilience: Implications for Preventing Posttrauma Psychopathology, Treating Trauma Survivors, and Enhancing Community Resilience,” *European Journal of Psychotraumatology* 5, no. 1 (2014), 23970, <https://doi.org/10.3402%2Ffejpt.v5.23970>.

²⁰ Stephen K. White, “Weak Ontology and Liberal Political Reflection,” *Political Theory* 25, no. 4 (1997): 502-523, цитата на стр. 503.

²¹ Bruce P. Braun, “A New Urban Dispositif? Governing Life in an Age of Climate Change,” *Environment and Planning D: Society and Space* 32, no. 1 (2014): 49-64, <https://doi.org/10.1068/d4313>.

роны, что он кажется поддающимся кооптации из-за все более неолиберализующихся зависимостей путей современного управления.²² Тем не менее, без учета когнитивного потенциала для положительных результатов устойчивости, концептуальная основа, лежащая в основе понятия, кажется, постоянно меняется, как и нагруженные ценностями значения и приложения, которые возникают при каждом конкретном случае. Это влияет на эпистемологию принятия, посредством которой формируется и управляется устойчивый гражданин-субъект, а дополнительные или оспариваемые структуры стимулов узакониваются и/или вводятся в действие во имя «устойчивости как способа управления». В качестве «потенциальных мысленных реализаций устойчивости – воспринимаемых, как ‘волшебная палочка’ при формировании политики для решения таких разнообразных проблем, как отсталость, конфликты и экологические кризисы»,²³ концепция устойчивости продолжала расширяться и получать более широкую поддержку в политике. Таким образом, я утверждаю, что эти воображаемые образы, возникающие с помощью «устойчивости как способа управления» и благодаря ей, могут предвещать подъем зарождающегося института.

Институционализация устойчивости в управлении

Иногда кажется, что устойчивость к внешним воздействиям легко использовать как «квазиуниверсальный ответ на проблемы управления».²⁴ Любая такая «квазиуниверсальная» концепция будет иметь серьезные последствия не только для процесса управления, но также и для того, *чем* управляют, *кем* управляют и *как* это управление осуществляется. При таком подходе устойчивость может оказывать значительное влияние на политические, экономические и социальные структуры стимулов, конфигурированные в устойчивые формы правления. Чтобы более четко представить институционализацию устойчивости, следует рассмотреть договорные отношения, соглашаясь с характером изменений, которые они порождают. Устойчивость лежит в основе стратегии взаимодействия, действующей в рамках зависимости путей конфигурации управления, основанного на конкуренции. То, как возникают и стимулируются практики сотрудничества, должно более четко указывать на природу любого сдвига в основополагающих договорных отношениях между ключевыми игроками, такими как гражданин-субъект, «рынок» и «государство».²⁵

²² Chandler, “The End of Resilience?”

²³ Chandler, “The End of Resilience?” p. 81.

²⁴ Claudia Aradau, “The Promise of Security: Resilience, Surprise and Epistemic Politics,” *Resilience* 2, no. 2 (2014): 73-87, <https://doi.org/10.1080/21693293.2014.914765>, цитата на с. 73.

²⁵ Можно опереться на Стиглицу, чтобы поразмышлять о переплетении государства и рынка, например, о напряженности при отделении производства от финансов посредством регулирования и о важности государственного регулирования в отношении финансовых систем. Joseph E. Stiglitz, “Markets, States and Institutions,”

Ключевым моментом является раскрытие того, изменяет ли и как «устойчивость в качестве управления» формулировку договорных отношений между гражданином–государством–рынком. Другим – понять сдвиг ценностей, подразумеваемый «онтологическим дрейфом» институциональных механизмов, лежащих в основе социального порядка. Еще одна задача – согласовать изменение убеждений и ценностей с операционализацией законных форм управления с помощью устойчивых методов работы. Предварительная работа, проделанная в оставшейся части этой статьи, открывает другой подход для будущих исследований, но сначала мы должны более тщательно переосмыслить нынешнее использование концепции устойчивости. Это поможет лучше проиллюстрировать логику упорядочения договорных отношений, подразумеваемую появлением устойчивости, а также направит внимание к необходимости понять меняющиеся институты, возникающие в рамках дрейфующей онто-политики, к которой мы вернемся ниже. Можно предположить, что широкое распространение концепции устойчивости в управлении воплощает этот образ мышления и работает на повышенных оборотах для того, чтобы устойчивость стала «институционализированной» в качестве основной задачи и логики управления, изменяя то, что Дуглас Норт назвал «правилами игры», но необходимы дополнительные доказательства, чтобы понять, какую траекторию это подразумевает для социального порядка.²⁶ Чтобы проверить это предположение, можно использовать устойчивые стратегии управления, которые были применены для смягчения кризисов в последние годы.

Политики все чаще подчеркивают устойчивость как процесс управления и как набор практических и прагматичных проектных инициатив, основанных на сочетании мер безопасности, аварийного и антикризисного

Roosevelt Institute, June 22, 2017, <https://rooseveltinstitute.org/publications/markets-states-and-institutions/>.

²⁶ В этом смысле Норт, Уоллис и Вайнгаст рассматривают институты не как «группы» или «организации», которые функционируют как коалиции действующих лиц с общими интересами; вместо этого они определяют институты как процессуальные по своей природе, т.е. как «модели взаимодействия, которые управляют и ограничивают отношения людей. Институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения и общие убеждения о мире, а также средства принуждения». Douglass C. North, John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast, *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009), 15.

менеджмента, но охватывающих множество отделов и портфелей.^{27,28,29} В мире после 11 сентября необходимость «стать более устойчивым» с готовностью воспринималась как всеобщее общественное благо с точки зрения политики, но критиковалась за то, что предлагала не вдохновляющее политическое видение, не подходящее для реализации изменений, которые оно призвано обеспечить.³⁰ Серьезные кризисы, имеющие глобальное влияние, еще больше разнообразили этот дискурс. Результатом стало появление более инструменталистского прагматизма в государственной политике, сосредоточенного на практических способностях и потребностях практиков в критических областях работы: таких как управление рисками, управление цепочкой поставок, устойчивое городское развитие, защита критической инфраструктуры и снижение риска бедствий. Международные организации, правительства и фирмы все чаще имеют стратегии устойчивости или стратегические цели для повышения устойчивости, и в каждом отдельном случае устойчивость интерпретируется с тонкими различиями. В сочетании с риторическими призывами к обеспечению устойчивости или приветствием стойкости народов или государств после кризисных событий идея устойчивости сегодня прочно укоренилась в общепринятом, концептуальном и политическом жаргоне нашего времени. Устойчивость не проявляется как явный тотализирующий *диспозитив* управления, а как вложенные совокупности человеческих и не-человеческих взаимодействий, встречающихся в различных конфигурациях в точках стратегической ориентации. Эти встречи служат пунктами, из которых можно мобилизовать навыки и ресурсы для целевого действия, руководствуясь принципами передовой практики и инструментами в каждом эксперименте, но не универсальной моделью. Таким образом, она изменяет договорные отношения и ожидания между людьми и организациями. Поэтому, анализируя в сочетании правила и практики, мы должны более глубоко рассматривать устойчивость как *институт* управления.

В цикле адаптивного кризисного менеджмента это проявилось как руководящий принцип для развития способностей конкретных организаций действовать в отношении частичных рисков, опасностей или угроз. Это также создает воспринимаемую способность социального порядка поддер-

²⁷ John Auerbach and Benjamin F. Miller, “Deaths of Despair and Building a National Resilience Strategy,” *Journal of Public Health Management and Practice* 24, no. 4 (2018): 297-300, <https://doi.org/10.1097/PHH.0000000000000835>.

²⁸ Christian Fjäder, “The Nation-State, National Security and Resilience in the Age of Globalisation,” *Resilience* 2, no. 2 (2014): 114-129, <https://doi.org/10.1080/21693293.2014.914771>.

²⁹ David Omand, “Developing National Resilience,” *The RUSI Journal* 150, no. 4 (2005): 14-18, <https://doi.org/10.1080/03071840508522884>.

³⁰ Kate Driscoll Derickson, “Resilience is not Enough,” *City* 20, no. 1 (2016): 161-166, <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1125713>.

живать устойчивое и здоровое функционирование перед лицом экзистенциальной неопределенности или явных кризисов. Однако устойчивое управление не изолировано в черном ящике внутри «политики». Одновременный всплеск обсуждения экономических и организационных форм устойчивости произошел в частном секторе, что неявно, но существенно повлияло на более широкое принятие стандартов качества для обеспечения устойчивости на индивидуальном и организационном уровне.³¹ Это также внесло свой вклад в рост участия благотворительных организаций в усилиях по повышению устойчивости, где существующие организационные практики могут препятствовать внедрению новых способов работы «более устойчивым образом», примером чего является кампания Рокфеллера «100 устойчивых городов». Органы местного самоуправления также ищут новые стратегии повышения устойчивости в борьбе с коррупцией³² на местном уровне с помощью форм взаимодействия с сообществами³³ и преодоления жесткой экономии³⁴ или управления конкурирующими интересами в островных сообществах.³⁵

Во всех этих и многих других случаях гибкость в оперативных интерпретациях «устойчивости как управления» дает представление о стратегическом принятии ограничений или стимулов, влияющих на условия возможности человеческого поведения как подразумеваемых, так и действующих посредством взаимодействия дополнительных правил и практики. Эти ограничения, или стимулы, реализуются формально и неформально, например, в когнитивном поведении людей в их повседневной жизни, т.е. в неформальных социально сконструированных «культурных» ценностях,³⁶ и в виде разнообразных формальных договорных отношений между людьми,

³¹ Yossi Sheffi, *The Resilient Enterprise: Overcoming Vulnerability for Competitive Advantage* (Cambridge, MA: MIT Press, 2005); Yossi Sheffi, *The Power of Resilience: How the Best Companies Manage the Unexpected* (Cambridge, MA: MIT Press, 2015).

³² Rabiul Islam, Greg Walkerden, and Marco Amati, "Households' Experience of Local Government during Recovery from Cyclones in Coastal Bangladesh: Resilience, Equity, and Corruption," *Natural Hazards* 85, no. 1 (2017): 361-378.

³³ Deborah Platts-Fowler and David Robinson, "Community Resilience: A Policy Tool for Local Government?" *Local Government Studies* 42, no. 5 (2016): 762-784, <https://doi.org/10.1080/03003930.2016.1186653>.

³⁴ Vivien Lowndes and Kerry McCaughie, "Weathering the Perfect Storm? Austerity and Institutional Resilience in Local Government," *Policy & Politics* 41, no. 4 (2013), 533-549, <https://doi.org/10.1332/030557312X655747>.

³⁵ David Chandler and Jonathan Pugh, "Islands of Relationality and Resilience: The Shifting Stakes of the Anthropocene," *Area* 52, no. 1 (2020): 65-72, <https://doi.org/10.1111/area.12459>.

³⁶ Avner Greif and Joel Mokyr, "Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond," *Journal of Institutional Economics* 13, no. 1 (2017): 25-52, <https://doi.org/10.1017/S1744137416000370>.

рынками и организациями,³⁷ проявляющимися в управлении. «Быть устойчивым» представляет собой параллельный поток работы, синхронизированный с оперативными инструментальными протоколами и практиками, но эта возникающая сцена не является управлением внешним риском, опасностью или угрозой; вместо этого подчеркивается поведение и имманентная уязвимость устойчивого субъекта как легитимная арена управления. Эта аморфная эволюция оспариваемой концепции стимулировала энергичную критику устойчивости, которую также необходимо рассмотреть.

Критика устойчивости

Центральное место в возникновении критики концепции устойчивости сыграло стремление должным образом определить проблематику устойчивости. Группа критических исследований построена на постструктуралистских прочтениях как биополитических,³⁸ так и неолиберальных³⁹ нарративов. Действительно, критика, исходящая из этих областей, была настолько громкой, что концепция устойчивости была осуждена как политически изменная и интеллектуально истощенная, создавая «перманентные формы порабощения, которыми она обременяет людей, ее лживые заявления об освобождении, заставляющие людей принимать свое рабство, как если бы это было их освобождением, и отсутствием воображения, которым обладают сторонники устойчивости в плане преобразования мира к лучшему».⁴⁰ Тем не менее, эта критика не замедлила развитие мышления и практики устойчивости; вместо этого они ускорились. Критики боролись с этой проблемой; Уокер и Купер предполагают, что эпистема устойчивости позволяет реабсорбировать критику в «программу управления ресурсами, которая превращает экологический кризис в созидательное разрушение истинно хайковского финансового порядка».⁴¹ Аргументы в пользу контрсистемной критики приводятся здесь не на онтологических основаниях, поскольку логика критики, лежащая в основе этого подхода, требует, чтобы неолиберальная система и сопутствующее ей допущение о бесспорных либеральных институтах сохраняли свою форму. Когда делаются такие предположения, они

³⁷ Julio Faundez, "Douglass North's Theory of Institutions: Lessons for Law and Development," *Hague Journal on the Rule of Law* 8, no. 2 (2016): 373-419.

³⁸ Chris Zebrowski, "Governing the Network Society: A Biopolitical Critique of Resilience," *Political Perspectives* 3, no. 1 (2009), <http://www.politicalperspectives.org.uk/wp-content/uploads/2010/08/Vol3-1-2009-4.pdf>.

³⁹ Jonathan Joseph, "Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach," *Resilience* 1, no. 1 (2013): 38-52, <https://doi.org/10.1080/21693293.2013.765741>.

⁴⁰ Brad Evans and Julian Reid, "Exhausted by Resilience: Response to the Commentaries," *Resilience* 3, no. 2 (2015): 154-159, quote on p. 154.

⁴¹ Jeremy Walker and Melinda Cooper, "Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation," *Security Dialogue* 42, no. 2 (2011): 143-160, <https://doi.org/10.1177%2F0967010611399616>, quote on p. 157.

имеют тенденцию к сужению фокуса в стремлении создать целостность для целей критики, т.е. *устойчивость есть*. Я утверждаю, что это противоречит условным обязательствам многозначной и относительной совокупности – в процессе определения устойчивости тем, что она *есть*, границы и пронизывающие колебания смысла, через которые проявляется устойчивость, размываются – чтобы их было лучше выявить с помощью вопроса как она *осуществляется*. Неолиберальная критика стремится к разграничению, чтобы утвердить *пересечение* или *взаимопроникновение* в критические моменты, когда они должны описывать и анализировать взаимодействие в относительном и ситуативном контексте конкретного столкновения посредством дополняющихся правил и практик ее действия. Многие из таких критических анализов устойчивости через призму неолиберализма отражают окружающую форму меланхолической привязанности к радикальной политике социализма до 1989 года, которая также зависит от либеральной онтологии в ее *основном смысле*.⁴² Такая критика, по-видимому, активно капитулирует перед «концом истории», усиливая неизбежный цикл реабсорбции, когда любая возможность прогрессивной или демократической альтернативы выжить в рамках капитализма невозможна. Любые прогрессивные изменения должны предсказуемо согласовываться с аморфным и неограниченным процессом неолиберализации.

Я считаю, что это слишком узкое толкование для онтополитики устойчивости, будущее которой еще не определено. Хорошо это или плохо, но каждая встреча с устойчивостью открывает новые возможности. Возможно, самая большая ошибка состоит в том, чтобы активно исключать или отрицать как само понятие, так и вариации в политике – формы знания, действия и деятельности, которые предлагает нам устойчивость. Нет никаких сомнений в том, что устойчивость может иметь разрушительное влияние, но есть также возможности для открытия новых пространств для восстановления политики заинтересованными гражданами. Они осязаемы, поддаются эмпирической проверке и имеют отношение к нашему более широкому проекту исследования того, чем была демократическая политика, какой она является сейчас, и какой может стать в будущем.⁴³

⁴² Эта меланхолия левых может быть связана с «чрезмерной привязанностью к прошлой политической идентичности, даже в ее несостоятельности», для которых прогрессивные изменения имеют смысл только в том случае, если они связаны с продвижением их идеологических ограничений. Neda Atanasoski and Kalindi Vora, “Postsocialist Politics and the Ends of Revolution,” *Journal for the Study of Race, Nation and Culture* 24 (2018): 139-154, цитата на с. 143, <https://doi.org/10.1080/13504630.2017.1321712>.

⁴³ См., например, Bruce E. Goldstein, ed., *Collaborative Resilience: Moving Through Crisis to Opportunity* (Cambridge, MA: MIT Press, 2011); and Bruce Evan Goldstein, Anne Taufen Wessells, Raul Lejano, and William Butler, “Narrating Resilience: Transforming Urban Systems Through Collaborative Storytelling,” *Urban Studies* 52, no. 7 (2015): 1285-1303, <https://doi.org/10.1177/0042098013505653>.

Трудно опровергнуть доказательства того, что устойчивость как управление не распространяется на всех граждан одинаково и может способствовать углублению существующего и созданию нового неравенства, т.е. «устойчивость для кого?». ^{44,45,46,47} Несмотря на то, что в инструменталистской интерпретации устойчивости возникают тревожные вопросы, критический нарратив в значительной степени опирался на постструктуралистское понимание власти, которое плохо интегрируется с изменяющейся динамикой управления и с «онто-политическим» сдвигом, лежащим в основе распространения концепции устойчивости в политике и на практике. В последнее время началось обсуждение перехода от откровенно антагонистической критики к упреждающему обсуждению устойчивости как сложной совокупности, рассматриваемой в контексте дестабилизированной либеральной онтологии. ⁴⁸ Такой подход открывает возможность рассматривать устойчивость как нечто большее, чем новый мех для старого вина, связанное с критикой неолиберализма, ⁴⁹ открывая доступ к более широкому переосмыслению самой власти, силовых отношений, возникающих из мышления устойчивости, и условий возможности для другой «политики» роста. Благодаря этому взаимодействию с онтологией, лежащей в основе политики, эта концепция теперь рассматривается, хорошо это или плохо, как часть продолжающегося фундаментального сдвига в том, как мы «познаем вещи» о сложном мире в зарождающемся антропоцене. ^{50,51}

Там, где неолиберальная критика не смогла справиться с основополагающими онтологическими вызовами политике и науке в более широком

⁴⁴ Raven Cretney, "Resilience for Whom? Emerging Critical Geographies of Socio-Ecological Resilience," *Geography Compass* 8, no. 9 (2014): 627-640, <https://doi.org/10.1111/gec3.12154>.

⁴⁵ Amanda Fitzgerald, "Querying the Resilient Local Authority: The Question of 'Resilience for Whom?'," *Local Government Studies* 44, no. 6 (2018): 788-806, <https://doi.org/10.1080/03003930.2018.1473767>.

⁴⁶ Hugo Herrera, "Resilience for Whom? The Problem Structuring Process of the Resilience Analysis," *Sustainability* 9, no. 7 (2017), 1196, <https://doi.org/10.3390/su9071196>.

⁴⁷ Sara Meerow and Joshua P. Newell, "Urban Resilience for Whom, What, When, Where, and Why?" *Urban Geography* 40, no. 3 (2019): 309-329, <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1206395>.

⁴⁸ David Chandler, Stephanie Wakefield, and Kevin Grove, eds., *Resilience in the Anthropocene: Governance and Politics at the End of the World* (London: Routledge, 2020).

⁴⁹ Marc Welsh, "Resilience and Responsibility: Governing Uncertainty in a Complex World," *The Geographical Journal* 180, no. 1 (2014): 15-26, <https://doi.org/10.1111/geoj.12012>.

⁵⁰ Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*.

⁵¹ Kevin Grove and David Chandler, "Introduction: Resilience and the Anthropocene: The Stakes of 'Renaturalising' Politics," *Resilience* 5, no. 2 (2017): 79-91, <https://doi.org/10.1080/21693293.2016.1241476>.

смысле, этот подход скорее использует дестабилизацию традиционных границ знания: «Антропоцен позволяет “движение мысли, которое действительно контрсистемно”, потому что вводятся время и пространство, и тем самым дестабилизируется идея отдельного “внутри”». ⁵² Дестабилизируя представления о «внутреннем» и «внешнем», кантовское разделение между человеческим и естественным миром с помощью изобретения разума рушится. ⁵³ Это позволяет пересмотреть институциональный порядок на уровне субъекта-объекта, пересмотреть границы самой разумной жизни в рамках моральной опеки над нашей экологической способностью к существованию. С точки зрения социально-экологического понимания устойчивости, социальный порядок антропоцена вышел из фаз «эксплуатации» и «сохранения», когда система может быть оптимизирована для тех, кто лучше всего подходит для ее нынешней конфигурации и прошел поворотную точку в фазу выпуска и реорганизации – или сделал «обратную петлю». ⁵⁴ Чендлер предположил, что антропоцен «это не просто еще одна проблема или кризис, который нужно «решить», на который надо «отреагировать» или которого надо «компенсировать», но, скорее, это признак того, что современность была ложным обещанием спасения, которое привело нас на грани разрушения». ⁵⁵ На самом деле, концепция «обитания в руинах» выходит за рамки предсказания темной стороны устойчивости, и вместо этого стремится исследовать современные «руины», ⁵⁶ где с помощью «биополитического дублирования» мы теперь управляем другой жизнью, чтобы обезопасить человеческую жизнь». ⁵⁷ Этот аргумент предполагает, что управляя последствиями требований неолиберального правления, а не их причинами, устойчивое управление создает каскад отсрочек, «прикрывающих трещины», но не предлагающих решений. ⁵⁸ Вместо того, чтобы критически использовать устойчивость как средство для прогрессивной политики в пространстве между природой и деятельностью человека, это заранее преподносится как предсмертный звон «*принудительной* устойчиво-

⁵² Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*, 82.

⁵³ Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*.

⁵⁴ Stephanie Wakefield, “Inhabiting the Anthropocene Back Loop,” *Resilience* 6, no. 2 (2018): 77-94.

⁵⁵ David Chandler, “Resilience and the End(s) of the Politics of Adaptation,” *Resilience* 7, no. 3 (2019): 304-313, <https://doi.org/10.1080/21693293.2019.1605660>.

⁵⁶ Stephanie Wakefield, “Infrastructures of Liberal Life: From Modernity and Progress to Resilience and Ruins,” *Geography Compass* 12, no. 7 (2018): 123-177, <https://doi.org/10.1111/gec3.12377>.

⁵⁷ Stephanie Wakefield and Bruce Braun, “Oystertecture: Infrastructure, Profanation and the Sacred Figure of the Human,” in *Infrastructure, Environment, and Life in the Anthropocene*, ed. Gregg Hetherington (Durham, NC: Duke University Press, 2018), 193-215, <https://doi.org/10.1215/9781478002567-012>.

⁵⁸ Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*, 83.

сти» как системы управления из-за разоблачения ее неспособности справиться с антропоцентрической ответственностью в свете рушащегося модернистского проекта. Таким образом, эта «принудительная устойчивость» «создается в результате антропогенных факторов, таких как рабочая сила, энергия и технологии, а не обеспечивается самой экологической системой. В контексте производственных систем принуждение к устойчивости позволяет поддерживать высокий уровень производства»,⁵⁹ что приводит к контрпродуктивному углублению кризисов везде, где применяется концепция устойчивости.

Пределы критики: появление, сложность и позитивная политика

Возникновение и сложность являются важными аспектами подхода к устойчивости, обсуждаемого в этой статье, поскольку они относятся к природе фундаментального онто-политического сдвига, подразумеваемого устойчивостью как управлением, и открывают способы преодоления пессимизма критики, рассмотренной выше. Если рассматривать это как сдвиг в «онтополитике»⁶⁰ нашего времени, то есть в политике «бытия»,⁶¹ проявленная устойчивость представляет собой многообразную трансформацию правил игры, лежащих в основе социальных взаимодействий. Это также потенциально трансформирует политический субъект и условия возможности для политики, как их понимают с точки зрения социально-договорных отношений, которые определяют современность. Субъект и структура становятся нефиксированными, дестабилизированными из-за неопределенности кризисов и необходимости управлять последствиями этих кризисов, когда они возникают без нарушения упорядоченного потока капитала или подрыва ткани социального порядка.

Критика выявляет концептуальные линии разлома между теорией и реализацией устойчивости, но редко предлагает прогрессивные решения в виде децентрализованного введения, поскольку управление приводит к различным артикуляциям его возникающей онтополитики. Возникновение становится проблемой для критики при согласовании результатов проблематизации с программой значимых действий, направленных на повышение

⁵⁹ Lucy Rist, Adam Felton, Magnus Nyström, et al., “Applying Resilience Thinking to Production Ecosystems,” *Ecosphere* 5, no. 6 (2014), 73, <https://doi.org/10.1890/ES13-00330.1>, quote on p. 3.

⁶⁰ В ходе недавних исследований возникло несколько критических вопросов, связанных с этой концепцией, среди которых следует особо отметить David Chandler, *Ontopolitics in the Anthropocene: An Introduction to Mapping, Sensing and Hacking* (London: Routledge, 2018).

⁶¹ David Chandler and Julian Reid, “‘Being in Being’: Contesting the Ontopolitics of Indigeneity,” *The European Legacy* 23, no. 3 (2018): 251-268, <https://doi.org/10.1080/10848770.2017.1420284>.

устойчивости. Современный научный эмпиризм требует твердой уверенности с оптимизированными результатами, но трансформация, в которой мы участвуем, не столько «произошла», сколько вплетена во временной цикл с вечно неопределенными результатами. Здесь задействовано множество переменных, и их невозможно перечислить исчерпывающе, поскольку они варьируются и не ограничиваются возникающим антропоцентром и сопутствующим климатическим кризисом: потребности безудержного свободного рынка капитала; переупорядочение человеческих взаимодействий, порожденное искусственным интеллектом, машинным обучением и алгоритмическими формами управления; ползучий авторитаризм в политике «третьего пути» и более широкое реформирование либерального политического строя, возникшего в результате преждевременно провозглашенного «конца истории». Однако история продолжает накапливать новые сложности вопреки таким прокламациям, сплетая все более сложные комплексы взаимозависимости, которые я в другом месте назвал процессом *взаимодействия*.⁶² Текущие изменения нельзя четко свести к дисциплинарному подходу, единственному канону теории, методу или какому-либо единственному способу критики, поскольку они не являются четко диахроническими или ограниченными по своей природе, как того предпочли бы рациональный редукционизм или дедуктивная наука. Скорее трансформация стала возникновением междуцарствия, пористой, плохо определенной новой нормы, которую нужно попытаться согласовать со сложностями меняющейся «онтополитики» по мере ее продвижения к неопределенной конечной реконфигурации.

Участие в онтополитике устойчивости направлено на то, чтобы открыть черный ящик непредвиденных последствий для прагматической оценки ее комплементарных правил и практик. Хотя этот подход все еще находится в разработке как последовательный проект, он ставит под сомнение предполагаемый «дивиденд устойчивости».⁶³ Когда мы спрашиваем, достойны ли изменения, вызванные устойчивостью, институционализации в логику нашего социального порядка или подрывают основную силу либерально-демократической политики, это не отвергает устойчивость, а стремится выровнять конфигурацию онтополитики в направлении реализации инклюзивного, демократизационного проекта. Цель не в том, чтобы искать конкретную рациональную «истину» устойчивости, как она проявляется в рациональных моделях или нормативных формулировках идеи. Скорее для того, чтобы использовать эти разнообразные встречи с устойчивостью, чтобы бросить вызов нормативным институтам (т.е. «правилам игры»), возникающим в результате ее принятия, и стимулировать их к совместным и инклю-

⁶² Peter Rogers, *Resilience & the City: Change, (Dis)Order and Disaster* (Farnham: Ashgate, 2012).

⁶³ Judith Rodin, *The Resilience Dividend: Being Strong in a World Where Things Go Wrong* (Philadelphia, PA: Public Affairs, 2014).

живным практикам, которые в большей степени дополняют основные либерально-демократические принципы, чем потребности рыночно-ориентированных и алгоритмических систем управления. Это подвергает проверке (более) рефлексивное теоретизирование практических вмешательств, которые дает устойчивость в управлении повседневной жизнью. На уровне институциональных правил и практик, это вызов материалистическим концепциям познания, постструктуралистской критике и многообещающей политике отношений гражданин-государство, где устойчивость информирует измененные параметры в рамках договорных ожиданий, например, связанные с понятиями гражданство, права и обязанности.

Сдвиг, вызванный распространением устойчивости как институциональной основы управления, требует переосмысления ограничений, лежащих в основе того, что такое правительство и что оно делает. Это требует, чтобы мы обращали внимание на «политику бытия», лежащую в основе управления проблемными группами населения во времена вечного кризиса, и более того на то, как она осуществляется. Эти стратегии реализации имеют важное значение для того, как будут развиваться социально-договорные отношения между гражданином и государством. Институционализированные «правила игры», которые расширяют возможности договорного взаимодействия между людьми, организациями и рынками, в свою очередь, влияют на то, какие формы ожиданий мы имеем от наших основных демократических институтов, таких как права человека, права собственности и, в более широком смысле, формальные и неформальные силовые отношения, посредством которых устанавливается порядок в повседневной жизни. Это формирует условия возможности существования устойчивой формы социального порядка, для того, чтобы устойчивые индивиды действовали в рамках сложных, взаимозависимых систем влияния. Принимая во внимание эти факторы, проблемы возникновения и сложности требуют тщательной и вдумчивой проблематизации. Однако эта проблематизация должна иметь место для положительного результата, чтобы оставаться прогрессивной и, что более важно, доступной для практиков в контексте их конкретной организации и ее компетенций.

Проблема проблематизации

Я утверждал, что для того, чтобы проблематизация приводила к положительным результатам, необходимо критически, но позитивно заниматься повышением устойчивости и управлением для повышения устойчивости. Биополитическая и неоллиберальная критика устойчивости, похоже, борется с тем, как объяснить онтологическое противоречие между тем, что считалось устойчивостью, и тем, чем она становится. Онтополитика устойчивого социального порядка прямо бросает вызов некоторым фундаментальным предположениям, заключенным в онтополитике современности, включая традиционные программы противостояния или сопротивления и границы

между человеческими и природными системами.⁶⁴ Устойчивость может представлять собой более тонкий сдвиг в основополагающих принципах и механизмах управления, чем простое воспроизведение экономического управления, которое допускает неолиберализм. Сдвиг фокуса управления от причин социальных проблем к управлению их последствиями, или, как предполагает Арадау, «от обещания безопасности к отказу от обещания устойчивости»,⁶⁵ может быть лучше понят в рамках контекста онтологического взаимодействия между конфигурациями устойчивости.

Этот многообещающий сдвиг представляет собой политическое изменение во взаимоотношениях между гражданином, государством и рынком. В то время как государство сохраняет подразумеваемую ответственность за выживание гражданина-субъекта в рамках «неолиберальной» модели социального порядка, договорные свободы передаются контролируемому рынку, а стимулированный выбор из предпочтительных вариантов рационально уточняется как средство открытого доступа к привилегиям. Однако автоматическая балансировка системы – невежливая фикция. В сочетании с текущими преобразованиями в практике управления, структура стимулов для «повышения устойчивости» ставит во главу угла обязанности граждан участвовать в выживании не только «политического тела», но и всей планеты. В этом смысле его можно интерпретировать как призыв к людям взять на себя личную ответственность с намерением участвовать, но часто он реализуется проблематично, когда элементы принуждения доминируют над потенциалом сотрудничества и участия возникающей онтополитики устойчивости.

Проблематизация сложности, связанной с появлением «устойчивого социального порядка», требует от нас ряда встреч с концепцией устойчивости. Неясно, *существует ли вообще* единственная онтология, лежащая в основе устойчивости, и не является ли она по сути своей онтологией трансформации. Вместо определенности или безопасности, устойчивость не может содержать фиксированных концепций доступа к правам и привилегиям, которые традиционно лежали в основе институтов порядка. Либеральная и демократическая философия общественного договора, верховенства закона, прав человека (в широком смысле) и наличия обеспеченных принуждающей силой ожиданий в отношении договорной защиты основных прав – например доступа к организациям, владения собственностью, обменов и предоставления услуг (в более узком смысле) – могут быть полезны как форма критического взаимодействия, но до сих пор плохо обосновывались биополитическими и неолиберальными теоризациями. Именно здесь различные концепции власти, лежащие в основе нового подхода институциональной экономики, больше всего сталкиваются с постструктуралистскими

⁶⁴ Здесь я использую прочтение политической онтологии Блазером. Mario Blaser, "Ontological Conflicts and the Stories of Peoples in Spite of Europe," *Current Anthropology* 54, no. 5 (October 2013): 547-568, <https://doi.org/10.1086/672270>.

⁶⁵ Aradau, "The Promise of Security," 75.

интерпретациями власти, связанными с (устаревшей) критикой капитализма. Стремление к единой идеологически последовательной онтологии в таких условиях не воодушевляет. В самом деле, это не кажется полезным или желательным перед лицом такого множества вариантов устойчивости, применяемых столь разными способами.

Поскольку существует множество вариаций устойчивости, почерпнутых из богатой истории, эту концепцию необходимо критически рассматривать не как единое целое, а как множественность с отрицательными и положительными конфигурациями. Это важно, если мы хотим понять влияние и важность устойчивости как институционального правила, добавляющего ограничения или стимулы к человеческим действиям. Таким образом, хотя структура институтов, рассматриваемая как процесс, может теоретически согласовываться с обсуждением биополитики и государственного управления, способы, которыми они занимаются, доступом к привилегиям и использованием насилия в качестве движущей силы социального упорядочения, различны и должны быть изучены более глубоко.

Если устойчивость – это концепция, которую лучше всего понимать как находящейся «в процессе становления», *in statu nascendi*⁶⁶ – тогда можно оценить множество встреч с ней как сложную диффузию внутри, и через которую взаимодействие конфигурирует различные, но взаимопроникающие условия возможности. Эффект этих условий возможности, реализуемых как отношения сил, будет встречаться по-разному в каждом конкретном контексте. Суверенная власть все еще существует, но больше не обещает безопасности в традиционно понимаемых терминах; вместо этого контракт координируется посредством принятия решений агентами в среде возможных условий, сформированных сочетанием суверенных намерений, индивидуальных агентских и рыночных опций, и помещенных в сложных совокупностях договорных отношений. Дисциплинарная власть не ограничивается законным применением насилия суверенными субъектами «государства», а скорее распределяется через локально встречающиеся предварительные конфигурации вариантов, из которых можно выбирать, встроенные в суверенную власть, но преобразованные *in statu nascendi* (в состоянии рождения) все более обезличенными, автоматизированными формами алгоритмического перевода. Традиционные ограничения насилия размываются и смешиваются с безличной стохастической конфигурацией выбора, которая становится понятной через сопутствующий интерфейс, с помощью которого человек получает доступ к своему выбору. Все чаще стирание таких различий путем принятия принципов алгоритмического управления приводит к более безличным, менее заметным отношениям применения силы, когда доступ к привилегиям все больше ограничивается алгоритмическим курированием, а не «открытой» рыночной свободой выбора.

⁶⁶ Peter Rogers, “The Etymology and Genealogy of a Contested Concept,” in *The Routledge Handbook of International Resilience*, ed. David Chandler and Jon Coaffee (Abingdon, UK: Routledge, 2017), 13–25.

Суверенная власть не устанавливает порядок на рынке, а скорее полагается на рынок, чтобы формировать доступ к привилегиям на основе автоматического уравнивания эгалитарного популизма под руководством абстрактного, рационального, расчетливого индивидуального субъекта.

Это форма «он-политики», которая бросает вызов тому, что Фуко называет полаганием на различия «суверенна» и «народонаселения» как на ключевые области применения насилия. Это также бросает вызов линейному пониманию Норта социального порядка, определяемого политикой, экономическими и социальными отношениями, где динамика этих обменов ограничивается законным применением насилия. Также нельзя адекватно проблематизировать сложность контекста или добровольное погружение рационально невротичных граждан, субъективированных наследием теории холодной войны и экономики общественного выбора, как соучастников в совместном производстве новых «более мягких» форм нематериального насилия, дающих основание для ревизии либерализма. Они также неадекватно отражают появление более «плоской» этики антропоцена, разрушающей различия между человеком и природой способами, которые напрямую бросают вызов «священной вере» в фундаментализм финансов.⁶⁷ Такие формы власти, по сути, являются итеративными и появляющимися, а не статичными, поскольку они действуют в условиях возможности индивидуального познания, то есть «свободы выбора» в конкуренции с «правом на жизнь». Если мы предположим, что рыночная институциональная логика все в большей степени включает в себя эту демократическую логику, подразумеваемую «публичной сферой» – например, посредством усиления алгоритмического управления как средства редактирования доступа к привилегиям, – тогда в этот период трансформации мы столкнемся с тем, что институты демократии становятся менее стабильными, хотя рыночные институты становятся более влиятельными и менее подотчетными суверенной власти. Мы наблюдали некоторые ранние признаки того, что это активная характеристика междуцарствия в последние годы, когда вопросы о легитимности демократического процесса возникли даже в «стране свободных» после финансового кризиса 2008 года и президентских выборов 2016 года. Тем не менее, учитывая сложность головоломки устойчивости и проникновение онтополитики устойчивости в управление в качестве институционального принципа упорядочивания, позитивная критика все же может способствовать возвращению к более эмансипативным условиям возможности, имманентным дискурсу трансформации устойчивости как проявление альтруизма.

⁶⁷ Luca Mavelli, “Neoliberalism as Religion: Sacralization of the Market and Post-truth Politics,” *International Political Sociology* 14, no. 1 (2020): 57-76, <https://doi.org/10.1093/ips/olz021>.

Положительная критика проблематизации с открытыми выходами

Проблематизация – хороший способ заниматься возникающим, условным и комплексным. В качестве стратегии для исследователей она дает нам возможность систематически выявлять и изучать потенциальные проблемы и определять, где теоретические предположения могли устареть.⁶⁸ Для некоторых исследователей проблематизация предлагает средства для разработки «истории настоящего»,^{69,70} отслеживая исторические предпосылки конкретных проблем, связанных с конфигурацией ключевых переменных, таких как моральные, политические, экономические, военные, геополитические или юридические институты и практики организаций.⁷¹ Они также обращаются к тому, как определенные люди, группы населения и формы поведения рассматриваются как «проблемы, которые необходимо решить» в этих относительных контекстах. Используя этот подход, проблематизация помогает исследовать и объяснять взаимодействие технологий, авторитетов, субъективностей и стратегий в сложных системах.⁷²

«Проблема» проблематизации устойчивости заключается, во-первых, в разнообразии приложений, к которым она может быть применена, или в том, что я назвал разнообразием возможных встреч с ней,⁷³ и, во-вторых, в склонности к критицизму, а не к критике при столкновении с онтологическими вызовами практики критики до междущарствия. Существует тенденция к наложению диахронических границ, встроенных в историцизм, которая укрепляет абсолютистские или авторитарные толкования власти и суверенитета, связанные с классическими либеральными концепциями договорных прав и обязательств. Если эти концепции устарели или вытеснены социальными и технологическими вызовами социальному порядку, о которых нельзя было думать ни в эпоху Просвещения, ни во время промышленных революций, то эти концепции, вероятно, потребуют пересмотра. Чрезмерно биополитические подходы изо всех сил пытались преодолеть это наследие, внося множество подробных этимологий, таксономий и генеалогических оценок устойчивости, но не понимая значения контекстной встречи как пространства для объединения теории и эмпирических исследований с политикой и практикой. Подход антропоцена открыл дверь для

⁶⁸ Manos Gkeredakis and Panos Constantinides, “Phenomenon-based Problematization: Coordinating in the Digital Era,” *Information and Organization* 29, no. 3 (2019), 100254, <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.100254>.

⁶⁹ Stuart Elden, *Mapping the Present: Heidegger, Foucault and the Project of a Spatial History* (London: Bloomsbury, 2002).

⁷⁰ Garland, “What Is a “History of the Present”?”

⁷¹ Nikolas Rose, *Governing the Soul: The Shaping of the Private Self* (New York: Routledge, 1990).

⁷² Rose, *Governing the Soul*, pp. xi-xii.

⁷³ Rogers, *Resilience & the City*.

позитивного прочтения, но изо всех сил пытался сформулировать прогрессивный путь управления.

В тех случаях, когда практические встречи с устойчивостью стремятся обуздать «многозначную»⁷⁴ природу устойчивости, они сначала поощряли лечение устойчивости по дисциплинарным соображениям, что привело к появлению множества более узких обзоров литературы.^{75,76,77} Публичность, казалось, была достигнута в областях управления стихийными бедствиями и кризисами, устойчивого развития, снижения риска стихийных бедствий, смягчения последствий и безопасности, связанной с терроризмом,⁷⁸ но вновь появились в таких разнообразных областях, как финансирование,⁷⁹ жилищное строительство⁸⁰ и, в последнее время, в критически важных областях алгоритмического управления.⁸¹ Академическая реакция на появление концепции устойчивости была чрезвычайно критической; тем не менее, это не замедлило принятие устойчивости как мощной риторики в политике, как важной ключевой бизнес-функции организаций в общественной и частной жизни и как вызов нашему пониманию договорных отношений между гражданами, государством и рынками.

Подход к устойчивости как к форме «онто-политики» открывает ее для дальнейшего детального исследования. Чендлер представляет онтополитику как нечто большее, чем «утверждение новой реальности в противовес старым взглядам». Если продуктивно взаимодействовать с институтом

⁷⁴ Для обзора устойчивости и многозначности см. Reghezza-Zitt, et al., “What Resilience Is Not: Uses and Abuses”; Rogers, “The Etymology and Genealogy of a Contested Concept.”

⁷⁵ Ran Bhamra, Samir Dani, and Kevin Burnard, “Resilience: The Concept, A Literature Review and Future Directions,” *International Journal of Production Research* 49, no. 18 (2011): 5375-5393, <https://doi.org/10.1080/00207543.2011.563826>.

⁷⁶ Patrick Martin-Breen and J. Marty Anderies, “Resilience: A Literature Review,” Institute of Development Studies, 2011, <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/3692>.

⁷⁷ Adrian DuPlessis VanBreda, *Resilience Theory: A Literature Review* (Pretoria, South Africa: South African Military Health Service, 2011).

⁷⁸ Jon Coaffee and David Murakami Wood, “Security is Coming Home: Rethinking Scale and Constructing Resilience in the Global Urban Response to Terrorist Risk,” *International Relations*, 20, no. 4 (2006): 503-517, <https://doi.org/10.1177/0047117806069416>.

⁷⁹ Iain Hardie, *Financialization and Government Borrowing Capacity in Emerging Markets* (London and New York: Palgrave Macmillan, 2012).

⁸⁰ Graham Squires and Iain White, “Resilience and Housing Markets: Who Is It Really for?” *Land Use Policy* 81 (2019): 167-174, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2018.10.018>.

⁸¹ David Chandler, “Algorithmic Governance: Actor Networks and Machinic Correlation,” Western Political Science Association (WPSA) annual convention “The Politics of Climate Change,” San Diego, California, 2019, accessed October 15, 2020, www.wpsanet.org/papers/docs/WPSA%20algorithmic%20governance.pdf.

устойчивости, будет возможно логически сделать разумными относительные связи между практиками разделения и сортировки, задействованными в управлении проблемными популяциями, и логикой поддерживающих структур стимулов как с точки зрения маскирующей и принудительной тенденций плохо реализуемой устойчивости, так и с точки зрения потенциала эмансипации и демократизации, как формы совместной политики, основанной на участии. Это хорошо согласуется с изучением устойчивости в виде, в котором она проявлялась во многих из этих областей на протяжении ее продолжающейся эволюции. С точки зрения теории игр институциональной экономики, устойчивость, как эффективный институт, должна повышать выгоды от совместных решений или увеличивать стоимость несоответствия лежащей в основе логике. В этом смысле основополагающая онтополитика устойчивости должна представлять для нас большой интерес. Именно здесь генеалогическая проблематизация концепции становится важной для более глубокого рассмотрения, но пессимистическая линза, помещенная в текущую критику с использованием эмерджентности и сложности в антропоцене, имеет тенденцию априори исключить возможность существования прогрессивной политики.

Заключение

Скептически относясь к пессимизму, присущему большей части критики, тем не менее нельзя сказать, что опасения необоснованны. Проблемы явно присутствуют в отдельном и частичном характере устойчивого управления, при этом многие формулировки устойчивости изо всех сил пытаются найти выгоду среди зависимостей путей организаций управления, не склонного к риску, и подвергаются эксплуатации для создания богатства организациями частного сектора. Последствия более тесной координации между системами алгоритмов и надзора в рамках управления через неотложные потребности кризисов представляют собой очень реальную угрозу прогрессивной политике, о которой я говорил. Приложения для отслеживания COVID-19 были на переднем крае отказа от институциональных силовых отношений между гражданином, государством и рынком, демонстрируя хрупкость традиционных социально-договорных предположений во время зарождающегося междоусарствия. Такие примеры должны быть в будущем в центре внимания исследователей устойчивости, которые меньше озабочены тем, что *такое* устойчивость, и больше озабочены тем, что *делает* устойчивость.⁸² Это возвращает наше внимание к действующей реализации устойчивости в рамках существующих и возникающих структур стимулов с целью понимания институциональной логики управления на практике.

⁸² Kevin Grove, *Resilience (Key Ideas in Geography)* (Abingdon, UK: Routledge, 2018), p. 4.

Многозначная природа устойчивости побуждает нас ценить контекстное встраивание концепции там, где она встречается⁸³ и есть много столкновений с устойчивостью, которые необходимо исследовать, которые раскрывают то, что делает устойчивость в различных конфигурациях. Как утверждает Гроув, «устойчивость медленно трансформирует мышление и практику способами, которые часто остаются незамеченными в традиционных формах анализа и размышлений, как критических, так и прикладных».⁸⁴ Уравновешивание нынешней концепции устойчивости с ее институционализацией помогает нам лететь достаточно низко, чтобы видеть и определять артикуляцию меняющихся договорных отношений и их дополняющихся правил и практик. Опираясь на исторические предшественники этой концепции и текущие критические высказывания, выявляется потребность в более сбалансированном понимании потенциального общественного блага, но с трезвым осознанием опасностей, связанных с плохо реализуемой концепцией устойчивости.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами автора и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Об авторе

Питер Роджерс – старший преподаватель социологии Университета Маккуори, Австралия. Он является автором книг *«Повседневная устойчивость города»* (совместно с Джоном Коаффи и Давидом Мураками-Вудом) и *«Устойчивость и город: изменение, (бес)порядок и бедствия»*.

E-mail: Peter.rogers@mq.edu.au

⁸³ Rogers, “The Etymology and Genealogy of a Contested Concept.”

⁸⁴ Grove, *Resilience*, p. 4.

Многомерная матрица для лучшего дефинирования и концептуализации устойчивости

Кармит Падан и Реувен Гал

Институт исследований по вопросам национальной политики имени Самуэля Нямана, <https://www.neaman.org.il/en/Home>

Резюме: Появляющиеся проблемы устойчивости государств и обществ, а также сообществ и отдельных лиц, многочисленны и разнообразны. Тем не менее, множество определений устойчивости, существующих в литературе, а также расхождения между ними, затрудняют оценку, практическое применение или сравнение результатов исследований устойчивости в разных исследованиях. Цель данной статьи – дать последовательное и общее определение термина «устойчивость» и других подкатегорий этой общей концепции. Это будет достигнуто путем представления двумерной матрицы, разделенной на четыре категории по содержанию (социальное, экономическое, политическое и военное) и на три категории по уровню (индивидуальный, общинный и государственный). Недавняя пандемия COVID-19 может ставить вопрос о глобальном уровне в качестве четвертого, но ее полные последствия пока слишком преждевременно оценивать. Предлагаемая матрица генерирует двенадцать ячеек, которые представляют двенадцать различных подтипов устойчивости. Впоследствии эту матрицу можно использовать для исчерпывающего определения устойчивости и ее подтипов, а также для возможных оценок устойчивости в разных ее проявлениях.

Ключевые слова: устойчивость, определения устойчивости, таксономия устойчивости.

Введение

Литературные обзоры устойчивости ясно демонстрируют тот факт, что определения устойчивости различаются в зависимости от подхода, дисциплины

или предмета, на котором эти определения основаны.^{1,2,3,4,5} Можно найти разные определения устойчивости даже в рамках одной определенной дисциплины.⁶ Множественность определений и расхождения между ними затрудняют оценку, практическое применение или сравнение результатов исследований устойчивости и, следовательно, распространение и использование накопленных на их основе знаний об устойчивости.⁷ Цель данной статьи – дать последовательное и общее определение устойчивости, поскольку, насколько нам известно, не существует академической работы, разделяющей множество подходов к устойчивости. Более того, опираясь на всеобъемлющее определение устойчивости, мы предлагаем серию конкретных определений для двенадцати подтипов устойчивости.

Мы считаем, что прочная основа для концептуализации устойчивости, а также для измерения и реализации представлений, существующих в ее основе, может быть создана в основном за счет дифференциации и спецификации – отдельных уровней и отдельных областей. Предлагаемая здесь концептуализация основана на многомерной категориальной матрице устойчивости. Матрица включает два измерения – «содержание» и «уровень», которые, в свою очередь, включают соответственно три и четыре категории. Более того, она основана на очень общем определении устойчивости и подразумевает более конкретное определение каждой из двенадцати «ячеек», созданных этой матрицей четыре на три.

¹ Philippe Bourbeau, “Resilience and International Politics: Premises, Debates, Agenda,” *International Studies Review* 17, no. 3 (September 2015): 374-395, <https://doi.org/10.1111/misr.12226>.

² Carl Folke, et al., “Resilience and Sustainable Development: Building Adaptive Capacity in a World of Transformations,” *AMBIO: A Journal of the Human Environment* 31, no. 5 (August 2002): 437-440, <https://doi.org/10.1579/0044-7447-31.5.437>.

³ Steven M. Southwick, et al., “Resilience Definitions, Theory, and Challenges: Interdisciplinary Perspectives,” *European Journal of Psychotraumatology* 5, no. 1 (October 2014), 25338, <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>.

⁴ “Definitions of Community Resilience: An Analysis,” *A CARRI Report*, <https://s31207.pcdn.co/wp-content/uploads/2019/08/Definitions-of-community-resilience.pdf>.

⁵ Gemma M. Balmer, Julie-Ann Pooley, and Lynne Cohen, “Psychological Resilience of Western Australian Police Officers: Relationship between Resilience, Coping Style, Psychological Functioning and Demographics,” *Police Practice and Research: An International Journal* 15, no. 4 (2014): 270-282, <https://doi.org/10.1080/15614263.2013.845938>.

⁶ “Definitions of Community Resilience.”

⁷ Dmitry M. Davydov, et al., “Resilience and Mental Health,” *Clinical Psychology Review* 30, no. 5 (July 2010): 479-495, <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2010.03.003>.

Реконцептуализация устойчивости

Из многочисленных определений термина «устойчивость» в литературе все же можно выделить три преобладающие характеристики, которые присутствуют в большинстве из них:

- Устойчивость воспринимается как способность (или готовность или потенциал – но не как реакция, ответ, черта или процесс) человека, группы, сообщества или общества.^{8,9,10,11,12}
- Устойчивость включает динамическое изменение или трансформацию поведения.^{13,14,15}
- Устойчивость характеризуется динамической способностью системы адаптироваться к изменяющейся ситуации.^{16,17}

Предпосылкой для существования устойчивого поведения является нарушение функционирования. Это так потому, что потребность в устойчивости появляется только в состоянии, когда равновесие системы нарушено.

-
- ⁸ Byron Egeland, Elizabeth Carlson, and L. Alan Sroufe, “Resilience as Process,” *Development and Psychopathology* 5, no. 4 (Fall 1993): 517-528, <https://doi.org/10.1017/S0954579400006131>.
- ⁹ George A. Bonanno, “Loss, Trauma, and Human Resilience: Have We Underestimated the Human Capacity to Thrive After Extremely Aversive Events?” *American Psychologist* 59, no. 1 (2004): 20-28, quote on p. 20, <https://doi.org/10.1037/0003-066X.59.1.20>.
- ¹⁰ Betty J. Pfefferbaum, et al., “Building Resilience to Mass Trauma Events,” in *Handbook of Injury and Violence Prevention Interventions*, ed. Lynda S. Doll, Sandra E. Bonzo, David A. Sleet, James A. Mercy, and E. N. Haas (Atlanta: Springer, 2007), 347-358.
- ¹¹ Dean Ajdukovic, Shaul Kimhi, and Mooli Lahad, *Resiliency: Enhancing Coping with Crisis and Terrorism*, NATO Science for Peace and Security series, Vol. 119 (Amsterdam: IOS Press, 2015).
- ¹² Melissa Parsons, et al., “Top-down Assessment of Disaster Resilience: A Conceptual Framework using Coping and Adaptive Capacities,” *International Journal of Disaster Risk Reduction* 19 (October 2016): 1-11, <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2016.07.005>.
- ¹³ Neil W. Adger, “Social and Ecological Resilience: Are They Related?” *Progress in Human Geography* 24, no. 3 (2000): 347-364, <https://doi.org/10.1191/030913200701540465>.
- ¹⁴ Fikret Berkes and Helen Ross, “Community Resilience: Toward an Integrated Approach,” *Society & Natural Resources* 26, no. 1 (2013): 5-20, <https://doi.org/10.1080/08941920.2012.736605>.
- ¹⁵ Jean-Christophe Gaillard, “Vulnerability, Capacity and Resilience: Perspectives for Climate and Development Policy,” *Journal of International Development* 22, no. 2 (March 2010): 218-232, <https://doi.org/10.1002/jid.1675>.
- ¹⁶ David Fletcher and Mustafa Sarkar, “Psychological Resilience: A Review and Critique of Definitions, Concepts, and Theory,” *European Psychologist* 18, no.1 (2013): 12-23, <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000124>.
- ¹⁷ Carmit Padan and Meir Elran, *The “Gaza Envelope” Communities: A Case Study of Societal Resilience in Israel (2006–2016)*, Memorandum No. 188 (Tel Aviv: Tel Aviv University, Institute for National Security Studies, 2019).

Нарушение может быть вызвано человеком, например, войной, террором, насилием, или может быть порождено природой, например, землетрясением, цунами, наводнениями и т.д., но в любом случае оно должно вызывать значительное расстройство повседневной жизни людей.¹⁸

Чтобы сформулировать широкое определение, из которого мы получим конкретные определения для каждого подтипа устойчивости, включенного в предложенную нами матрицу, мы представляем следующее определение:

Устойчивость – это способность системы (индивида / сообщества / государства) адаптироваться во время кризиса или после сбоя в функционировании, чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования.

Многомерная матрица

Исчерпывающее определение, приведенное выше, может служить основой для нескольких конкретных определений, представляющих двенадцать различных типов устойчивости, которые создаются пересечением двух соответствующих измерений: *содержания* и *уровня*.

Измерение содержания в дальнейшей матрице состоит из четырех основных направлений: социальное, экономическое, политическое и военное/безопасность. Хотя очевидно, что это не единственные области, в которых можно изучать устойчивое поведение (окружающая среда, климат и культура являются примерами дополнительных областей, в которых устойчивость играет важную роль), эти четыре обеспечивают лучшую перспективу для изучения на разных уровнях, как будет продемонстрировано далее. Основным *raison d'être* (аргументом) в пользу измерения, связанного с содержанием, является утверждение о том, что способности для устойчивости, необходимые в этих четырех областях, не обязательно идентичны. С онтологической точки зрения каждая область представляет собой отдельную категорию.¹⁹

Измерение, связанное с уровнем, включает три базовых уровня: индивидум, сообщество и государство. Недавняя пандемия COVID-19, серьезно затронувшая все страны на всех континентах, очевидно, дает основания говорить о четвертом уровне - глобальном. К этому измерению также можно добавить различные промежуточные уровни, такие как семейный, регио-

¹⁸ Meir Elran, *Israel's National Resilience: The Influence of the Second Intifada on Israeli Society*, Memorandum no. 81 (Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University, January 2006).

¹⁹ Christian Fjäder, "The Nation-state, National Security and Resilience in the Age of Globalization," *Resilience: International Policies, Practices and Discourses* 2, no. 2 (2014): 114-129, <https://doi.org/10.1080/21693293.2014.914771>.

нальный (или этнический) или организационный уровень. Однако в текущем обсуждении мы сосредоточимся на этих трех фундаментальных уровнях.

Матрица, сгенерированная путем комбинирования измерений, связанных с *содержанием* и *уровнем*, дает двенадцать ячеек, каждая из которых представляет подтип устойчивости (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Многомерная матрица для представления двенадцати типов устойчивости.

		Категории содержания			
		Социальная	Политическая	Экономическая	Безопасность
Категории уровня	Индивидуум				
	Сообщество				
	Государство				

Индивидуальный уровень

I. Индивидуальная устойчивость к чрезвычайным ситуациям лично-социального характера

Здесь мы сосредотачиваемся на устойчивости в ее наиболее психологическом значении. Соответственно, определение индивидуальной (личной) устойчивости в условиях социальной чрезвычайной ситуации выглядит следующим образом:

Способность человека вести себя во время личного социального кризиса или после нарушения социального характера адаптивным образом так, чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования.

Этот тип устойчивости может быть продемонстрирован в крайних случаях утраты (например, смерть в семье²⁰), семейных кризисов (например, развод или болезненное разделение), неизбежных угроз (развивающаяся смертельная болезнь, надвигающийся судебный процесс) или длительной неопределенности.²¹ Особый интерес представляют исследования, пытаю-

²⁰ An Hooghe and Robert A. Neimeyer, "Family Resilience in the Wake of Loss: A Meaning-Oriented Contribution," in *Handbook of Family Resilience*, ed. Dorothy S. Becvar (New York: Springer, 2013), 269-284.

²¹ William R. Saltzman, "The FOCUS Family Resilience Program: An Innovative Family Intervention for Trauma and Loss," *Family Process* 55, no. 4 (December 2016): 647-659, <https://doi.org/10.1111/famp.12250>.

щиеся выявить источники устойчивости среди людей, страдающих пост-травматическими стрессовыми расстройствами (ПТСР) после тяжелых происшествий.²²

Наиболее упоминаемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются социальная поддержка,^{23,24} стабильность семьи,^{25,26} соответствующая информация и коммуникация;²⁷ позитивный подход к жизни;²⁸ оптимизм;^{29,30} способность регулировать эмоции.³¹ Цирульник обнаружил, что люди, которые в детстве имели хорошие отношения, привязанности и обладали развитыми словесными способностями, характеризуются высоким уровнем устойчивости во взрослом возрасте.³²

²² Christine E. Agaibi and John P. Wilson, "Trauma, PTSD, and Resilience: A Review of the Literature," *Trauma, Violence, and Abuse* 6, no. 3 (July 2005): 195-216, <https://doi.org/10.1177/1524838005277438>.

²³ Zehava Solomon and Avital Laufer, "In the Shadow of Terror: Changes in World Assumptions in Israeli Youth," *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma* 9, no. 3-4 (2005): 353-364, https://doi.org/10.1300/J146v09n03_06.

²⁴ Scott E. Wilks and Christina A. Spivey, "Resilience in Undergraduate Social Work Students: Social Support and Adjustment to Academic Stress," *Social Work Education* 29, no. 3 (2010): 276-288, <https://doi.org/10.1080/02615470902912243>.

²⁵ Helena Syna Desivilya, Reuven Gal, and Ofra Ayalon, "Long-term Effects of Trauma in Adolescence: Comparison between Survivors of a Terrorist Attack and Control Counterparts," *Anxiety, Stress, & Coping* 9, no. 2 (1996): 135-150, <https://doi.org/10.1080/10615809608249397>.

²⁶ Brian H. Walker et al., "Resilience, Adaptability, and Transformability in the Goulburn-Broken Catchment, Australia," *Ecology and Society* 14, no. 1 (2009): 12, <http://www.ecologyandsociety.org/vol14/iss1/art12>.

²⁷ Patricia H. Longstaff and Sung-Un Yang, "Communication Management and Trust: Their Role in Building Resilience to 'Surprises' such as Natural Disasters, Pandemic Flu, and Terrorism," *Ecology and Society* 13, no. 1 (2008): 3-17, <https://www.ecologyandsociety.org/vol13/iss1/art3>.

²⁸ Ji Hee Lee, et al., "Resilience: A Meta-Analytic Approach," *Journal of Counseling & Development* 91, no. 3 (July 2013): 269-279, <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.2013.00095.x>.

²⁹ Lee, et al., "Resilience."

³⁰ Akshay Malik, "Efficacy, Hope, Optimism and Resilience at Workplace – Positive Organizational Behavior," *International Journal of Scientific and Research Publications* 3, no. 10 (October 2013): 1-4, www.ijsrp.org/research-paper-1013/ijsrp-p2274.pdf.

³¹ Allison S. Troy and Iris B. Mauss, "Resilience in the Face of Stress: Emotion Regulation as a Protective Factor," in *Resilience and Mental Health: Challenges Across the Lifespan*, ed. Steven M. Southwick, Brett T. Litz, Boston University, Dennis Charney, and Matthew J. Friedman (Cambridge University Press, 2011), 30-44, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511994791.004>.

³² Boris Cyrulnik, *The Whispering of Ghosts: Trauma and Resilience* (New York: Other Press, 2005).

II. Индивидуальная устойчивость в условиях чрезвычайной политической ситуации

Несомненно, политические кризисы и затяжные политические конфликты могут иметь негативные последствия для людей и бросать вызов их личной устойчивости. Типичные для этой «ячейки» примеры прошлого века включают демонстрации чернокожих и деятельность движения за гражданские права в США в 60-е годы, длительный и смертоносный конфликт в Северной Ирландии и распад таких стран, как Советский Союз, Югославия и Чехословакия. Соответственно, определение устойчивости для этой конкретной «ячейки» выглядит следующим образом:

Способность человека вести себя во время политического кризиса или последующего сбоя течения жизни политического характера адаптивным образом, чтобы вернуться к прежнему или даже к более высокому уровню функционирования.

Наиболее цитируемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются идентификация с высшей сущностью (народность, нация, этос, религия); патриотизм;³³ глубокое оправдание конфликта или его последствий; роль ведущей фигуры в продолжающемся конфликте, которая может служить образцом для многих людей.

III. Индивидуальная устойчивость в условиях чрезвычайной экономической ситуации

Определение устойчивости в этой конкретной «ячейке» следующее:

Способность человека вести себя во время экономического кризиса или после срывов экономического характера адаптивным образом, так чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования.

Экономические бедствия могут стать для человека даже большей угрозой, чем политические, вплоть до полной катастрофы для многих. Так было, например, во время американской «Великой депрессии» 1930-х годов, экономического коллапса Германии и гиперинфляции после поражения в Первой мировой войне или засухи в Восточной Африке в 2011 году.

Наиболее цитируемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются уровень непрерывного дохода; объем сбережений и стабильность занятости; образование и медицинские услуги.³⁴

³³ Eyal Lewin, *National Resilience during War: Refining the Decision-Making Model* (Lanham, MD: Lexington Books, 2012).

³⁴ Jerusalem Institute and the Ministry of Environmental Protection, "Sustainability Outlook 2030: A Vision of Sustainability to Israel – 2030," 2012, по состоянию на 2 сентября 2020, <https://jerusalemstitute.org.il/en/projects/sustainability-outlook-2030>.

IV. Индивидуальная устойчивость в условиях чрезвычайной ситуации, связанной с (военной) безопасностью.

Здесь мы имеем ввиду атрибуты устойчивости, которые характеризуют людей, в основном гражданских, которые оказываются в условиях войны или длительной военной угрозы, повторяющихся террористических актах или длительной угрозы безопасности. Такова была ситуация для тысяч людей в Нью-Йорке после терактов 11 сентября 2001 г., в период «Неприятностей» в Северной Ирландии, а также во многих странах Африки, Центральной Америки и Юго-Восточной Азии по всему миру в последние десятилетия. Определение устойчивости в этой конкретной «ячейке» следующее:

Способность человека вести себя во время кризиса безопасности (например, война, большие беспорядки, террористические атаки, борьба с повстанцами) или после срывов такого характера адаптивным способом так чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенный уровень функционирования.

Наиболее цитируемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются предыдущий опыт в аналогичных ситуациях; объем актуальной и хорошо использованной информации об угрозах; усиленное участие в деятельности, связанной с борьбой с угрозами.³⁵ Для индивидуальных жертв массовых терактов поддержка семьи и местных жителей может иметь решающее значение.^{36,37} Точно также поддержка и руководство для «Помощников» (агентов здравоохранения и социального обеспечения) способствуют устойчивости как помощников, так и тех, кому оказывается помощь.³⁸

Уровень сообщества

V. Устойчивость сообщества к чрезвычайным социальным ситуациям

В центре внимания здесь находится социальная устойчивость сообщества – будь то небольшое поселение, конкретное социальное объединение (например, церковная конгрегация), племя или жилой район. Определение устойчивости в этой конкретной «ячейке» следующее:

³⁵ Reuven Gal and Richard S. Lazarus, "The Role of Activity in Anticipating and Confronting Stressful Situations," *Journal of Human Stress* 1, no. 4 (1975): 4-20, <https://doi.org/10.1080/0097840X.1975.9939548>.

³⁶ Desivilya, Gal, and Ayalon, "Long-term Effects."

³⁷ Helena Syna Desivilya, Reuven Gal, and Ofra Ayalon, "Extent of Victimization, Traumatic Stress Symptoms, and Adjustment of Terrorist Assault Survivors: A Long-term Follow-up," *Journal of Traumatic Stress* 9, no. 4 (1996): 881-889, <https://doi.org/10.1002/jts.2490090416>.

³⁸ Reuven Gal, "Colleagues in Distress: 'Helping the Helpers,'" *International Review of Psychiatry* 10, no. 3 (1998): 234-238, <https://doi.org/10.1080/09540269874826>.

Способность сообщества вести себя во время социального кризиса или после срывов социального характера адаптивным образом так, чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования сообщества.

Наиболее цитируемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются социальный капитал;^{39,40,41} лидерство;⁴² чувство принадлежности (также определяемое как привязанность к месту⁴³); организационная эффективность;⁴⁴ заслуживающие доверия коммуникационные ресурсы.⁴⁵

VI. Устойчивость сообществ к чрезвычайным политическим ситуациям

Есть множество случаев, когда от сообществ требуется продемонстрировать свою стойкость в условиях необычных политических кризисов. Как правило, такие кризисы могут развиваться из-за серьезного спора между соперничающими лидерами внутри сообщества, крайних внутренних конфликтов по таким вопросам, как религия, образование или других проблем в обществе. Соответственно, определение устойчивости сообщества на политическом уровне выглядит следующим образом:

Способность сообщества вести себя во время политического кризиса или после сбоев политического характера адаптивным образом так, чтобы возвращаться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования сообщества.

Как и в случае с предыдущей «ячейкой», наиболее часто упоминаемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются: доверие к местным лидерам, солидарность, сила местного патриотизма, организационный дух внутри сообщества, воля к борьбе и вера в правомерность пути, следуемого сообществом.⁴⁶

³⁹ Daniel P. Aldrich, *Building Resilience: Social Capital in Post-Disaster Recovery* (Chicago: University of Chicago Press, 2012).

⁴⁰ Daniel P. Aldrich and Michelle A. Meyer, "Social Capital and Community Resilience," *American Behavioral Scientist* 59, no. 2 (2015): 254-269, <https://doi.org/10.1177/0002764214550299>.

⁴¹ Brian Walker and David Salt, *Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World* (Washington: Island Press, 2012).

⁴² Odeya Cohen, et al., "The Conjoint Community Resiliency Assessment Measure as a Baseline for Profiling and Predicting Community Resilience for Emergencies," *Technological Forecasting and Social Change* 80, no. 9 (November 2013): 1732-1741, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2012.12.009>.

⁴³ Aldrich, *Building Resilience*.

⁴⁴ Padan and Elran, *The "Gaza Envelope" Communities*.

⁴⁵ Fran H. Norris, et al., "Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness," *American Journal of Community Psychology* 41, no. 1-2 (2008):127-150, <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6>.

⁴⁶ Lewin, *National Resilience during War*.

VII. Устойчивость сообществ в условиях чрезвычайной экономической ситуации

Сообщества, как независимые образования, могут столкнуться с серьезными экономическими кризисами. Типичным примером является то, что в определенных сообществах средства к существованию обеспечиваются преимущественно одним конкретным источником (шахта, крупная промышленность, корпорация). Когда этот источник теряет свою продуктивность, такие сообщества сталкиваются с экономической катастрофой. Тем не менее, некоторым общинам при аналогичных обстоятельствах удается справиться. Определение устойчивости в этой конкретной «ячейке» следующее:

Способность сообщества вести себя во время экономического кризиса или после сбоя экономического характера адаптивным образом так, чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования сообщества.

Наиболее цитируемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются труд и занятость; человеческий капитал (образование, питание, здоровье); жилье, домохозяйства и социальный капитал; неформальные взаимоотношения между людьми и семьями, а также более широкие социальные сети, такие как общественные организации.⁴⁷

VIII. Коммунальная устойчивость в условиях чрезвычайной ситуации, связанной с (военной) безопасностью

Эта категория не обязательно относится к ситуации, связанной с полноразмерной войной (в этом случае сообщество является лишь компонентом усилий всего государства). Скорее, мы фокусируемся здесь на ситуациях, когда сообщество или несколько человек находятся под угрозой безопасности или военной угрозой. Опасность может заключаться в террористическом нападении или военном нападении с погибшими, явно направленном против этого сообщества. Определение устойчивости в этой конкретной «ячейке» выглядит следующим образом:

Способность сообщества вести себя во время кризиса безопасности или после сбоя, связанного с безопасностью, адаптивным образом так, чтобы вернуться к прежнему или даже улучшенному уровню функционирования сообщества.

В последние годы концепции «устойчивости городов» и «устойчивого дизайна» были разработаны в разных городах мира, таких как Лондон и Нью-Йорк. Эти концепции относятся к использованию идеи устойчивости не

⁴⁷ Patrick Martin-Breen and J. Marty Anderies, "Resilience: A Literature Review," (Brighton: Institute of Development Studies, the Resource Alliance and the Rockefeller Foundation, 2011), accessed September 2, 2020, https://opendocs.ids.ac.uk/open_docs/handle/20.500.12413/3692.

только для помощи в восстановлении после атак, но и для включения принципов разработки контртеррористических мер для сдерживания, обнаружения и предотвращения потенциальных атак.⁴⁸

Наиболее упоминаемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются адекватная готовность к чрезвычайным ситуациям и накопленный опыт,⁴⁹ социальный капитал, эффективность сообщества, доверие к местному руководству и услугам (образование, здравоохранение, чрезвычайная ситуация), процент бывших военнослужащих в сообществе и уровень доверия к органам безопасности более высокого уровня. Критичное значение устойчивости сообществ, а также разнообразие ее компонентов, породили бесчисленные попытки оценить и спрогнозировать показатели устойчивости на уровне сообществ.⁵⁰

Государственный уровень

Устойчивость на национальном уровне – предварительные замечания: в то время как устойчивость на индивидуальном и коммунальном уровнях обычно является оперативной и часто ощутимой, на государственном уровне она становится гораздо более абстрактной и труднодостижимой. Более того, хотя рассмотрение устойчивости на национальном уровне может предполагать включение ресурсов устойчивости всех людей и сообществ в государстве, «общая сумма» национальной устойчивости не является простым аддитивным накоплением всех этих ресурсов.

IX. Устойчивость государства в чрезвычайных социальных ситуациях

Существует множество примеров общенациональных кризисов, которые требуют устойчивости всего государства и его общества: убийство высшего лидера, внутреннее восстание, революция или гражданская война; затяжные теракты; стихийные бедствия, такие как сильное цунами, землетрясение, экологическая катастрофа или крупная пандемия. Соответственно, устойчивость государства к социальным кризисам определяется следующим образом:

Способность государства вести себя во время общенационального социального кризиса или последующего нарушения социального характера адаптивным образом так, чтобы вернуться к прежнему или даже к более высокому уровню социального функционирования.

Наиболее цитируемыми факторами, касающимися этого типа устойчиво-

⁴⁸ Antônio Sampaio, “Resilience Gains Ground in Counter-Terrorism Strategies,” *Jane’s Intelligence Review* 29, no. 12 (2017): 18-21.

⁴⁹ Padan and Elran, *The “Gaza Envelope” Communities*.

⁵⁰ Susan L. Cutter, Christopher G. Burton, and Christopher T. Emrich, “Disaster Resilience Indicators for Benchmarking Baseline Conditions,” *Journal of Homeland Security and Emergency Management* 7, no. 1 (2010), <https://doi.org/10.2202/1547-7355.1732>.

сти, являются национальное лидерство, солидарность, патриотизм, национальный дух, готовность к борьбе и вера в правильность своего пути, оптимизм.⁵¹

Х. Устойчивость государства в чрезвычайных политических ситуациях

Это тот тип устойчивости, который демонстрирует все общество, когда нация переживает политический кризис. Обычно такие кризисы случаются накануне или после политической революции или государственного переворота. Однако даже драматические политические преобразования без кровопролития могут потребовать социальной устойчивости, чтобы адаптироваться и вернуться к нормальному функционированию. Точно так же, случаи серьезных общественных разногласий, отсутствие консенсуса или крайние случаи политической коррупции могут вызвать острую потребность в национальной общественной устойчивости. Соответственно, определение устойчивости государства к политическому кризису выглядит следующим образом:

Способность государства вести себя во время общенационального политического кризиса или после сбоев политического характера адаптивным образом так, чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования.

Наиболее часто упоминаемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются доверие к политическим и общественным институтам;^{52,53} патриотизм, социальная интеграция и оптимизм;⁵⁴ статус и репутация государства на международном уровне;⁵⁵ воспринимаемая достоверность информации, передаваемой гражданам;⁵⁶ политическая коррупция;⁵⁷

⁵¹ Lewin, *National Resilience during War*; Gabi Ben-Dor, Daphna Canetti, and Eyal Lewin, *The Social Component in National Resilience – The Israeli Home Front Leading up to the Fighting in Gaza, National Survey* (Haifa: Haifa University, 2010); Elran, *Israel's National Resilience*; Reuven Gal, "Social Resilience in Times of Protracted Crises: An Israeli Case Study," *Armed Forces & Society* 40, no. 3 (2014): 452-475, <https://doi.org/10.1177/0095327X13477088>; Shaul Kimhi, et al., "Individual, Community, and National Resilience in Peace Time and in the Face of Terror: A Longitudinal Study," *Journal of Loss and Trauma* 22, no. 8 (2017): 698-713, <https://doi.org/10.1080/15325024.2017.1391943>.

⁵² Kimhi, et al., "Individual, Community, and National Resilience."

⁵³ Shaul Kimhi and Yarden Oliel, "National Resilience, Country Corruption and Quality of Life: An International Study," *The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention* 6, no. 5 (2019): 5430-5436, <https://doi.org/10.18535/ijsshi/v6i5.05>.

⁵⁴ Kimhi and Oliel, "National Resilience, Country Corruption."

⁵⁵ Fjäder, "The Nation-state, National Security and Resilience."

⁵⁶ Starr Roxanne Hiltz and Jose J. Gonzalez, "Assessing and Improving the Trustworthiness of Social Media for Emergency Management: A Literature Review," in *Norwegian Information Security Conference NISK 2012*, University of Nordland, Bodø, 19-21 November 2012.

⁵⁷ Kimhi and Oliel, "National Resilience, Country Corruption."

корпоративная социальная ответственность.⁵⁸

XI. Устойчивость государства в условиях чрезвычайной экономической ситуации

Соответствующими примерами здесь являются «Великая депрессия» в США в 30-х годах прошлого века или гиперинфляция в Веймарской Германии в 1920-х годах. Соответственно, устойчивость государства в условиях экономического кризиса определяется следующим образом:

Способность государства вести себя во время общенационального экономического кризиса или после сбоев экономического характера адаптивным образом так, чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования.

Наиболее цитируемыми факторами, касающимися этого типа устойчивости, являются национальный ВВП, национальные валютные резервы, годовые темпы инфляции, уровень занятости, международный рейтинг (например, индекс Джини); национальная финансово-рыночная политика.⁵⁹

XII. Устойчивость государства в условиях чрезвычайной ситуации, связанной с (военной) безопасностью

Эта категория относится к ситуации, когда устойчивость государства в конечном итоге подрывается тотальной войной или резкой вспышкой терроризма. Наше определение устойчивости государства к чрезвычайным ситуациям, связанным с войной, таково:

Способность государства вести себя во время общенационального кризиса безопасности или после сбоя, связанного с безопасностью, адаптивным способом так, чтобы вернуться к предыдущему или даже улучшенному уровню функционирования.

Наиболее часто упоминаемые факторы, касающиеся этого типа устойчивости: харизматическое лидерство; национальный этос, коллективный страх и боевой энтузиазм;⁶⁰ доверие к институтам, связанным с безопасностью (например, вооруженным силам, полиции); патриотизм; оптимизм и социальная целостность.⁶¹ Если сосредоточить внимание на военных пока-

⁵⁸ Peter Rodriguez, et al., "Three Lenses on the Multinational Enterprise: Politics, Corruption, and Corporate Social Responsibility," *Journal of International Business Studies* 37 (2006): 733-746, <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400229>.

⁵⁹ *OECD Economic Outlook, Interim Report March 2020*, OECD iLibrary, Volume 2019, Supplement 2, accessed September 2, 2020, www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2019/issue-2_7969896b-en.

⁶⁰ Lewin, *National Resilience during War*.

⁶¹ Shaul Kimhi, et al., "Individual, Community, and National Resilience."

зателях устойчивости, список включает военную мощь (материальную, моральную и доктринальную) и военное лидерство,⁶² воспринимаемый уровень сдерживания, стратегию национальной безопасности и восприятие.⁶³

В таблице 2 приведены наиболее цитируемые компоненты повышения устойчивости в каждой из двенадцати «ячеек», сгенерированных нашей многомерной матрицей.

Таблица 2. Многомерная матрица

Категории содержания					
		Социальная	Политическая	Экономическая	Безопасность
Категории уровня Индивидуум		Социальная поддержка и стабильность семьи; Соответствующая информация и общение; Позитивный подход к жизни; Оптимизм; Умение регулировать эмоции; Генетические, эпигенетические, психосоциальные и нейрохимические факторы развития; Хорошая привязанность и хорошие словесные способности в детстве.	Отождествление с высшей иерархией; Патриотизм; Обоснование конфликта или его последствий; Роль ведущей фигуры	Уровень постоянного дохода; Объем сбережений; Стабильность занятости; Образование и здравоохранение	Предыдущий опыт в аналогичных ситуациях; Релевантная информация; Возможность участия в деятельности, связанной с борьбой с угрозами; Поддержка членов семьи и общества.

⁶² Carmit Padan and Uzi Ben-Shalom, “The Place of Military Leadership in Israel in Light of the IDF Strategy,” in *IDF Strategy in the Perception of National Security*, ed. Meir Elran, Gabi Siboni, and Kobi Michael (Tel Aviv: Tel Aviv University, Institute for National Security Studies, 2016), 165-171 [in Hebrew].

⁶³ Tim Prior, “Resilience: The ‘Fifth Wave’ in the Evolution of Deterrence,” in *Strategic Trends 2018: Key Developments in Global Affairs*, ed. O. Thränert and M. Zapf (Zurich: Center for Security Studies, ETH Zurich, 2018), 63-80.

Сообщество	<p>Социальный капитал; Лидерство; Чувство принадлежности; Организационная эффективность; Способность адаптироваться; Надежные коммуникационные ресурсы.</p>	<p>Доверие к местному руководству; Идеология; Надежда; Солидарность; Местный патриотизм; Этос сообщества; Вера в справедливость пути общества.</p>	<p>Труд и занятость; Человеческий капитал (образование, еда, здоровье); Жилье и земля; Социальный капитал; Неформальные взаимные отношения; Общие ресурсы организации.</p>	<p>Готовность к чрезвычайным ситуациям; Накопленный опыт; Уровень доверия к органам безопасности высшего уровня; Доля военнослужащих в общине; Доверие к местному руководству; Наличие существенных услуг.</p>
Государство	<p>Лидерство; Солидарность; Патриотизм; Национальный этос; Готовность к борьбе; Вера в правильности национального пути; Оптимизм.</p>	<p>Доверие к политическим и общественным институтам; Политическая стабильность; Патриотизм, социальная интеграция и оптимизм; Надежная информация; Международный статус; Отсутствие коррупции; Корпоративная социальная ответственность.</p>	<p>ВВП; Национальные денежные резервы; Годовые темпы инфляции; Нормы занятости; Международный рейтинг (например, индекс Джини); Национальная финансово-рыночная политика.</p>	<p>Харизматическое лидерство; Национальный этос; Коллективный страх и боевой энтузиазм; Доверие к организациям, связанным с безопасностью; Патриотизм, оптимизм и социальная целостность; Военная мощь; Уровень сдержанности государства; Восприятие национальной безопасности.</p>

Резюме

В этой статье рассматривается устойчивость в том виде, в каком она была разработана в социальных науках. Она обеспечивает концептуальную основу для формулировки определения устойчивости как в целом, так и в

частности, по отношению к конкретной области. Мы утверждаем, что эта структура может предоставить набор возможных измерений и оценок устойчивости на разных уровнях и в разных областях. Кроме того, мы надеемся, что эта концептуальная основа послужит аналитическим механизмом для дальнейшего изучения многих аспектов устойчивости и сравнительных исследований по этому вопросу. Фактически, мы полагаем, что использование концептуальной матрицы, предложенной в этой статье, позволит государствам лучше изучить и сопоставить свои сильные и слабые стороны, тем самым помогая им определять отношение и поведение своих систем (включая отдельных лиц, сообщества и т.д.) издалека за счет использования разных стратегий управления. Этот процесс, в конечном итоге, поможет государствам повысить возможности своих различных систем для улучшения их восстановления.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами авторов и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Об авторах

Доктор **Кармит Падан** – старший научный сотрудник Института исследований национальной политики имени Самуэля Нямана и научный сотрудник Института исследований национальной безопасности Тель-Авивского университета. Основные области исследований доктора Падана включают национальную устойчивость, гражданско-военные отношения и военное лидерство. *E-mail*: carmit.padan@sni.technion.ac.il

Доктор **Реувен Гал** – старший научный сотрудник Института исследований национальной политики имени Самуэля Нямана. Ранее он работал заместителем директора Совета национальной безопасности Израиля и главным психологом Армии обороны Израиля. *E-mail*: reuvgal@sni.technion.ac.il

Форум Трансатлантическая безопасность 2020: устойчивость выходит на передний план

Динос Кериган-Киру

Координатор по кибербезопасности на Объединенном командно-штабном курсе Военного колледжа Сил обороны Ирландии, www.military.ie/en/who-we-are/army/defence-forces-training-centre/the-military-college/

Резюме: В мероприятии Трансатлантическая безопасность 2020 приняли участие военные профессионалы и эксперты из широкого круга смежных дисциплин. Их цель состояла в том, чтобы обсудить и проанализировать как НАТО и его партнеры, включая Европейский Союз, могут развивать и укреплять способности для решения новых и возникающих вызовов безопасности. Онлайн форум состоялся вскоре после начала одной из величайших асимметричных проблем, с которыми мы сталкивались – пандемии COVID-19. Пандемия поставила под сомнение все предположения о том, что подразумевается под безопасностью и устойчивостью, которые у нас были после окончания Второй мировой войны. Имея это в виду, участники представили свои предложения о том, как мы можем адаптироваться и заранее предвидеть возникающие проблемы безопасности сейчас и в будущем. В этой статье резюмируются состоявшиеся обсуждения и выдвинутые предложения. Эти предложения включают гораздо более целостный подход к решению проблем безопасности, выходящий за рамки традиционного «разобщенного» или «ведомственного» подхода, к которому мы так привыкли.

Ключевые слова: НАТО, ЕС, асимметричный, возникающие вызовы безопасности, джем по безопасности.

Майский форум Безопасность 2020 был посвящен нетрадиционным вызовам. Что интересно, новаторские решения тоже нетрадиционны. Одним из наиболее ясных сигналов, которые возникли в результате джема, была

необходимость разработки систем, процессов и институтов для прогнозирования и подготовки к будущим вызовам. Другими словами, выходить за видение проблем разрозненными в ведомственных и иерархических секторах и видеть более широкую, целостную картину. (На практике, об этом прямо говорилось 17 лет назад в главе 13 Доклада Комиссии по 11 сентября.) Это особенно верно, поскольку в ходе дискуссий было решительно доказано, что эти проблемы непредсказуемы или неизвестны – знаменитые «Неизвестные неизвестные». В ходе дебатов по шести тематическим областям акцент делался на обмене информацией, планировании и оказании помощи друг другу – как в НАТО, так и в Европейском союзе (ЕС), – чтобы помочь предотвратить возникновение вызовов безопасности и минимизировать их влияние, когда они уже появились. Особенное внимание было обращено на представление о необычных или асимметричных / гибридных вызовах, и было сочтено, что эти типы вызовов станут самым большим испытанием как для НАТО, так и для ЕС в ближайшие годы. Один из ключевых вопросов, который мы можем сформулировать в результате обсуждений, заключается в том, как все это помогает нам в НАТО – и ЕС – предвидеть новые вызовы? В частности, как это помогает в развитии устойчивости?

Темой всех обсуждений была возможность обмениваться информацией, чтобы иметь возможность «увидеть» новые вызовы безопасности, которые находятся на горизонте или даже за ним. Эти вызовы будут асимметричными по своей природе – такие пандемии, как COVID-19, но также и новые пандемии, о которых мы еще не знаем; экологические проблемы, включая изменение климата и плохое качество воздуха, ведущие к проблемам со здоровьем; терроризм в меняющихся формах; злонамеренные субъекты и государства, действующие вне норм в киберпространстве, дезинформация и фальшивые новости, исследования и разработки, кража интеллектуальной собственности и права человека во всем мире. Все это асимметричные или «необычные» проблемы, которые мы, возможно, еще не в состоянии решить с помощью «традиционных» политических и военных структур, созданных для холодной войны. Каковы возможные «нетрадиционные» решения нетрадиционных проблем для повышения устойчивости?

Роль технологии

В 2018 году представитель Палаты представителей США Уилл Херд обратил внимание на тот факт, что люди, работающие в финансовом секторе, часто лучше понимают спонсируемую государством киберпреступность, чем сами государственные спецслужбы.¹ Конгрессмен Херд утверждал, что для противодействия новым угрозам необходим не только улучшенный обмен информацией между частным и государственным секторами, но и вся вера

¹ 2018 Aspen Cyber Summit. Доступно на <https://www.aspeninstitute.org/events/2018-aspen-cyber-summit/>.

в то, что именно правительство понимает угрозы и вызовы лучше, чем бизнес, возможно, является устаревшим предположением. Как стало совершенно очевидно на джеме, когда мы имеем дело с новыми асимметричными вызовами, стирающими границы между военными и невоенными угрозами, эти старые убеждения, что «правительство знает больше», могут больше не иметь силы. Была выражена сильная поддержка более тесному сотрудничеству между компаниями, специализирующимися на технологиях, с одной стороны, и государством – с другой. В связи с этим было оспорено другое традиционное предположение: идея о том, что правительство – или такая организация, как НАТО или ЕС – имеет полное и всестороннее понимание конкретной проблемы безопасности, прежде чем объявить тендер для промышленности. На форуме было решительно высказано предположение, что правительства и международные организации могут не полностью понимать конкретную проблему безопасности, которую они хотят решить. Следовательно, необходимо гораздо более тесное сотрудничество с технологическими компаниями, чтобы они могли в первую очередь помочь определить проблему и действительно предложить возможные решения. Короче говоря, для того чтобы создать наиболее устойчивую среду, предположения о том, кто понимает лучше всего проблемы или вызовы безопасности, которые существовали десятилетиями, необходимо пересмотреть.

Искусственный интеллект (ИИ) рассматривался как центральный элемент сотрудничества с технологическими компаниями. Однако на джеме ясно было сказано, что ИИ хорош ровно настолько, насколько хороша исходная информация, которая вводится в систему. Ничто не заменит точные и ясные «наземные» данные, которые можно использовать в этих моделях искусственного интеллекта. Было приведено несколько примеров, когда ИИ был крайне неэффективен и даже опасен, когда в ИИ вводилась неверная информация. Хотя ИИ имеет решающее значение, он хорош настолько, насколько хороша информация, подтвержденная людьми – ничто не заменит разведку «на месте» для развития устойчивости.

Несмотря на настоятельный призыв к гораздо более интегрированному сотрудничеству ЕС и НАТО в оборонном секторе, было также признано значение не оборонных технологических компаний, таких как Facebook, Google, Apple и Amazon. В частности, тот факт, что традиционные компании из сектора безопасности могут больше не иметь монополии на знания, необходимые для обеспечения безопасности, особенно в областях возникающих проблем безопасности, выходящих за пределы «традиционных» военных границ. Как утверждалось на форуме, из-за этого НАТО и особенно ЕС (который имеет сильные регулирующие полномочия), возможно, потребуется изменить свои отношения с этими компаниями, переходя с модели «браконьер/лесничий» на более тесные отношения сотрудничества. Это вполне может способствовать огромному развитию в решении проблем безопасно-

сти. Это также поможет решить новые и возникающие проблемы с помощью ИИ и, возможно со временем, квантовых вычислений. Это особенно важно, если европейские экономики хотят успешно противостоять китайским технологическим компаниям, таким как Tencent, Alibaba и Huawei.

ЕС и НАТО – создание новых структур для совместной работы

В то время как европейские страны (включая Великобританию) тратят на оборону больше, чем Россия и Китай вместе взятые, Европа в настоящее время сталкивается с серьезными проблемами, выступая в качестве единого игрока в сфере обороны. Это происходит из-за многократного дублирования оборонных программ по всей Европе и отсутствия единой оборонной стратегии и стратегии закупок, что снижает устойчивость и способность планировать и прогнозировать будущие вызовы безопасности. В связи с этим джем предложил идею «военной Шенгенской зоны», которая облегчает передвижение персонала и товаров по Европе, сокращает процедурные препятствия, опирается на успех Европейского оборонного агентства и постепенную военную интеграцию ЕС, происходящую в рамках Постоянного структурированного сотрудничества (EU PESCO).

Утверждалось, что для решения возникающих проблем безопасности необходимо значительно более интегрированное сотрудничество между НАТО и ЕС. Действительно, один из участников высказал предположение, что первоначальная «медленная реакция на COVID-19» (до того, как реакция значительно улучшилась) «подчеркивает некоторые недостатки как ЕС, так и НАТО». Все участники дискуссии согласились с тем, что международное сотрудничество и международное общество после COVID-19 должны основываться на нескольких основных принципах, в том числе:

- Объединение ресурсов и опыта;
- Реструктуризация власти и лидерства;
- Разработка гибких рамок, позволяющих лицам, принимающим решения в ЕС и НАТО, упростить и ускорить процесс принятия решений;
- Улучшение координации и обмена информацией между НАТО и ЕС, включая разработку механизмов раннего предупреждения и недопущение дублирования в ЕС / НАТО;
- Предоставление гражданам и всему населению возможности гораздо лучше осведомляться о возникающих вызовах безопасности;
- Развитие подхода «всего общества»;
- Лучшее сканирование горизонта на предмет угроз и повышение устойчивости к внешним воздействиям;
- Обеспечение лучшего понимания устойчивости, включая такие аспекты, как здоровье и общественное доверие;

- Инвестировать в оборону, но осознавать, что вызовы безопасности носят как военный, так и «невоенный характер»;
- Совместная работа над созданием альтернативы дезинформации и недостоверной информации.

И у НАТО, и у ЕС есть свои собственные центры координации действий в чрезвычайных ситуациях – EADRCC² (Евроатлантический координационный центр реагирования на стихийные бедствия) и ERCC³ (Координационный центр реагирования на чрезвычайные ситуации). Было высказано мнение, что, хотя обе организации проделали выдающуюся работу, особенно во время COVID-19, у этих организаций гораздо больший потенциал. Участники дискуссии утверждали, что государства-члены НАТО и ЕС могли бы использовать эти два органа гораздо более эффективно, чем сейчас. Были выдвинуты идеи относительно того, как можно значительно упростить обращение к этим организациям с просьбой о действиях. Выдвинутая идея заключалась в том, что службы экстренного реагирования и региональные представители могли бы запросить действия EADRCC или ERCC напрямую, вместо того, чтобы запрашивать помощь через центральные правительственные каналы, что может занять несколько дней, когда остро требуется быстрое реагирование на чрезвычайную ситуацию. Таким образом, было решительно подтверждено, что EADRCC НАТО и ERCC ЕС выполняют исключительную работу, но широкое понимание этих организаций и особенно способность на местах напрямую запрашивать помощь в чрезвычайных ситуациях требует разработки и оптимизации в самое ближайшее время.

Новые европейские, трансатлантические и глобальные институты для решения новых задач

На форуме была особо подчеркнута роль институтов – как существующих, так и потенциальных. Конечно, в центре внимания этого анализа были НАТО и ЕС, как два основных института в мировых делах. Также особо был отмечен Гибридный центр передового опыта в Хельсинки. Интересно, что гибридный ЦПО не только решает проблемы гибридной устойчивости, но и сам по себе является гибридным учреждением. Любое государство ЕС или НАТО может стать его членом, но на самом деле это не институт НАТО или ЕС – он действует в «третьей сфере», вне прямого контроля НАТО или ЕС, что позволяет принимать дальновидные и динамичные решения. Джем пришел к общему заключению, что гибридный ЦПО имеет решающее значение для устойчивости ЕС и НАТО.

Джем также предложил новые институты, которые помогут решить развивающиеся проблемы безопасности, с которыми сталкиваются ЕС и НАТО,

² NATO EADRCC, https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_117757.htm.

³ EU ERCC, https://ec.europa.eu/echo/what/civil-protection/emergency-response-coordination-centre-ercc_en.

и повысить устойчивость. Возможно, самым амбициозным предложением был «План Маршалла 2.0». Он будет сосредоточен на инвестициях в новые сектора и новую инфраструктуру. Ключевой частью будет существенное инвестирование в исследования и разработки, с особой поддержкой малых и средних компаний. Также было предложено создание Всемирной организации по пандемической безопасности для обеспечения эффективной координации, связи, гармонизации, планирования и всестороннего сотрудничества между странами и региональными альянсами.

В число других предложений по повышению устойчивости входили:

- «Форум НАТО – Тихоокеанский регион», включающий Альянс НАТО плюс Австралию, Японию, Новую Зеландию, Южную Корею и Колумбию для решения проблем со стороны Китая;
- Центр передового опыта по сотрудничеству между НАТО и ЕС, основанный на действующих ЦПО НАТО, но с упором на то, как можно развивать и расширять сотрудничество между НАТО и ЕС;
- Борьба с фальшивыми новостями и дезинформацией: Целевая группа по стратегическим коммуникациям, предназначенная для противодействия влиянию на общественное мнение ЕС;
- Центр НАТО для стран Юга при Командовании объединенных сил в Неаполе, тесно сотрудничающий с EUROPOL (правоохранительные органы ЕС) и FRONTEX (пограничный контроль ЕС), а также с другими многонациональными центрами для создания антигибридной сети.

Новые решения для повышения устойчивости могут выходить за рамки исторически сложившегося подхода «национального государства»

Форум также дал, может быть, некоторые неожиданные результаты.

Во время COVID-19 многие предлагали возродить национальное государство в качестве окончательного арбитра международной политики. Бытует мнение, что в дебатах национализма против глобализма именно национализм недавно вышел на первое место. Тем не менее, джем уделил огромное внимание и высказал доверие организациям, которые не являются национальными институтами, таким как Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам (Гибридный ЦПО). Была выражена также решимость создать новые институциональные структуры для решения новых и возникающих проблем безопасности. Другими словами, как джем предположил, именно неадекватность государственных структур, возможно, помешала более гибкому и эффективному подходу.

Нерешенные вопросы устойчивости

Возможно, самый очевидный «нерешенный» вопрос: как именно будут реализованы предложенные идеи? Насколько они практичны? Задачу можно

сформулировать так: «То, что хорошо выглядит на бумаге, так ли хорошо на практике?»

Каков график реализации этих предложений? Каким будет их бюджетирование и финансирование? Потребуется ли отдельным странам занимать деньги или такие учреждения, как ЕС, – или даже НАТО, – получают полномочия занимать деньги и финансировать инициативы? Как будут формироваться новые предлагаемые институты? Будут ли они действовать единогласно (как НАТО)? Будут ли они действовать на сочетании единогласия и голосования большинством (как в ЕС)? Каковы будут их правовые структуры – будут ли они полуавтономными от участвующих стран, как ЕС? Или они будут прямо отражать позиции участвующих стран, как НАТО? На деле, один из самых интересных нерешенных вопросов: должны ли эти новые институты состоять из участвующих национальных государств вообще, и если они не состоят из национальных государств, из чего они должны состоять? ЕС является примером организации, состоящей из государств-членов (Совет), прямой демократии граждан ЕС (Европейский парламент), исполнительной власти (Комиссия) и судебной власти (Европейский суд). Должны ли предлагаемые новые институты отражать эту систему? Или они должны быть похожи на НАТО, которое состоит только из государств-членов? Должен ли у них быть могущественный исполнительный орган (как например, Комиссия ЕС)? Что можно сказать о демократической подотчетности этих предлагаемых институтов? В общем, джем великолепно рассмотрел проблемы:

- Что представляют собой проблемы устойчивости и почему они важны?
- Каковы возможные решения по обеспечению устойчивости?

Но остаются вопросы:

- Каким образом будут реализованы эти решения по обеспечению устойчивости?
- Когда это произойдет?
- Где это случится?

Требуются всесторонние исследования осуществимости предлагаемых идей по устойчивости

Эти оставшиеся без ответа вопросы подводят нас к теме о том, какие дальнейшие исследования необходимы. Необходимы дополнительные исследования, чтобы:

- проанализировать внесенные предложения. Это важно, если НАТО и ЕС хотят оправдать ресурсы и время для реализации этих идей. Чрезвычайно важно, чтобы это исследование было объективным и беспристрастным для того, чтобы получить наилучший возможный анализ;
- понимать, как можно продвигать предложения.

Темы, которые следует проанализировать, включают:

- ожидаемые выгоды в области человеческого развития, включая более широкие выгоды для общества, связанные с нашей способностью предвидеть вызовы безопасности на раннем этапе и эффективно решать эти проблемы;
- Финансовые затраты и финансовая выгода;
- Риски – особенно «непредвиденные последствия» – реализации предложений, внесенных во время джема;
- Общественная «поддержка» идей. В последние годы правительства обвиняли – правильно или ошибочно – в том, что они продвигают идеи, не консультируясь с населением и не понимая его проблем. Требуются исследования, чтобы убедиться, что идеи, предложенные на этом форуме, имеют отношение к озабоченностям общества. Какие консультации могут проводиться с общественными группами для дальнейшего развития этих идей? В самом деле, на джеме было специально подчеркнуто, что расширение прав и возможностей граждан и всего населения в плане гораздо большей ситуационной осведомленности о безопасности является ключом к развитию нашей безопасности. Необходимы дополнительные исследования того, как именно мы это делаем. Современный искусственный интеллект и компьютерное моделирование действительно могут значительно помочь в решении этой задачи, но они не заменяют тесных и комплексных консультаций с общественностью и заинтересованными сторонами, включая консультации с военными;
- Какова роль нынешних институтов, таких как Гибридный ЦПО (НАТО/ЕС), EADRCC (НАТО) и ERCC (ЕС)? Прежде чем вкладывать время и ресурсы в разработку новых предлагаемых институтов для повышения устойчивости, есть мнение, что мы могли бы исследовать дальнейшее расширение способностей – и возможное дальнейшее повышение автономии – уже существующих структур. Одним из предложений, выдвинутых на джеме, было применение модели гражданской готовности / устойчивости в нордическом стиле, которое могло бы стать моделью для ЕС и НАТО. Как такой «скандинавский подход» мог бы найти отражение в Европе и Северной Америке? Сделал бы такой подход недействительной необходимость создания новых институтов? Другими словами – можем ли мы работать с тем, что «у нас уже есть»? Или нам нужно создавать новые институты?

Данный форум выявил новые проблемы безопасности – не только возникающие из-за COVID-19, но и возможность того, что такие «неизвестные неизвестные» будут повторяться снова и снова в будущие годы. На нем были предложены четкие решения для повышения устойчивости, хотя

требуются дополнительные исследования, чтобы выяснить, как эти решения могут быть реализованы на практике. Роль военных в этой новой среде, где четких границ [между войной и миром] больше не существует, вероятно неясна. Новые угрозы и вызовы выходят за рамки границ между военными и невоенными вызовами, и все же мы, в целом, действуем в рамках старых структур в новой среде, где эти старые предположения быстро рушатся.

Роль объективного стратегического анализа и консультирования, возможно, важна как никогда; такие организации, как Консорциум «Партнерство ради мира» (КПрМ), уже более двух десятилетий тесно сотрудничают с военными академиями и национальными правительствами во всех странах НАТО и странах-партнерах, а также почти во всех странах ЕС. Программа КПрМ определила ключевые аспекты изменений, и именно этот тип анализа имеет решающее значение, если мы хотим противостоять этим новым асимметричным угрозам и вызовам и стать устойчивыми. COVID-19 был не первой новой проблемой безопасности, с которой мы столкнулись, и, конечно же, не последней. Углубленный стратегический анализ, основанный на бесценных выводах джема Безопасность 2020, имеет решающее значение для решения проблем устойчивости, с которыми мы сейчас сталкиваемся.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами автора и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Об авторе

Динос Кериган-Киру, доктор философии, является приглашенным лектором по стратегической кибербезопасности в Университете Абертай, Шотландия. Он является инструктором по программе НАТО DEEP (Программа повышения квалификации в области обороны) и отвечает за обучение по вопросам кибербезопасности в рамках Объединенного командно-штабного курса в Силах обороны Ирландии. Автор особенно благодарен доктору Рафаэлю Ф. Перлу за неоценимое руководство по структуре этой статьи и анализу, приведенного в ней. *E-mail*: d.kerigan-kyrou@abertay.ac.uk

Повышение устойчивости политических институтов и процессов: рамка анализа

Йоан Мирча Паску и Николае-Серджиу Винтила

Резюме: Обычные, а также нетипичные угрозы и уязвимости, как правило, подрывают основные принципы и механизмы функционирования демократических обществ. В этой статье исследуются внутренние слабости и операции иностранного вмешательства, направленные на манипулирование электоратом, и таким образом, на уменьшение гарантированного законом политического участия и ставящие под сомнение саму сущность демократии. В центре внимания данного анализа – манипуляции и дезинформация, в основном через средства массовой информации и платформы социальных сетей. Это увеличивает риск подрыва общественного доверия и доверия к демократическим институтам и процессам. Основная теза заключается в том, что демократические институты и процессы можно и нужно сделать более устойчивыми. В статье представлена рамка для анализа устойчивости политических институтов и процессов и исследуются текущие инициативы, в том числе ЕС и НАТО, по укреплению устойчивости.

Ключевые слова: устойчивость, демократическая устойчивость, дезинформация, компьютерная пропаганда, постправда, острая сила, демократия, операции иностранного влияния.

Сама демократия подвергается ударам со стороны иностранных правительств и внутренних угроз, так что демократические институты не смогут процветать, если наука о социальных данных не задействует наши существующие знания и теории о политике, общественном мнении и политической коммуникации. Эти угрозы актуальны и требуют неотложных действий и, если их не понять и не предпринять оперативных мер, они еще больше подорвут европейские демократии.¹

¹ Samuel C. Woolley and Philip N. Howard, eds., *Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media*, Oxford Studies in

«Конец истории», о котором три десятилетия назад объявил Фрэнсис Фукуяма,² определенно наступил. Это отрезвляющее время для мечты о неизбежном продвижении либеральной демократии. Аналитики, либералы и соперники сходятся во мнении, что демократия «находится в состоянии рецессии»,³ «отступает», что международный либеральный порядок, основанный на правилах, как минимум разрушается, если не полностью исчезает.

Наша рабочая гипотеза и основной аргумент этой статьи заключается в том, что демократические институты и процессы можно и нужно сделать более устойчивыми как к экстремальным политическим событиям и кризисам, так и к «нормальным чрезвычайным ситуациям». В статье анализируется политическая устойчивость, то есть сохранение демократии и ее чистоты. Мы сосредоточимся на ограниченном числе проблем, в частности, на *манипулировании электоратом* – принуждении кого-либо голосовать против его или ее первоначального намерения, – таким образом *уменьшая гарантированное законом участие в политической жизни и подрывая общественное доверие к демократическим институтам и процессам*. В центре внимания данного анализа – манипуляции и дезинформация, осуществляемые в основном через средства массовой информации и социальные сетевые платформы.

Повышение устойчивости демократических институтов и процессов – это тема, которая приобретает все большее значение в связи с тем, что проблемы возникают не только из-за *растущей хрупкости либеральной демократии* и из-за внутривнутриполитических субъектов, но часто возникают в результате *операций по внешнеполитическому влиянию* и даже операций, осуществляемых при поддержке государств против стран-членов НАТО и ЕС (все чаще включающие кибершпионаж, прямое вмешательство в избирательные процессы, сканирование уязвимости критически важной инфраструктуры, подрывные атаки, а также пропагандистские и дезинформационные кампании⁴). Эти операции представляют собой *серьезную угрозу безопасности наших обществ*.⁵

Digital Politics (Oxford: Oxford University Press, 2018), с. 245. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190931407.001.0001>.

² Francis Fukuyama, “The End of History?” *The National Interest*, no. 16 (Summer 1989): 3-18.

³ Larry Diamond, “The Democratic Rollback. The Resurgence of the Predatory State,” *Foreign Affairs* 87, no. 2 (March/April 2008): 36-48.

⁴ Patryk Pawlak, “Horizontal Issues,” in *After the EU Global Strategy – Building Resilience*, ed. Florence Gaub and Nicu Popescu (Paris: European Union, Institute for Security Studies, 2017), 17, https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/After_EU_Global_Strategy_Resilience.pdf.

⁵ Julian King, “Democracy Is under Threat from the Malicious Use of Technology. The EU Is Fighting Back,” *The Guardian*, July 28, 2018, www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/28/democracy-threatened-malicious-technology-eu-fighting-back.

Доверие к политическим институтам и процессам, в частности к участию в выборах, является ключевым показателем жизнеспособности и легитимности демократии. Его следует рассматривать во взаимосвязи с другими критическими вызовами и угрозами для устоявшихся и новых демократий, такими как злоупотребление исполнительной властью, коррупция и захват государства политическими элитами, рост авторитаризма и популизма,⁶ которые могут усугубляться прямым вмешательством со стороны недемократических иностранных держав. Это вмешательство проистекает из конкуренции между основными международными демократическими и авторитарными игроками в результате сдвига в сторону многополярного распределения власти в глобальной системе.

Подрыв доверия и манипулирование общественным мнением преимущественно использовались во внутренней политике внутренними акторами и лишь впоследствии применялись в силовой игре в международных отношениях.

Сегодня две основные взаимосвязанные тенденции безоговорочно требуют оценки того, насколько подорваны демократические институты. Не менее необходимым и неотложным является осуществление мер по противодействию угрозам и повышению устойчивости демократических институтов и процессов.

Первая тенденция заключается в переплетении между технологиями, социальными и политическими злонамеренными действиями. Общеизвестно, что социальные сети и новые электронные средства распространения и автоматизация сообщений позволяют общаться со скоростью света. Хотя Интернет обладает огромным демократическим потенциалом, информация и технологии для распространения могут быть и часто *используются в качестве оружия* для достижения политических целей, в основном направленных на подрыв консолидированных демократий. Такая политическая стратегия, использующая компьютерные средства, тесно связана с преднамеренным генерированием и использованием дезинформации, направленной против политических противников, демократических процессов и институтов как таковых, в невиданном до сих пор масштабе и охвате. (Еще в 2014 году Всемирный экономический форум определил быстрое распространение дезинформации в Интернете как одну из 10 основных опасностей для общества).⁷

Вторая важная тенденция – *экспоненциальный рост операций иностранного влияния*, вмешивающихся в фундаментальные политические

⁶ Timothy D. Sisk, "Democracy's Resilience in a Changing World," in *The Global State of Democracy: Exploring Democracy's Resilience* (Stockholm: International IDEA, 2017), 34-61, <https://iknowpolitics.org/sites/default/files/idea-gsod-2017-report-en.pdf>.

⁷ World Economic Forum, "Top 10 Trends of 2014," in *Outlook on the Global Agenda 2014*, <http://reports.weforum.org/outlook-14/top-ten-trends-category-page/10-the-rapid-spread-of-misinformation-online>. Для более детального анализа см. Wooley and Howard, eds., *Computational Propaganda*, 168.

процессы и подрывающих их – от выборов до широкого спектра «гибридных атак», направленных на подрыв демократии. «Гибридные угрозы» определяются как скоординированные и синхронизированные действия, которые преднамеренно нацелены на демократические государства и институциональные уязвимости политическими, экономическими, военными, гражданскими и информационными средствами.⁸

Операции по внешнему влиянию со стороны автократических держав, понимаемые как проявления «острой силы»,⁹ широко и согласованно используют, в частности, вышеупомянутые технологические инструменты. В этом контексте действия, спонсируемые Российской Федерацией, представляют собой наиболее тревожные и хорошо задокументированные случаи операций по иностранному влиянию.¹⁰

Крайне важно понимать, как демократические процессы и институты могут подвергаться атакам как со стороны внутренних политических субъектов, так и со стороны иностранных соперников и противников, подрывая доверие людей к демократии посредством политических манипуляций с использованием новых коммуникационных технологий. Для этого нам нужно сделать краткое введение в последние достижения в области информационных технологий и специфику *компьютерной пропаганды*, чрезвычайно мощного нового инструмента коммуникации, используемого против демократических субъектов и институтов во всем мире. Могущественные и часто анонимные политические деятели использовали компьютерные методы пропаганды, чтобы вмешиваться в общенациональные выборы, совершать

⁸ The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Hybrid CoE, “Hybrid Threats,” <https://www.hybridcoe.fi/hybrid-threats>.

⁹ Christopher Walker and Jessica Ludwig, “The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence,” *Foreign Affairs*, November 16, 2017, www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power. По словам Уолкера и Людвиг: «Усилия авторитарного влияния являются «острыми» в том смысле, что они пробивают, прокалывают или проникают в политическую и информационную среду в целевых странах. В новой безжалостной конкуренции, которая происходит между автократическими и демократическими государствами, острые силовые методы репрессивных режимов следует рассматривать как острие их кинжала. Эти режимы не обязательно стремятся «завоевать сердца и умы», что является общей системой отсчета для усилий по применению «мягкой силы», но они, несомненно, стремятся манипулировать своей целевой аудиторией, искажая информацию, которая доходит до нее».

¹⁰ По заключению Национального совета разведки США в 2017 году, усилия России (по оказанию влияния на президентские выборы в США в 2016 году) представляют собой последнее выражение давнего желания Москвы подорвать возглавляемый США либерально-демократический порядок, но эта деятельность продемонстрировала значительную эскалацию прямого влияния, уровня активности и объема усилий по сравнению с предыдущими операциями. См. National Intelligence Council, “Background to ‘Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections’: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution,” January 6, 2017, www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf.

политические атаки, распространять дезинформацию, подвергать цензуре и нападать на журналистов, а также создавать фальшивые тенденции.

Этот анализ выполнен с точки зрения политологии, но очевидно, что технические данные должны быть представлены более широкой аудитории за пределами ограниченного пространства специалистов по информационным технологиям. Лица, принимающие решения, и общественное мнение, должны учитывать, что «уже сейчас скоординированные усилия сеют хаос во многих политических системах по всему миру. Некоторые вооруженные силы и спецслужбы используют социальные сети в качестве каналов для подрыва демократических процессов и полного свержения демократических институтов».¹¹ Специалисты по компьютерной пропаганде предупреждают, что описание явления только с технической точки зрения (как набор переменных, моделей, кодов и алгоритмов) создаст иллюзию «непредвзятости и неизбежности» пропаганды, и предлагают дополнять техническое описание социальными и политическими оценками, которые так же будут представлять вредные и сомнительные намерения и действия субъектов, использующих инструмент компьютерной пропаганды.

По словам Вули и Ховарда, «компьютерная пропаганда – это термин, который четко описывает это новое явление – и возникающую область исследований – цифровой дезинформации и манипуляции».¹² *Компьютерная пропаганда – это на самом деле политическая стратегия, основанная на расширенном использовании компьютерных технологий.* Подробное исследование показало, что платформы социальных сетей являются «средством проведения манипулятивных кампаний по дезинформации». «Компьютерная пропаганда, таким образом, является частью набора сомнительных политических практик, которые включают цифровой астротурфинг,¹³ спонсируемый государством троллинг¹⁴ и новые формы онлайн-войны, из-

¹¹ Wooley and Howard, eds., *Computational Propaganda*, 3.

¹² Wooley and Howard, eds., *Computational Propaganda*, 4.

¹³ *Астротурфинг* – это процесс для обеспечения победы на выборах или законодательного урегулирования какого-то недовольства, помогающий политическим деятелям найти и мобилизовать симпатизирующую публику с помощью Интернета. Эта стратегия кампании может использоваться для создания имиджа общественного согласия там, где его нет, или для создания ложного впечатления о популярности кандидата или идеи публичной политики – см. Howard (2005), цитировано в Wooley and Howard, eds., *Computational Propaganda*.

¹⁴ Согласно Urban Dictionary, троллинг – это «преднамеренный акт (тролля – существительное или прилагательное), когда он делает случайные непрошенные и/или противоречивые комментарии на различных интернет-форумах с намерением вызвать эмоциональную реакцию у ничего не подозревающих читателей, чтобы вовлечь их в драку или спор». Tech Policy, “State-sponsored trolling is rampant throughout the world – including the US,” *MIT Technology Review*, July 19, 2018, <https://www.technologyreview.com/f/611694/state-sponsored-trolling-is-rampant-throughout-the-world-including-in-the-us/>. Спонсируемый государством троллинг: «Используя фальшивые аккаунты, боты и скоординированные атаки легионов

вестные, как PsyOps (психологические операции) или InfoOps (информационные операции), конечной целью которых является манипулирование информацией в Интернете с целью изменить мнение людей и, в конечном итоге, их поведение». Автоматизация, масштабируемость и анонимность – отличительные черты компьютерной пропаганды.¹⁵ Основанные на обработке данных методы и инструменты, такие как автоматизация (боты – *автоматическое программное обеспечение, созданное для имитации реальных пользователей-людей*) и алгоритмы (код для принятия решений), позволяют небольшим группам участников широко распространять очень специфичную, а иногда и оскорбительную и ложную информацию в основные онлайн-среды.¹⁶

Использование «больших баз данных»¹⁷ для политической кампании и, зачастую, манипулирования электоратом – еще одна серьезная проблема для функционирования демократии. Специализированные компании по анализу данных собирают информацию об идентичностях, убеждениях и привычках потенциальных избирателей, на которые впоследствии можно направить конкретные сообщения, предназначенные для влияния и изменения их политических решений.

Скандал с данными Facebook / Cambridge Analytica, связанный с кампанией Leave.EU во время референдума в июне 2016 года в Великобритании, и предвыборная кампания Трампа вызвали самый интенсивный парламентский и общественный контроль, а также юридические меры реагирования на риски использования профилирования избирателей и незаконного сбора информации об их личных данных. Профили 87 миллионов пользователей Facebook были взломаны, чтобы выявить их подсознательные предубежде-

последователей, государства крайне затрудняют нахождения различия между общественным мнением и мнениями спонсируемыми троллями».

¹⁵ Wooley and Howard, eds., *Computational Propaganda*, 7.

¹⁶ По словам Вули и Ховарда, «использование ботов в злонамеренных целях, включая подрыв демократических институтов, вызывает особую озабоченность, поскольку – согласно последним данным, боты генерируют почти половину всего веб-трафика – огромную долю», Wooley and Howard, eds., *Computational Propaganda*, 8

¹⁷ Этот термин связан с определением, данным в 2001 году отраслевым аналитиком Дугом Лэйни, который описал «3V»: объем, разнообразие и скорость [volume, variety, velocity], как ключевые «проблемы управления данными». Согласно Оксфордскому словарю английского языка, большие данные - это «данные очень большого размера, обычно в той степени, в которой манипуляции с ними и управление ими создают серьезные логистические проблемы». Наборы данных, подлежащие анализу, слишком велики или сложны, чтобы их можно было обрабатывать с помощью традиционного прикладного программного обеспечения для обработки данных. Наиболее актуальным для использования больших данных в цифровых кампаниях было использование прогнозной аналитики, анализа поведения пользователей или некоторых других методов расширенного анализа данных, извлекающих полезную стоимость из данных.

ния, и это вызвало беспокойство по поводу манипулирования их политическими решениями. Аналитики согласны с тем, что трудно оценить, в какой степени использование в кампаниях наборов данных, созданных Cambridge Analytica для микротаргетинга – индивидуализированного направления политических посланий, – повлияло на общественное мнение и повлияло на результаты голосований 2016 года в Великобритании и Соединенных штатах. Необходимость более строгого надзора за использованием платформ социальных сетей политическими кампаниями во время избирательного процесса была немедленно признана, и сейчас демократические правительства инициируют ответные меры законодательного и нормативного характера.

Использование онлайн фейковых новостей и дезинформации в качестве оружия создает серьезную угрозу безопасности наших обществ. Подрыв пользующихся доверием каналов для распространения пагубного и вызывающего разногласия контента требует ясного ответа, основанного на повышенной прозрачности, отслеживаемости и подотчетности. Интернет-платформы должны играть жизненно важную роль в противодействии злоупотреблению их инфраструктурой со стороны враждебных субъектов и в обеспечении безопасности своих пользователей и общества.

Комиссар ЕС по безопасности Джулиан Кинг ¹⁸

В *Сообщении Европейской комиссии о борьбе с дезинформацией* ¹⁹ в Интернете, дезинформация определяется как «заведомо ложная или вводящая в заблуждение информация, которая создается, представляется и распространяется с целью получения экономической выгоды или намеренного обмана общественности, и в любом случае для причинения общественного вреда». В нем уточняется, что это определение исключает публикации об ошибках, сатиру и пародию, пристрастные новости и комментарии или незаконный контент. В сообщении проводится различие между заведомо ложными новостями и вводящей в заблуждение информацией.

Доверие к демократическим институтам также может быть подорвано *политическими кампаниями*, основанными на ложных/фейковых новостях, распространяемых через более традиционные средства массовой информации, а также широко распространяемых через платформы социальных

¹⁸ EU Commission, “Tackling Online Disinformation: Commission Proposes an EU-wide Code of Practice,” April 26, 2018, https://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-3370_en.htm.

¹⁹ European Commission, “Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Tackling Online Disinformation: A European Approach, Shaping Europe’s Digital Future, Brussels, April 26, 2018, <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-online-disinformation-european-approach>.

сетей. Это особенно беспокоит, поскольку до недавнего времени политическое представительство в основном осуществлялось через выборных представителей, таких как члены парламента, а теперь граждане выражают свое мнение напрямую, будучи более уязвимыми для таких кампаний.

Наше понимание сегодняшних угроз и уязвимостей демократических политических систем должно учитывать разрушительное использование фейковых, сенсационных и других форм «мусорной информации» в сложные политические моменты за последние несколько лет. О'Коннор точно синтезирует этот феномен: «Мы живем в эпоху дезинформации – эпоху спекуляции, маркетинга и откровенной лжи. Конечно, ложь вряд ли является чем-то новым, но преднамеренное распространение ложной или вводящей в заблуждение информации резко увеличилось в прошлом веке, чему способствовали как новые технологии распространения информации – радио, телевидение, Интернет, – так и возросшая изощренность тех, кто вводит нас в заблуждение».²⁰

Основная цель кампаний по дезинформации – создать эмоциональную среду для принятия решений, которая заменит разум и суждения, основанные на фактах, в качестве рабочего метода.

Более того, текущие интеллектуальные дебаты об «обществе постправды» показывают, что некоторые политические стратеги открыто принимают вызов самой истине «как стратегию политического подчинения реальности». «Таким образом, в идее постправды поражает не только то, что истина подвергается сомнению, но и то, что она подвергается сомнению как механизм утверждения политического господства».²¹ Мы рискуем оказаться в параллельных реальностях, где будет сложно определить какая из них истинна.

Важным примером операций по иностранному влиянию являются все более хорошо задокументированные попытки России «подорвать единство, дестабилизировать демократии и подорвать доверие к демократическим институтам». Эта модель повторялась в ЕС: от операций влияния в преддверии референдума 2016 года в Нидерландах по Соглашению об ассоциации между ЕС и Украиной; продолжающиеся кибератаки с целью дальнейшего снижения доверия после голосования в Великобритании за выход из ЕС; пропаганда в СМИ, связанных с Кремлем, поляризующих вопросов во время выборов в Германии в 2017 году; и прокремлевские боты, участвующие в скоординированной «стратегии подрыва» в отношении Каталонии в 2017 году, наряду с поддерживаемыми Кремлем новостными платформами».²² В *Докладе о расследовании вмешательства России в*

²⁰ Cailin O'Connor and James Owen Weatherall, *The Misinformation Age: How False Beliefs Spread* (New Haven, CT: Yale University Press, 2019), 11.

²¹ Lee McIntyre, *Post-Truth* (Cambridge, MA: MIT Press, 2018), Chapter 1, Kindle Edition.

²² Naja Bentzen, "Foreign Influence Operations in the EU," *European Parliamentary Research Service Briefing*, July 2018, [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625123/EPRS_BRI\(2018\)625123_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625123/EPRS_BRI(2018)625123_EN.pdf).

президентские выборы 2016 года специальный советник Роберт С. Мюллер пришел к выводу, что «российское правительство вмешивалось в президентские выборы 2016 года радикально и систематически».²³

Согласно *Резолюции Европейского парламента о стратегической коммуникации ЕС для противодействия пропаганде против него со стороны третьих сторон*: «Стратегическая коммуникация России является частью более крупной подрывной кампании, направленной на ослабление сотрудничества в рамках ЕС и его суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Союза и его государств-членов». Европейский парламент «призывает правительства государств-членов проявлять бдительность в отношении российских информационных операций на европейской территории и активизировать совместное использование потенциала и усилия контрразведки, направленные на противодействие таким операциям».²⁴

Спектр угроз и действий, подрывающих демократические институты и процессы, шире, чем это кратко представлено в документе. Как на национальном, так и на межправительственном уровне растет консенсус в отношении того, что *повышение демократической устойчивости* может подготовить более эффективные меры реагирования на удары и стрессовые ситуации, в том числе те, которые создаются и распространяются с помощью компьютерных средств.

Понятие «устойчивость» широко используется в различных областях, от биологии и экологии до реагирования на стихийные бедствия, развития, гуманитарной помощи, демократии, внешней политики, общества в целом, критических инфраструктур, кибербезопасности и т.д. Таким образом, в последние два десятилетия это понятие воспринималось большинством аналитиков как «модное слово», которое, тем не менее, сохраняет практическую полезность в применении к контекстно-зависимой рамке.

В самом простом определении под устойчивостью понимается *способность абсорбировать и повторно восстанавливаться от любого типа стресса или ударов*. Определения становятся более сложными, но не всегда более убедительными, когда термин связан с конкретной системой или целью, которую необходимо достичь. Не вступая в дебаты о полезности этого термина, мы можем согласиться с Райнардом²⁵ в том, что любой конкретный подход должен прояснить следующие пять центральных вопросов:

²³ U.S. Department of Justice, Special Counsel Robert S. Mueller, III, *Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election*, Volume 1 (Washington, D.C., March 2019), <https://cdn.cnn.com/cnn/2019/images/04/18/mueller-report-searchable.pdf>.

²⁴ European Parliament, "EU Strategic Communication to Counteract Anti-EU Propaganda by Third Parties, European Parliament Resolution of 23 November 2016 on EU Strategic Communication to Counteract Propaganda against It by Third Parties (2016/2030(INI))," www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.pdf.

²⁵ Mark Rhinard, "Horizontal Issues," in *After the EU Global Strategy*, 25-27.

(1) *что такое устойчивость?* – соответственно, значимость широкого и обширного или узкого определения; (2) *кто (или что) должен быть устойчивым?* – имеются в виду приоритеты, установленные различными академическими дисциплинами для устойчивого человека, сообщества, государства или общества в целом; (3) *когда мы можем ожидать проявления устойчивости?*, т.е. устойчивость можно понимать либо как способность «возвращаться в норму», имеющую место после наступления экстремального события, либо как «противодействующую устойчивость», имеющую место до того, как нарушение действительно произойдет, и в лучшем случае, даже не допустить этого; (4) *при каких событиях мы надеемся проявлять устойчивость?* – кризисы, которые выходят за рамки воображаемого («черные лебеди») ²⁶ или имеются в виду «обычные чрезвычайные ситуации», когда устойчивые системы абсорбируют эти проблемы и адаптируются к ним, предотвращая их ухудшение; и, наконец, (5) *можно ли проектировать устойчивость*, делая упор на эффективность разработанной публичной политики для повышения устойчивости.²⁷

Международный институт демократии и помощи в проведении выборов (IDEA) изучает решения для создания *демократической устойчивости*: способность демократических идеалов, институтов и процессов выживать и процветать при столкновении с вызовами и кризисами, которые они могут создать.²⁸

Согласно определению IDEA, «устойчивость относится к свойствам политической системы, позволяющим справляться, выживать и восстанавливаться после сложных проблем и кризисов, представляющие собой стрессы или напряжение, которые могут привести к системному провалу».²⁹ По словам Сиска, «главными качествами устойчивых социальных систем являются: 1) *Гибкость*: способность выдерживать стресс или давление; 2) *Восстановление*: способность преодолевать проблемы или кризисы; 3) *Адаптация*: способность к изменению системы в ответ на стресс; и 4) *Инновации*: способность изменяться таким образом, чтобы более эффективно или действенно решать проблемы или кризисы».³⁰

Создание устойчивости государства и общества, а также устойчивости демократических институтов и процессов, взаимосвязаны и должны разрабатываться скоординировано. Это также верно для политик, которые реа-

²⁶ Nassim Nicholas Taleb, *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*, 2nd ed., (New York: Random House, 2010).

²⁷ Rhinard, "Horizontal Issues," 27.

²⁸ Sisk, "Democracy's Resilience in a Changing World."

²⁹ Timothy D. Sisk, "Democracy and Resilience: Conceptual Approaches and Considerations," Background Paper (Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2017), 5, <https://www.idea.int/gsod-2017/files/IDEA-GSOD-2017-BACKGROUND-PAPER-RESILIENCE.pdf>.

³⁰ Sisk, *Democracy and Resilience*, 5.

гируют на конкретные проблемы на уровне подсистем, тем самым обеспечивая устойчивость критических инфраструктур, соответственно устойчивость к кибератакам, энергетическим проблемам или изменению климата, среди прочих, которые должны быть скоординированы и интегрированы в общие усилия по повышению устойчивости государства и общества.³¹ Аналитики считают, что демократия может укреплять и способствовать устойчивости сообществ, общества и государства. Демократические системы при определенных условиях становятся более гибкими и способны адаптироваться к изменениям и принимать инновации. Поэтому крайне важно обеспечить и укрепить демократическую устойчивость.

Формирование устойчивости должно зависеть от контекста, поскольку не существует универсальных решений для различных проблем, уязвимостей и угроз, и для усиления способности социальных систем справляться с любыми стрессами и потрясениями и восстанавливаться после них.

Таким образом, необходимы конкретные меры по формированию устойчивости, чтобы реагировать на каждый из вызовов, подрывающих демократические институты и процессы. Политика по расширению демократического участия, реагированию на кампании дезинформации, противодействию гибридным угрозам, повышению киберустойчивости и устойчивости инфраструктуры и т.д. должна быть скоординирована на национальном и межправительственном уровнях. ЕС и НАТО разрабатывают и реализуют комплексные меры по повышению устойчивости на уровне своих государств-членов, а также в тесном сотрудничестве между ЕС и НАТО, чему способствует укрепление стратегического партнерства, как это определено в двух совместных декларациях, одобренных в Варшаве в июне 2016 и в Брюсселе в мае 2018.³²

Повышение устойчивости – *ключевой элемент коллективной защиты* Североатлантического альянса.³³ Повышение устойчивости государства и

³¹ Некоторые авторы считают устойчивость формой *управляемости*. По словам Джозефа, устойчивость, несмотря на то, что про нее говорят, что она связана с работой систем, на практике ближе к форме управления, которая подчеркивает индивидуальную ответственность. Тем не менее, если повышение устойчивости понимается просто как хорошее управление, полезность этого термина сомнительна. См. Jonathan Joseph, "Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach," *Resilience: International Policies, Practices and Discourses* 1, no. 1 (2013), 38-52, <https://doi.org/10.1080/21693293.2013.765741>.

³² "Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of NATO," Warsaw, July 8, 2016, <https://www.consilium.europa.eu/media/24293/signed-copy-nato-eu-declaration-8-july-en.pdf>; и "Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization," Brussels, July 10, 2018, www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156626.htm.

³³ Официальный текст НАТО, "Commitment to Enhance Resilience Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Warsaw, 8-9 July 2016," https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_1331

общества является ключевым для подхода ЕС к безопасности государств-членов и Союза, особенно в отношениях с партнерами на Юге и Востоке, как это представлено в Глобальной стратегии ЕС в области внешней политики и безопасности.³⁴ ЕС принял *ключевые документы по устойчивости*, в том числе по противодействию дезинформации.³⁵ Очень актуальной инициативой в этом контексте является предназначенный для саморегулирования Кодекс в отношении дезинформации, согласованный в сентябре 2018 года представителями онлайн-платформ, ведущих социальных сетей и рекламной индустрии, которые согласились бороться с распространением онлайн-дезинформации и фейковых новостей.³⁶

Значительное количество согласованных действий, реализуемых совместно ЕС и НАТО, сосредоточено на повышении устойчивости, в частности, на противодействии гибридным угрозам, анализе и скоординированной стратегической коммуникации для выявления дезинформации и распространения правдоподобного нарратива, на киберзащите и т.д.³⁷ Также стоит упомянуть о деятельности Центра передового опыта НАТО STRATCOM и Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным

80.htm. Относительно анализа см.: Jamie Shea, "Resilience: A Core Element of Collective Defence," *NATO Review*, March 30, 2016, www.nato.int/docu/review/2016/Also-in-2016/nato-defence-cyber-resilience/EN/index.htm. Соответствующий обзор обязательств НАТО по обеспечению устойчивости на национальном уровне в Madeleine Moon, "NATO's National Resilience Obligations," *RUSI Commentary*, March 15, 2019, <https://www.rusi.org/commentary/NATOs-National-Resilience-Obligations>.

³⁴ «ЕС будет способствовать устойчивости своих демократий и будет придерживаться ценностей, которые вдохновили его создание и развитие. К ним относятся уважение и поощрение прав человека, основных свобод и верховенства закона. Они включают справедливость, солидарность, равенство, недискриминацию, плюрализм и уважение к разнообразию. Последовательная внутренняя жизнь в соответствии с нашими ценностями будет определять наш внешний авторитет и влияние». "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy," June 2016, 15, и "State and Societal Resilience to Our East and South," 23-28, https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf.

³⁵ European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, "Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action," June 7, 2017, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52017JC0021>; European Commission, "Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Tackling Online Disinformation: A European Approach," Brussels, April 26, 2018, <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-online-disinformation-european-approach>.

³⁶ European Commission, "Code of Practice on Disinformation," September 26, 2018, <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/code-practice-disinformation>.

³⁷ EEAS, "EU-NATO Cooperation – Factsheets," June 17, 2020, https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/28286/eu-nato-cooperation-factsheet_en.

угрозам, действующих в качестве нейтрального посредника между ЕС и НАТО путем организации стратегических дискуссий и учений.³⁸

Международные организации – как межправительственные, так и неправительственные, такие как ОЭСР, различные агентства ООН и IDEA International – предложили конкретные рамки для построения и укрепления государственной, социальной и демократической устойчивости. Сравнительный анализ этих инициатив на уровне демократических государств, ЕС и НАТО и других международных организаций, а также государственно-частных инициатив по реализации конкретных политик устойчивости, выходит далеко за рамки данной статьи.

Тем не менее, стоит упомянуть о некоторых мерах *по восстановлению доверия к демократическим институтам*, борьбе с дезинформацией и фальшивыми новостями, а также против компьютерной пропаганды. По сути, существует потребность в прочном базовом политическом образовании граждан и электората, а также в действиях по противодействию иностранному вмешательству и конкретным мерам наблюдения до начала голосования. «Постоянное развитие критического мышления и цифровых компетенций, особенно у молодых людей, имеет решающее значение для повышения устойчивости нашего общества к дезинформации».³⁹ Меры, предложенные Национальным демократическим институтом США, могут передать передовой опыт противодействия дезинформации в политике, особенно на выборах, соответственно путем проведения исследований уязвимости и устойчивости к дезинформации; мониторинг дезинформации и компьютерной пропаганды на выборах; усиление приверженности политических партий обеспечению достоверности информации; помощь платформ социальных сетей и техническим компаниям в «создании конфигураций для демократии»; обмен инструментами для обнаружения и устранения дезинформации и восстановления доверия к институтам и процессам посредством демократических инноваций.⁴⁰

Развитие демократии в глобальном масштабе в новейшей истории имело свои приливы и отливы, но мы верим, что демократическая форма правления докажет свою привлекательность и устойчивость, несмотря на нынешние серьезные проблемы. В конце концов, это новая и более высокая форма вековой битвы за завоевание умов и сердец. Устоявшиеся демократии все больше осознают новые вызовы и начали существенную правовую и нормативную работу по повышению устойчивости демократических институтов и процессов. Вызовы и угрозы, представленные в статье, указывают на долгосрочную тенденцию, эволюцию которой трудно предсказать.

³⁸ European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, “Functions of Hybrid CoE,” <https://www.hybridcoe.fi/>.

³⁹ European Commission, “Tackling Online Disinformation.”

⁴⁰ National Democratic Institute, “Info/tegrity. An NDI Initiative to Protect the Integrity of Political Information,” <https://www.ndi.org/infotegrity>.

Нормативно-правовая база реагирования на эти вызовы должна быть скоординирована и постоянно адаптирована к быстро меняющейся среде угроз.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами авторов и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Об авторах

Д-р Йоан Мирча Пашку – профессор международных отношений Национальной школы политических и административных исследований (с 1990 года). Он был вице-президентом Европейского парламента (ноябрь 2014 - июль 2019 г.), заместителем председателя Комитета по иностранным делам Европейского парламента (2007-2017 гг.). Был министром обороны Румынии (2000-2004 гг.), внес значительный вклад в принятие Румынии в НАТО. Советник президента, руководитель отдела внешней политики Администрации президента Румынии (1990-1992), вице-президент Фронта национального спасения (1990-1992), государственный секретарь, заместитель министра обороны (1993-1996), председатель Комитета по обороне, общественному порядку и национальной безопасности Палаты депутатов румынского парламента (1996–2000 годы), член румынского парламента (1996–2007 годы), вице-президент Социал-демократической партии (1997–2006 годы). Декан факультета международных отношений Национальной школы политических и административных исследований (1990–1996 годы). Заведующий кафедрой международных отношений Национальной школы политических и административных исследований (2004–2009 годы).
E-mail: puiu.pascu@gmail.com

Д-р Николае-Серджиу Винтила в настоящее время работает политическим аналитиком в Европейской парламентской исследовательской службе Европейского парламента. Он был советником по политике профессора Йоана Мирчи Пашку, депутата Европарламента, вице-президента Европейского парламента, в период с 2009 по 2019 год. С 2001 по 2009 год он занимал руководящие должности в Министерстве обороны Румынии. Доктор Винтила был исследователем в Румынской академии (1990–1997), а с 1990 года он является лектором и доцентом в области международных отношений и ведет курсы в основном для аспирантов в Национальной школе политических исследований и государственного управления в Бухаресте и Люксембургском университете. Он пишет от своего имени.

E-mail: nicolae-sergiu.vintila@ext.uni.lu

Институциональная устойчивость и повышение добропорядочности в секторе обороны и безопасности

Надя Миланова

Международный секретариат НАТО, <https://www.nato.int/>

Резюме: Концепция устойчивости в сфере обороны и безопасности развивается в сторону включения широкого и многомерного набора уязвимостей и связанных с ними стратегий смягчения по всему спектру военных и невоенных механизмов реагирования. В этой статье утверждается, что, хотя коррупция и неэффективное управление в настоящее время признаны угрозой безопасности, как это сформулировано в Декларации Варшавского саммита НАТО, укрепление оборонных и связанных с ними институтов безопасности как в странах-союзниках, так и в странах-партнерах все еще требует дальнейшего включения в качестве неотъемлемой части концепцию устойчивости. Институциональная устойчивость, основанная на честности, прозрачности и подотчетности, имеет решающее значение для обеспечения выполнения обязательств НАТО по устойчивости и ее базовых требований, которые включают, *inter alia* [в частности], преемственность управления с его способностью принимать решения и предоставлять общественные услуги населению. Коррупция и неэффективное управление подрывают доверие общества и усугубляют нестабильность и хрупкость. Политика НАТО по обеспечению добропорядочности способствует выполнению трех основных задач Североатлантического союза – коллективной обороны, кризисного менеджмента и безопасности, основанной на сотрудничестве. Работа НАТО по Проецированию стабильности по отношению к партнерам показала значение роли хорошего управления как компонента повышения устойчивости партнеров. Это требует дальнейшей институционализации посредством последовательных усилий по укреплению оборонных институтов. Вклад институциональной устойчивости в задачи НАТО по обороне и сдерживанию требует дальнейшего осмысления. В статье приводятся аргументы в пользу более последовательного подхода к использованию

программы Повышение добропорядочности (Building Integrity) как неотъемлемой части концепции устойчивости и необходимости в надежных институциональных способностях для снижения уязвимости, возникающей из-за риска коррупции, как угрозы безопасности.

Ключевые слова: НАТО, сектор обороны и безопасности, институциональная устойчивость, повышение добропорядочности, ПД, прозрачность, подотчетность, коррупция, хорошее управление.

Введение

Устойчивость – одна из тех новых концепций, которые демонстрируют экспоненциальный рост использования в широком спектре областей и международных организаций. Повсеместное распространение этой концепции одновременно обнадеживает, поскольку она фокусируется на причинном эффекте множества факторов и их взаимосвязях, но также подвержена опасности чрезмерного – и, следовательно – неправильного использования без разработки прочной основы и концептуальной рамки. В этом отношении будет ли потенциал концепции устойчивости использоваться международными организациями как верный указатель для практических решений сложных проблем, или он будет использоваться как «фиговый листок», когда невозможно примирить недостаточно амбициозные и чрезмерно амбициозные крайности их повесток выработки политики?

Обзор использования устойчивости в международных организациях, как части их повестки дня и выработки политики, показывает следующие тенденции. В дискурсе ООН концепция устойчивости была введена в контексте устойчивого развития, при этом устойчивость социальных и экологических систем используется в качестве меры для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). Подход Организации Объединенных Наций (ООН) к устойчивости направлен в первую очередь на снижение риска и менеджмент реакции на стихийные бедствия и стремится предоставить аналитическую основу показателей для измерения устойчивости в этом контексте.

Со своей стороны, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подчеркивает необходимость сотрудничества между сообществами, работающими над различными политиками, связанными с рисками в рамках стратегий развития. Определение устойчивости ОЭСР делает упор на «способность домохозяйств, сообществ и наций преодолевать потрясения и восстанавливаться после них, а также позитивно адаптировать и трансформировать свои структуры и средства для жизни перед лицом долговременных стрессов, изменений и неопределенности».¹ Внедряя системный анализ устойчивости, ОЭСР выступает за более эффективное, межот-

¹ OECD, “Guidelines for Resilience Systems Analysis: How to Analyse Risk and Build a Roadmap to Resilience” (OECD Publishing, 2014), www.oecd.org/dac/Resilience%20Systems%20Analysis%20FINAL.pdf.

раслевающее и многомерное программирование посредством изучения взаимосвязей различных рисков и уязвимостей. Со своей стороны, программа обеспечения устойчивости Всемирного банка охватывает такие области, как управление рисками бедствий, изменение климата и инфраструктура, оказывающие влияние на результаты развития.

В своей Глобальной стратегии 2016 года Европейский Союз принял экспансионный подход к устойчивости, сделав ее неотъемлемой частью своей внешнеполитической роли и целей и одним из пяти приоритетов своей внешней деятельности наряду с другими четырьмя приоритетами, а именно: безопасность ЕС, комплексный подход к конфликтам, региональные порядки, основанные на сотрудничестве и глобальное управление.² В этом смысле подход к устойчивости в контексте Глобальной стратегии 2016 года является отходом от более раннего использования этой концепции Европейским союзом, который уделял основное внимание развитию и гуманитарным вопросам, как это сформулировано в «Европейском подходе к устойчивости: уроки продовольственной безопасности и ее кризисов» (2012), Заключении Совета о подходе ЕС к устойчивости (2013) и Плане действий по обеспечению устойчивости в странах, подверженных кризисам (2013). Говоря языком ЕС, устойчивость к внешним воздействиям распространяется на государство и общества, где «жизнеспособное общество с демократией, доверием к институтам и устойчивым развитием лежит в основе устойчивого государства», а сама устойчивость определяется как «способность государств и обществ реформироваться, и таким образом, противостоять внутренним и внешним кризисам и восстанавливаться после них».³ В этом отношении более широкая и многогранная концепция устойчивости, разработанная и используемая Европейским союзом, предполагает широкий спектр путей во множестве областей, таких как содействие «устойчивости демократий», усиление «устойчивости к внешним воздействиям критически важной инфраструктуры, сетей и услуг», а также «создание устойчивости общества, в том числе путем углубления работы в области образования, культуры и с молодежью, чтобы способствовать плюрализму, сосуществованию и уважению».⁴ В геополитическом плане устойчивость является стратегическим приоритетом для Европейского Союза в политике соседства на востоке и юге, а также подтверждается взаимосвязь между внутренними и внешними измерениями ее операционализации.

² “Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy,” June 2016, https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf.

³ “Shared Vision, Common Action.”

⁴ “Shared Vision, Common Action.”

Подход НАТО к устойчивости

Точно так же, как и в области устойчивого развития, концепция устойчивости в сфере обороны и безопасности также развивается в сторону включения широкого и многомерного набора уязвимостей и связанных с ними стратегий смягчения последствий по всему спектру военных и невоенных механизмов реагирования. В этой связи повестка дня НАТО по обеспечению устойчивости имеет тенденцию расширяться и брать на себя новые задачи по мере того, как со временем развивается понимание факторов риска и возможных контрстратегий.

Идея устойчивости государств-членов НАТО посредством поддержания и развития их индивидуальной и коллективной обороноспособности закреплена в учредительном договоре Альянса от 1949 года и, в частности, в статье 3. Это определенное в неявном виде внутреннее измерение устойчивости с точки зрения способностей и потенциала коллективной обороны вводится в действие в рамках процесса оборонного планирования и развития НАТО. Лондонская декларация, принятая на встрече лидеров НАТО 3-4 декабря 2019 г., расширяет концептуальные рамки устойчивости, впервые включая в нее общества стран НАТО, а также устойчивость критически важной инфраструктуры и энергетическую безопасность, как и надежные и отказоустойчивые системы для обеспечения коммуникационной безопасности стран НАТО. Помимо устойчивости общества, четко сформулированной впервые, другие области уже были частью повестки дня НАТО по обеспечению устойчивости.

Основа повестки дня НАТО по обеспечению устойчивости лежит в области гражданской готовности, которая возникает как необходимость в быстро меняющихся условиях безопасности и в результате усиления обороноспособности и способности к сдерживанию Североатлантического союза с учетом возрастающих террористических и гибридных угроз, нацеленных на гражданское население и критическую инфраструктуру на евроатлантической территории. На Варшавском саммите в 2016 году лидеры Североатлантического союза решили повысить устойчивость НАТО так, чтобы она охватывала полный спектр угроз и согласовала семь базовых требований к национальной устойчивости, на основании которых государства-члены могут измерять уровень своей готовности.⁵ К ним относятся гарантированная непрерывность государственного управления и важнейших государственных услуг; надежные источники энергии; способность эффективно справляться с неконтролируемым перемещением людей, устойчивые продовольственные и водные ресурсы; способность справляться с ситуациями с большим числом погибших; устойчивые системы гражданской связи и устойчивые системы гражданского транспорта.

⁵ NATO official text, "Commitment to Enhance Resilience Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Warsaw, 8-9 July 2016," https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133180.htm.

Кризис COVID-19 стал проверкой готовности Североатлантического союза и его государств-членов проявлять устойчивость, в том числе в секторе здравоохранения, который до этого явно не определялся в качестве отдельной области требований, например, с точки зрения медицинских запасов и готовности к пандемиям. Пандемия проверила действующие механизмы НАТО для консультаций и координации во время чрезвычайной ситуации, а также скорость реагирования для смягчения последствий кризиса в области здравоохранения как в странах НАТО, так и в странах-партнерах за счет способностей для быстрого реагирования реализованные в Евроатлантическом центре координации реагирования на чрезвычайные ситуации (EARDCC) в качестве основного механизма реагирования НАТО на гражданские чрезвычайные ситуации. Кризис COVID-19 также выявил другие аспекты устойчивости, которые необходимо учитывать, такие как реагирование на дезинформацию в кризисных ситуациях и формирование способности быстро оправиться от негативного социального и политического воздействия распространения ложных новостей в условиях кризиса. Параллельно ответные меры на пандемию выдвинули проблемы, связанные с устойчивостью и надежностью цепочек поставок в быстро меняющейся среде, которая требует быстрого реагирования, в результате чего ожидается, что надзор и контроль будут ограничены и сведены к минимуму, что приведет к увеличению риску мошенничества и нецелевого использования ресурсов. Таким образом, в то время, как для НАТО повестка дня по обеспечению устойчивости прочно закреплена в контексте основной задачи Североатлантического союза по коллективной обороне и его последующей позиции по обороне и сдерживанию, а также по гражданской готовности, список рисков и уязвимостей, для которых необходимо разработать меры по обеспечению устойчивости и ввести заранее, неизбежно будут расти.

Повестка дня по обеспечению устойчивости: прогнозирование рисков и уязвимостей

В целом, COVID-кризис продемонстрировал непредсказуемость и сложность повестки дня по обеспечению устойчивости и стал испытанием для мышления международных организаций и национальных правительств в отношении устойчивости. В Отчете о глобальных рисках за 2020 год Всемирного экономического форума, опубликованном в январе 2020 года, пандемии или инфекционные заболевания не входят в первую десятку рисков с точки зрения их вероятности возникновения.⁶ В 2020 году риски с наибольшей ожидаемой вероятностью возникновения будут преимущественно экологического характера, за которыми следуют два технологических риска (мошенничество с данными, кража данных и кибератаки), один социальный (водный кризис), один геополитический (провал глобального управления) и

⁶ World Economic Forum, *The Global Risks Report 2020*, Insight Report, 15th edition, <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020>.

один экономический (пузырь активов). Что касается воздействия, первые два риска с наивысшей оценкой – это провал действий по борьбе с изменением климата и оружие массового уничтожения, причем последнее является единственным риском геополитического характера в этом списке, а воздействие инфекционных заболеваний находится на десятом месте. По сравнению с предыдущими годами пандемия воспринималась как риск в 2007 г. на четвертом месте рейтинга и в 2008 г. на пятом месте, что совпадает со вспышкой инфекции вирусом H5N1. Однако в последующие годы восприятие риска пандемии снизилось, и он так и не попал в первую десятку рисков с наибольшей вероятностью возникновения и, конечно же, не в период, предшествующий кризису COVID-19.

Следовательно, мышление устойчивости не может существовать в отрыве от способности международных организаций и национальных правительств прогнозировать и заранее определять какие из множества рисков и уязвимостей будут представлять угрозу безопасности в тот или иной момент и, соответственно, готовить механизмы преодоления последствий, стратегий менеджмента и смягчения последствий. Понимание всего диапазона потенциальных рисков безопасности в их сложности, независимо от представлений об их вероятности возникновения, является непременным условием разработки адекватных и конкретных решений, для реализации некоторых из которых могут потребоваться годы и встраивания в организационные системы, чтобы обеспечить эффективный ответ в случае необходимости.

Коррупция как риск для безопасности: расширение повестки дня по устойчивости

Если мы определяем устойчивость, в первую очередь, как способность предвидеть появление уязвимостей, независимо от их низкой или высокой вероятности возникновения, первым шагом в процессе демистификации и развязывания концепции устойчивости в ее многогранной природе должен стать анализ всего диапазона потенциальных рисков и их способности создавать проблемы безопасности. В этом отношении коррупция и плохое управление, хотя и определены как риски для безопасности, не занимают особо важное место в повестке дня по обеспечению устойчивости. Это может быть объяснено преобладающим представлением о низком воздействии, вызываемом ими, по сравнению с сильным воздействием, связанным с другими рисками безопасности, такими как распространение оружия массового поражения или нарушение работы критически важной инфраструктуры.

В анализе глобальных рисков Всемирного экономического форума коррупция попадает в группу геополитических рисков.⁷ Только в годовом докладе за 2011 год она была идентифицирована как риск с высокой вероятностью на высоком третьем месте. Высокий рейтинг коррупции как глобального риска в 2011 году может объяснить публикация Большой базы данных о коррупции Всемирного банка в 2012 году, в которой собрана коллекция случаев за период с 1980 по 2011 год, а также накопление громких дел о коррупции государственных должностных лиц и частных компаний в преддверии 2011 года. В годовом отчете за 2020 год коррупция рассматривается как один из факторов, способствующих провалу государственного управления, определяя его как «неспособность управлять страной, имеющей геополитическое значение в результате слабого верховенства закона, коррупции или политического безвыходного положения».⁸ Связь между коррупцией и несостоятельностью государственного управления существенна и усиливает вызовы управления и устойчивости, создаваемые коррупцией как угрозой безопасности. В 2020 году неэффективность государственного управления оценивалась выше с точки зрения вероятности и воздействия по сравнению с риском террористических атак.

Для НАТО работа над коррупцией как угрозой безопасности и над минимизацией риска ее возникновения в оборонном секторе и связанном с ним секторе безопасности началась в 2007 году, когда была учреждена Программа повышения добропорядочности НАТО (НАТО ПД). Это является практическим решением для реализации Плана действий партнерства НАТО по строительству оборонных институтов (PAP-DIB), одобренного на саммите НАТО в Стамбуле в 2004 году, с его десятью принципами, которые считаются основополагающими для строительства эффективных и демократически ответственных оборонных институтов, а именно демократический контроль над оборонной деятельностью; гражданское участие в разработке политики обороны и безопасности; эффективный и прозрачный законодательный и судебный надзор за сектором обороны; эффективные и прозрачные механизмы и процедуры для оценки рисков безопасности и требований национальной обороны; эффективные и прозрачные меры по оптимизации управления министерствами и ведомствами, отвечающими за вопросы обороны и соответствующими силовыми структурами, включая процедуры для облегчения межведомственного сотрудничества; эффективные и прозрачные механизмы и методы, обеспечивающие соблюдение международно признанных норм и практик, установленных в оборонном секторе, включая экспортный контроль оборонных технологий и военной техники; эффективные и прозрачные кадровые структуры и практики в силах обороны; эффективные и прозрачные процедуры финансирования, планирования и распределения ресурсов в сфере обороны; эффективное, прозрачное

⁷ World Economic Forum, *The Global Risks Report 2020*.

⁸ World Economic Forum, *The Global Risks Report 2020*, 87.

и экономически выгодное управление расходами на оборону; и эффективные и прозрачные механизмы для обеспечения эффективного международного сотрудничества и добрососедских отношений в вопросах обороны и безопасности.⁹

По своей сути, эти принципы представляют собой требования и строительные блоки устойчивости в интегрированном виде – по горизонтали во всех функциональных областях, присущих оперативному функционированию оборонных институтов, а также по вертикали в рамках общегосударственной структуры. Эффективные и действенные оборонные институты также являются в более широком смысле устойчивыми институтами, которые имеют в своем распоряжении правильные механизмы для поддержания целостности системы в первую очередь и, таким образом, предотвращения возникновения негативных явлений. У них также есть механизмы преодоления последствий потрясений для системы в случае их возникновения.

НАТО зафиксировало взаимосвязь между коррупцией и безопасностью в своей Политике повышения добропорядочности (ПД), одобренной главами государств и правительств стран НАТО на саммите в Варшаве в 2016 году.¹⁰ Сама Политика ПД и Коммюнике Варшавского саммита четко сформулировали, что «коррупция и неэффективное управление – это вызовы безопасности, которые подрывают демократию, верховенство закона и экономическое развитие», и что «прозрачные и подотчетные оборонные институты под демократическим контролем имеют фундаментальное значение для стабильности в евроатлантическом регионе и важное значение для сотрудничества в области международной безопасности».¹¹

На саммите НАТО в Брюсселе в 2018 году создание более сильных оборонных институтов партнеров НАТО, улучшение их надлежащего управления и повышение их устойчивости по их просьбе было определено как отдельное направление работы в контексте усилий Североатлантического союза по проецированию стабильности как части его широкой и усиливающейся позиции сдерживания и обороны.¹² Это ближе всего к тому, чтобы вопрос эффективного управления и сильных оборонных институтов был поставлен в центр повестки дня Североатлантического союза по обеспечению

⁹ NATO, "Partnership Action Plan on Defence Institution Building (PAP-DIB)," January 7, 2004, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21014.htm.

¹⁰ NATO, "NATO Building Integrity Policy, Endorsed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016," July 9, 2016, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_135626.htm.

¹¹ NATO, "Warsaw Summit Communiqué, Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016," July 9, 2016, para. 130, www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm.

¹² NATO, "Brussels Summit Declaration, Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11-12 July 2018," July 11, 2018, para. 50, www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm.

устойчивости. В то время как НАТО *де-факто* работает над повышением устойчивости оборонных и связанных с ними институтов безопасности, эта связь все еще нуждается в более сильном обосновании, а важность сильных институтов как источника и гаранта устойчивости требует более узнаваемой формулировки. Более того, Политика ПД применяется как к союзникам, так и к партнерам, а также к НАТО как к организации, и способствует выполнению трех основных задач Североатлантического союза: коллективной обороны, кризисного менеджмента и безопасности, основанной на сотрудничестве.

Хотя это и не сформулировано явно, акцент Политики ПД на хорошем управлении также согласуется с базовыми требованиями НАТО к устойчивости и, в частности, с первым требованием, которое связано с непрерывностью управления, его способностью принимать решения и предоставлять услуги населению. Это согласование между определением коррупции как угрозы безопасности в НАТО и программой обеспечения устойчивости концептуально основано на причинно-следственной связи между национальным управлением и принципами добросовестности, прозрачности и подотчетности, как в качестве механизма устойчивости, который сам по себе защищает от вероятности злоупотреблений и должностных преступлений, с одной стороны, так и в качестве показателя устойчивости на институциональном уровне, с другой.

Замыкание цикла: институциональная устойчивость и повышение добропорядочности

Концепции устойчивости и добропорядочности имеют некоторые общие характеристики, в частности позитивные подходы, которые они вводят в отношении сложных явлений с негативным влиянием в контексте безопасности и развития, таких как хрупкость, уязвимость, коррупция и плохое управление. Точно так же, пути к усилению устойчивости и повышению добропорядочности проходят через преобразующие изменения и нормативную адаптацию, требующие вмешательств с целью изменения политики и институциональных реформ на уровне организационной культуры, мышления и способностей, а также индивидуальных умений, взглядов и поведений. Устойчивость возлагает бремя усилий на принимающую сторону интервенции международной организации также, как и в случае концепции добропорядочности, которая предполагает внутреннюю силу и внутренний потенциал.

Союзники и партнеры по НАТО согласовали определение добросовестности при обсуждении Политики ПД, указав на добропорядочность как на связь между поведением и принципами. Кроме того, согласно определению НАТО, с институциональной точки зрения добросовестность напрямую связана с надлежащим управлением. Политика ПД подтверждает, что «укрепление добропорядочности института – это вопрос институционализа-

ции принципов, которые мы хотим, чтобы институт отстаивал, а также вопрос обобществления этих норм и ценностей среди его персонала». ¹³ Таким образом, добропорядочность существует на двух уровнях – институциональном и индивидуальном. Два уровня постоянно взаимодействуют и подкрепляют друг друга посредством динамического процесса. Благодаря системному подходу, ПД НАТО сосредоточена на выявлении и оценке пробелов и уязвимостей с точки зрения минимизации риска коррупции с помощью диагностического инструмента, известного как Процесс самооценки и коллегиального контроля ПД НАТО. На основе анализа национальных потребностей и требований добросовестности ПД НАТО предоставляет индивидуальную поддержку и индивидуальные решения, тем самым способствуя устойчивости оборонных институтов к злоупотреблениям, должностным преступлениям и мошенничеству в различных функциональных областях, таких как управление человеческими ресурсами, финансовые ресурсы, управление, бюджетирование и планирование, закупки, управление жизненным циклом, цепочки поставок, логистика, списывание активов и т.д. ¹⁴

В этом смысле институциональная устойчивость основана на совокупности системных факторов и на совокупности механизмов, способных сдерживать риски для системы в различных институциональных функциональных областях, которые взаимодействуют и взаимно усиливают или подрывают друг друга. Например, прозрачная и подотчетная система найма и продвижения по службе, основанная на заслугах, усилит систему закупок, управления активами или любую другую функциональную область за счет применения принципа «нужный человек в нужном месте». В этом отношении риски, относящиеся к соответствующим областям, а также риски в каждой области должны быть детализированы, оценены и проанализированы в соответствии с их вероятностью возникновения и воздействия, если они возникнут, и, следовательно, приведут к разработке новой политики и процедур. Этот процесс также включает в себя организационный этос, сумму ценностей и поведений, а также пути их социализации в рамках организации.

Заключение

Устойчивость стала для международных организаций объединяющей концепцией, позволяющей связывать различные политические сообщества и разрушать секторальные разрозненности. Будучи неконфликтной и бесспорной, концепция устойчивости привлекательна для разработчиков и исполнителей политики в качестве отправной точки при разработке политики и программных мероприятий в различных контекстах в различных дисциплинах.

¹³ NATO, “NATO Building Integrity Policy.”

¹⁴ Процесс ПД НАТО включает в себя процесс самооценки и коллегиального контроля, проводимый в НАТО и странах-партнерах на добровольной основе; к вопросам, исследуемым в процессе через Анкету для самооценки, можно получить доступ на https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_118004.htm.

плинах и секторах. Тем не менее, устойчивость – один из тех терминов, который может пострадать от негибкого понимания его концептуальных параметров и практического значения. Анализ рисков и уязвимостей с усилением акцента на причинно-следственных связях оправдан в контексте дискуссий о том, как повысить устойчивость к внешним воздействиям. Работа НАТО по созданию эффективных и действенных оборонных институтов и по минимизации риска коррупции в сфере обороны и связанным с ней сектором безопасности за счет укрепления институциональной устойчивости и организационного духа добропорядочности, прозрачности и подотчетности может расширить охват дискуссии об устойчивости.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами автора и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Об авторе

Д-р **Надя Миланова** имеет обширный опыт в международных делах, вопросах безопасности, публичной дипломатии, оборонной политики и оборонных реформ в национальном и многостороннем контексте. С 2014 года д-р Миланова работала в качестве сотрудника по вопросам повышения добропорядочности (VI) в штаб-квартире НАТО, где она вносит свой вклад в предоставление стратегических рекомендаций и наращивание потенциала в отношении борьбы с коррупцией и надлежащего управления в сфере обороны и связанным с обороной сектором безопасности. Она начала работать в НАТО в 2006 году в составе Отдела общественной дипломатии, а до этого работала в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в качестве главы ее Пражского офиса. На национальном уровне д-р Миланова работала дипломатом в Министерстве иностранных дел и руководила отделом двустороннего и регионального сотрудничества в Министерстве обороны Болгарии. Она также имеет опыт работы в области прав человека, занимаясь адвокатской деятельностью в ООН и ЕС. Она имеет докторскую степень в области политики Университета Эксетера, Соединенное Королевство, степень магистра международных отношений Школы права и дипломатии Флетчера при Университете Тафтса, США, и степень магистра английского языка и литературы Софийского университета, Болгария.
E-mail: nadia.milanova86@gmail.com

За синими маячками: изучение устойчивости полицейских после террористической атаки в аэропорту Брюсселя 22 марта 2016 г.

Марлин Истон и Ванесса Лорис

Департамент государственного управления и менеджмента, Гентский университет, Бельгия, <https://www.ugent.be/eb/publiek-management/en>

Резюме: В этом тематическом исследовании теракта в аэропорту Брюсселя 22 марта 2016 г. исследуется опыт сотрудников полиции в отношении (а) их стратегий для того, чтобы справиться после террористического нападения и (б) (не) формальной социальной поддержки на рабочем месте, которая влияет на их устойчивость. Для ответа на вопросы исследования был использован метод качественного исследования, состоящий из контент-анализа полицейской организации, наблюдения за участниками и 31 углубленного интервью с полицейскими, которые были на службе во время теракта. Это исследование показывает, что опрошенные полицейские в первую очередь применяют определенные стратегии для того, чтобы справиться с ситуацией после теракта. Самые часто упоминаемые стратегии – это разговор с другими, за которым следуют участие в позитивных действиях, поведенческое отвлечение, самооценка, позитивный разговор с самим собой и эмоциональное оцепенение. Во-вторых, это исследование показало, что (не) формальная социальная поддержка на рабочем месте играет важную роль в повышении устойчивости полицейских после террористического нападения. Неформальное получение признательности за усилия, предпринятые во время теракта, и за психологический урон после него имеет решающее значение в этом процессе. Кроме того, очень важна эмоциональная поддержка со стороны коллег и руководителей. Однако правящая культура «мачо» в полицейской организации воспринимается как препятствие для свободного разговора об эмоциях. Формально респонденты делают упор на надлежащий анализ и хорошо организованное и доступное психологическое сопровождение. Этот научный вклад дает представление

о передовых методах, которые полицейская организация может применять для повышения устойчивости и эффективности своих сотрудников.

Ключевые слова: полиция, устойчивость, организация, ресурсы, справляться.

Введение

В результате теракта в аэропорту Брюсселя 22 марта 2016 г. (22/3), когда террористы-смертники взорвали бомбу, 12 человек погибли и около 100 человек получили ранения. Сотрудники полиции (СП) бросились к месту происшествия в считанные минуты, разыскивая выживших, эвакуируя пострадавших, охраняя периметр места бедствия и, в конечном итоге, разыскивая тела и части тел. Подобный сильно травмирующий инцидент может вызвать серьезный стресс у пострадавшего СП и создать угрозу его психическому здоровью.^{1,2} Тем не менее, исследования показали, что СП проявляют различные реакции после потенциально травмирующих событий (ПТС). Лишь у меньшинства развиваются симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), от 7 до 19 процентов,³ в то время как большинство ПО демонстрируют устойчивые траектории поведения (в диапазоне от 76,7 до 88,1 процента).^{4,5,6} Хотя большинство исследований сосредоточено на развитии патологий, очень интересно узнать о факторах, которые способствуют устойчивости СП. В этой области исследований ученые в основном подчер-

¹ Oluyinka Ojedokun and Shyngle K. Balogun, "The Costs of Policing: Psychosocial Capital and Mental Health Outcomes in a Nigeria Police Sample," *The Spanish Journal of Psychology* 18 (2015), <https://doi.org/10.1017/sjp.2015.76>.

² Chengmei Yuan, Zhen Wang, Sabra S. Inslicht, Shannon E. McCaslin, Thomas J. Metzler, Clare Henn-Haase, Brigitte A. Apfel, Huiqi Tong, Thomas C. Neylan, Yiru Fang, and Charles R. Marmar, "Protective Factors for Posttraumatic Stress Disorder Symptoms in a Prospective Study of Police Officers," *Psychiatry Research* 188, no. 1 (2012): 45-50.

³ Ingrid V.E. Carlier, R.D. Lamberts, and B.P.R. Gersons, *Ingrijpende gebeurtenissen in politiewerk* (Arnhem: Gouda Quint, 1994).

⁴ Rosemarie M. Bowler, Matthew Harris, Jiehui Li, Vihra Gocheva, Steven D. Stellman, Katherine Wilson, Howard Alper, Ralf Schwarzer, and James E. Cone, "Longitudinal Mental Health Impact among Police Responders to the 9/11 Terrorist Attack," *American Journal of Industrial Medicine* 55, no. 4 (2012): 297-312.

⁵ Isaac R. Galatzer-Levy, Anita Madan, Thomas C. Neylan, Clare Henn-Haase, and Charles R. Marmar, "Peritraumatic and Trait Dissociation Differentiate Police Officers with Resilient versus Symptomatic Trajectories of Posttraumatic Stress Symptoms," *Journal of Traumatic Stress* 24, no. 5 (2011): 557-565.

⁶ Robert H. Pietrzak, Adriana Feder, R. Singh, et al., "Trajectories of PTSD Risk and Resilience in World Trade Center Responders: An 8-year Prospective Cohort Study," *Psychological Medicine* 44, no. 1 (2014): 205-219.

кивают взаимосвязь между устойчивостью и личностными факторами,⁷ доступом к сетям социальной поддержки^{8,9} и стратегиями, используемыми для того, чтобы справляться с последствиями таких ситуаций.¹⁰ Более того, большинство исследований рассматривают эти сферы поотдельности, в то время как устойчивость – это динамическая многомерная конструкция, на которую влияет широкий спектр факторов, таких как культура, личность, поддержка со стороны коллег и рабочая среда.¹¹ Эти результаты привели к выявлению нескольких пробелов в исследованиях. Во-первых, не хватает литературы, исследующей роль самой полицейской организации как препятствующей или способствующей устойчивости ее сотрудников. А изучение этой конкретной области представляет большой интерес, поскольку предыдущие исследования показывают, что социально поддерживающая среда способствует устойчивости после ПТС.^{12,13} Во-вторых, для изучения устойчивости СП в основном применяются количественные методы поперечного среза.¹⁴ Однако качественные методы исследования могут иметь дополнительную ценность, поскольку они отражают восприятие и лежащие в основе процессы, влияющие на устойчивость.¹⁵ И наконец, исследования

-
- ⁷ Julio F.P. Peres, Bernd Foerster, Leandro G. Santana, Mauricio Domingues Ferreira, Antonia G. Nasello, Mariângela Savoia, Alexander Moreira-Almeida, and Henrique Lederman, "Police Officers Under Attack: Resilience Implications of an fMRI Study," *Journal of Psychiatric Research* 45, no. 6 (2011): 727-734; Ojedokun and Balogun, "The Costs of Policing."
- ⁸ Terri Adams, Leigh Anderson, Milanika Turner, and Jonathan Armstrong, "Coping through a Disaster: Lessons from Hurricane Katrina," *Journal of Homeland Security and Emergency Management* 8, no. 1 (2011), <https://doi.org/10.2202/1547-7355.1836>;
- ⁹ Ralf Schwarzer, Rosemarie M. Bowler, and James E. Cone, "Social Integration Buffers Stress in New York Police after the 9/11 Terrorist Attack," *Anxiety, Stress, and Coping* 27, no. 1 (2014): 18-26, <https://doi.org/10.1080/10615806.2013.806652>.
- ¹⁰ Gemma M. Balmer, Julie Ann Pooley, and Lynne Cohen, "Psychological Resilience of Western Australian Police Officers: Relationship between Resilience, Coping Style, Psychological Functioning and Demographics," *Police Practice and Research* 15, no. 4 (2013): 270-282; Adams, et al., "Coping through a Disaster."
- ¹¹ Vanessa A.S. Laureys and Marleen Easton, "Resilience of Public and Private Security Providers: A State-of-the-Art Literature Review," *Policing: An International Journal* 42, no. 2 (2018): 126-140.
- ¹² Charles R. Marmar, Shannon E. McCaslin, Thomas J. Metzler, et al., "Predictors of Post-traumatic Stress in Police and other First Responders," *Annals New York Academy of Sciences* 18, no. 1 (2006), <https://doi.org/10.1196/annals.1364.001>.
- ¹³ Gabriele Prati and Luca Pietrantonio, "Risk and Resilience Factors among Italian Municipal Police Officers Exposed to Critical Incidents," *Journal of Police and Criminal Psychology* 25, no. 1 (2010): 27-33.
- ¹⁴ Laureys and Easton, "Resilience of Public and Private Security Providers."
- ¹⁵ Rachel Evans, Nancy Pistrang, and Jo Billings, "Police Officer's Experiences of Supportive and Unsupportive Social Interactions Following Traumatic Incidents," *European*

устойчивости СП в основном проводятся в англосаксонских странах. Глубокие анализы в европейском контексте встречаются нечасто, особенно когда речь идет о таких серьезных явлениях, как терроризм.

Настоящее исследование направлено на понимание процессов поддержки, которые потенциально способствуют устойчивости. Для изучения и понимания опыта сотрудников полиции, которые находились на службе во время теракта в аэропорту Брюсселя 22 марта используется качественный подход. В частности, это исследование основано на рассмотрении двух вопросов: (1) Каковы применяемые стратегии, используемые СП для того, чтобы справляться с психологическими последствиями террористического нападения 22/3 и (2) Какая формальная и неформальная социальная поддержка на рабочем месте воспринимается как влияющая на устойчивость сотрудников полиции после 22/3?

Теоретические соображения

Определение устойчивости

Поскольку в последние несколько десятилетий концепция устойчивости привлекала внимание в различных академических областях, теоретики пытались разгадать процессы, объясняющие как одни люди преуспевают перед лицом трудностей, в то время как другие с трудом справляются и развивают психологические проблемы.^{16,17} Этот сдвиг в сторону подхода, ориентированного на решение, сосредоточенного на позитивных целях, защитных факторах и адаптивных способностях, также имел место в исследованиях психического здоровья СП, когда они переживают стрессовые ситуации. Несколько исследований предоставляют все больше доказательств того, что СП демонстрируют устойчивое поведение перед лицом трудностей.¹⁸ Однако среди ученых нет единого мнения о том, как концептуализи-

Journal of Psychotraumatology 4, no. 1 (2013), <https://doi.org/10.3402/ejpt.v4i0.19696>.

¹⁶ Ann S. Masten, "Resilience in Children Threatened by Extreme Adversity: Frameworks for Research Practice and Translational Synergy," *Development and Psychopathology* 3, no. 2 (2011): 493-506, <https://doi.org/10.1017/s0954579411000198>.

¹⁷ Steven M. Southwick, George A. Bonanno, Ann S. Masten, Catherine Panter-Brick, and Rachel Yehuda, "Resilience Definitions, Theory and Challenges: Interdisciplinary Perspectives," *European Journal of Psychotraumatology* 5, no. 1 (2014), 25338, <https://doi.org/10.3402/ejpt.v5.25338>.

¹⁸ Bowler, et al., "Longitudinal Mental Health Impact"; Galatzer-Levy, et al., "Peritraumatic and Trait Dissociation Differentiate Police Officers"; Pietrzak, et al., "Trajectories of PTSD Risk and Resilience."

ровать устойчивость.¹⁹ Более того, до сих пор в области исследований, связанных с СП, отсутствует четкое определение устойчивости.²⁰

Основываясь на работе Патона, Виоланти, Смита²¹ и Богертса,²² в этой статье устойчивость определяется как «способность человека использовать индивидуальные, связанные с взаимоотношениями и организационные ресурсы для того, чтобы справляться и приходить в норму или развиваться после конфронтации с потенциально травмирующими событиями и после этого продолжать нормально функционировать».

Концепция преодоления последствий ПТС

Процесс устойчивости облегчается за счет использования стратегий для того, чтобы справляться [копинг].²³ Копинг можно определить, как «стабилизирующий фактор, который может помочь людям поддерживать психологическую адаптацию в стрессовые периоды; он включает в себя когнитивные и поведенческие усилия по уменьшению или устранению стрессовых состояний и связанного с ними эмоционального стресса».²⁴ Преодоление трудностей – это сложный, динамичный процесс, который зависит от взаимодействия человека и окружающей среды. Это означает, что оценка стрессовых ситуаций и стратегии копинга могут меняться со временем и в зависимости от ситуации.²⁵

Есть множество способов справляться с несчастьями. Скиннер и соавторы в своем обзоре выделили 400 способов копинга и более 100 способов категоризации стратегий копинга.²⁶ Отсутствие консенсуса среди ученых в

¹⁹ Gemma Aburn, Meryn Gott, and Karen Hoare, “What is Resilience? An Integrative Review of the Empirical Literature,” *Journal of Advanced Nursing* 72, no. 5 (2016): 980-1000, <https://doi.org/10.1111/jan.12888>.

²⁰ Laureys and Easton, “Resilience of Public and Private Security Providers.”

²¹ Douglas Paton, John M. Violanti, and Leigh M. Smith, *Promoting Capabilities to Manage Posttraumatic Stress: Perspectives on Resilience* (Springfield, IL: Charles C. Thomas, 2003).

²² Stefan Bogaerts, *Literatuuronderzoek naar professionele weerbaarheid bij politiepersoneel* (Tilburg, Netherlands: Tilburg University, 2013).

²³ David Fletcher and Mustafa Sarker, “Psychological Resilience: A Review and Critique of Definitions, Concepts and Theory,” *European Psychologist* 18, no. 1 (2013): 12-23, <https://psycnet.apa.org/doi/10.1027/1016-9040/a000124>; Adams, et al., “Coping through a Disaster.”

²⁴ Charles J. Holahan, Rudolf H. Moos, and Jeanne A. Schaefer, “Coping, Stress Resistance, and Growth: Conceptualizing Adaptive Functioning,” in *Handbook of Coping: Theory, Research, Applications*, ed. Moshe Zeidner and Norman S. Endler (New York: John Wiley, 1996), 24-43, цитата на с. 25.

²⁵ Susan Folkman and Judith Tedlie Moskowitz, “Coping: Pitfalls and Promise,” *Annual Review of Psychology* 55 (2004): 745-774, <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.141456>.

²⁶ Ellen A. Skinner, Kathleen Edge, Jeffrey Altman, and Hayley Sherwood, “Searching for the Structure of Coping: A Review and Critique of Category Systems for Classifying

определении основных категорий копинга затрудняет создание связанного образа конструкта копинг.²⁷ В этом исследовании используется классификация копинга с принятием участия и копинга с отстранением, чтобы выявить стратегии копинга, на которые опираются СП в период после 22/3. Копинг с принятием участия направлен на то, чтобы справиться со стрессором или связанными с ним эмоциями.²⁸ Эти типы стратегий копинга имеют тенденцию смягчать психологический вред, который может быть причинен ПТС.²⁹ Примерами стратегий копинга с принятием участия, которые часто используются СП, являются использование юмора,³⁰ духовного/религиозного копинга,³¹ принятие ситуации³² и обсуждение с коллегами.³³ Однако стратегии копинга с участием не всегда полезны: например, когнитивные стратегии копинга, такие как интроспективное размышление о происшествии или самообвинение, по-видимому, являются факторами риска развития симптомов посттравматического стресса.³⁴

Стратегии избавления от вовлеченности направлены на избежание угроз или связанных с ними эмоций. Обычно они связаны с увеличением проблем с психическим здоровьем, поскольку это ничего не меняет в существовании угрозы и ее возможном воздействии.³⁵ Однако появляется все больше свидетельств того, что в какой-то момент они могут оказаться полезными. В связи с этим эмоциональное дистанцирование или психологическое оцепенение может быть адаптивным механизмом в профессиях с высоким

Ways of Coping," *Psychological Bulletin* 129, no. 2 (2003): 216-269, <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.2.216>.

²⁷ Skinner, et al., "Searching for the Structure of Coping."

²⁸ Charles S. Carver and Jennifer Connor-Smith, "Personality and Coping," *The Annual Review of Psychology* 61 (2010): 679-704.

²⁹ Holahan, Moos, and Schaefer, "Coping, Stress Resistance, and Growth."

³⁰ Evans, Pistrang, and Billings, "Police Officer's Experiences."

³¹ Peres, et al., "Police Officers Under Attack."

³² Allison Crowe, J. Scott Glass, Mandee F. Lancaster, Justin M. Raines, Megan R. Waggy, "A Content Analysis of Psychological Resilience among First Responders and the General Population," *SAGE Open* 1 (2017), <https://doi.org/10.1177/2158244017698530>.

³³ Schwarzer, Bowler, and Cone, "Social Integration Buffers Stress."

³⁴ Leigh S. Blaney, "Beyond 'Knee Jerk' Reaction: CISM as a Health Promotion Construct," *The Irish Journal of Psychology* 30, no. 1 (2009): 37-57; Eric C. Meyer, Rose Zimering, Erin Daly, Jeffrey Knight, Barbara W. Kamholz, and Suzy Bird Gulliver, "Predictors of Posttraumatic Stress Disorder and Other Psychological Symptoms in Trauma-exposed Firefighters," *Psychological Services* 9, no. 1 (2012), <https://doi.org/10.1037/a0026414>.

³⁵ Carver and Connor-Smith, "Personality and Coping"; Holahan, Moos, and Schaefer, "Coping, Stress Resistance, and Growth."

риском.^{36,37} Это позволяет СП «выполнять работу» и оставаться сосредоточенными.³⁸ Такое избегающее поведение может быть временно функциональным, чтобы снизить уровень раннего гипервозбуждения и восстановить контроль над собой и ситуацией.

Однако идея «сделать перерыв» противоречит настойчивым усилиям по защите от негативного аффекта. В долгосрочной перспективе такие стратегии копинга не способствуют психическому здоровью СП.³⁹

Социальная поддержка на рабочем месте как ресурс для копинга

В то время, как стратегии копинга подчеркивают, что люди делают, когда они имеют дело с ПТС, ресурсы копинга относятся к тому, что доступно, чтобы облегчить и повлиять на реакции копинга. Харт и Купер определяют ресурсы копинга, как «любая характеристика человека или окружающей среды, которая может быть использована в процессе копинга».⁴⁰ Люди с расширенным доступом к личным ресурсам и ресурсам окружающей среды с большей вероятностью будут применять стратегии копинга с вовлечением и с меньшей вероятностью будут полагаться на стратегии преодоления вовлеченности.⁴¹ Более высокий уровень ресурсов связан с лучшими психологическими результатами, более активным целенаправленным поведением и лучшими навыками решения проблем в стрессовых ситуациях.⁴²

Это исследование сфокусировано на организационных ресурсах, на которые полагается СП после 22/3, в частности, на социальной поддержке на рабочем месте. Предыдущие исследования показывают, что характеристики организации оказывают явное влияние на то, как СП воспринимают,

³⁶ Karin G. Coifman, George A. Bonanno, Rebecca D. Ray, and James J. Gross, “Does Repressive Coping Promote Resilience? Affective-Autonomic Response Discrepancy during Bereavement,” *Journal of Personality and Social Psychology* 92, no. 4 (2007): 745-758, <https://doi.org/10.1037/0022-3514.92.4.745>.

³⁷ Cheryl Regehr, Gerald Goldberg, and Judy Hughes, “Exposure to Human Tragedy, Empathy and Trauma in Ambulance Paramedics,” *American Journal of Orthopsychiatry* 72, no. 4 (2002): 505-513, <https://doi.org/10.1037/0002-9432.72.4.505>.

³⁸ Crowe, et al., “A Content Analysis of Psychological Resilience.”

³⁹ Miranda Olff, Willie Langeland, and Berthold P.R. Gersons, “Effects of Appraisal and Coping on the Neuroendocrine Response to Extreme Stress,” *Neuroscience and Biobehavioral Reviews* 29 (2005): 457-467, <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2004.12.006>.

⁴⁰ Peter M. Hart and Cary L. Cooper, “Occupational Stress: Toward a More Integrated Framework,” in *Handbook of Industrial, Work and Organizational Psychology*, vol.2 – Organizational Psychology, ed. Neil Anderson, Deniz S. Ones, Handan Kepir Sinangil, and Chockalingam Viswesvaran (London: Sage, 2001), 93–114, цитата на с. 97.

⁴¹ Holahan, Moos, and Schaefer, “Coping, Stress Resistance, and Growth.”

⁴² Stevan E. Hobfoll, “Social and Psychological Resources and Adaptation,” *Review of General Psychology* 6, no. 4 (2002): 307-324, <https://doi.org/10.1037/1089-2680.6.4.307>.

интерпретируют и реагируют на ПТС.^{43,44,45} Было проведено значительное количество исследований роли организационных стрессоров⁴⁶ и их взаимосвязи с проблемами психического здоровья СП. Однако относительно мало исследований было проведено относительно ресурсов, предоставляемых полицейской организацией, и их влиянии на устойчивость СП.⁴⁷ Тем не менее, раскрытие этих ресурсов представляет большой интерес, поскольку они направляют стратегии копинга СП после ПТС.

В этом исследовании подчеркивается социальная поддержка на рабочем месте как организационный ресурс после ПТС. Социальную поддержку на рабочем месте можно определить как «взаимодействие с другими таким образом, чтобы удовлетворить основные социальные потребности человека в присоединении, влиянии, принадлежности, идентичности, безопасности и одобрении».⁴⁸ Социальная поддержка на рабочем месте реализуется во взаимодействии с коллегами, руководителями и организацией как таковой. Ее можно разделить на четыре категории: информационная, эмоциональная, инструментальная и оценочная поддержка.⁴⁹ Первую, информационную поддержку можно определить как советы, рекомендации или предложения, которые человек дает другому в стрессовый период. Вторая,

⁴³ Lynne M. Huddleston, Douglas Paton, and Christine Stephens, "Conceptualizing Traumatic Stress in Police Officers: Preemployment, Critical Incident and Organizational Influences," *Traumatology* 12, no. 3 (2006): 170-177, <https://doi.org/10.1177/1534765606294911>.

⁴⁴ Douglas Paton, John M. Violanti, Karena Burke, and Anne Gehrke, *Traumatic Stress in Police Officers: A Career-length Assessment from Recruitment to Retirement* (Springfield, IL: Charles C. Thomas, 2009).

⁴⁵ John M. Violanti, Luenda E. Charles, Erin McCanlies, Tara A. Hartley, Penelope Baughman, Michael E. Andrew, Desta Fekedulegn, Claudia C. Ma, Anna Mnatsakanova, and Cecil M. Burchfiel, "Police Stressors and Health: A State-of-the-Art Review," *Policing* 40, no. 4 (2017): 642-656.

⁴⁶ См., например, Paula Brough, "Comparing the Influence of Traumatic and Organizational Stressors on the Psychological Health of Police, Fire, and Ambulance Officers," *International Journal of Stress Management* 11, no. 3 (2004): 227-244, <https://doi.org/10.1037/1072-5245.11.3.227>; Jon M. Shane, "Organizational Stressors and Police Performance," *Journal of Criminal Justice* 38, no. 4 (2010): 807-818, <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2010.05.008>; Peter G. van der Velden, Rolf Kleber, Linda Grievink, and Joris C. Yzermans, "Confrontations with Aggression and Mental Health Problems in Police Officers: The Role of Organizational Stressors, Life-events and Previous Mental Health Problems," *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy* 2, no. 2 (2010): 135-144, <https://doi.org/10.1037/a0019158>.

⁴⁷ Hart and Cooper, "Occupational Stress: Toward a More Integrated Framework."

⁴⁸ Miguel Bernabé and Jose Botia, "Resilience as a Mediator in Emotional Social Support's Relationship with Occupational Psychology Health in Firefighters," *Journal of Health Psychology* 21, no. 8 (2016): 1778-1786, цитата на стр. 1779, <https://doi.org/10.1177/1359105314566258>.

⁴⁹ Catherine Penny Hinson Langford, Juanita Bowsher, Joseph P. Maloney, and Patricia P. Lillis, "Social Support: A Conceptual Analysis," *Journal of Advanced Nursing* 25, no. 1 (1997): 95-100, <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.1997.1997025095.x>.

эмоциональная поддержка предполагает заботу, сочувствие и доверие. Третья, инструментальная поддержка – это предоставление материальной помощи, товаров и услуг, таких как обучение, образование и оборудование. Четвертая, оценочная поддержка включает в себя коммуникацию или предоставление информации, имеющей отношение к самооценке.

Метод исследования

Структура исследования

Чтобы ответить на вопросы исследования, использовался метод качественного исследования с триангуляцией нескольких технологий. Сначала был проведен контент-анализ, состоящий из изучения программных документов и отчетов встреч. Во-вторых, были проведены предварительные беседы с одиннадцатью ключевыми фигурами внутри организации, чтобы получить более полное представление о функционировании организации и усилиях, которые она предприняла после 22 марта. В-третьих, в течение 112 часов (в период с октября 2017 г. по декабрь 2017 г.) было проведено частичное наблюдение с целью достижения понимания культуры и структуры организации и для выражения сочувствия СП для завоевания доверия. Наконец, было проведено 31 полуструктурированное углубленное интервью с СП, которые находились на службе в течение 22/3. Такой подход позволил авторам получить углубленное понимание мнений и опыта СП, участвующих в этом исследовании.

Участники и выборка

Авиационная полиция в аэропорту Брюсселя (LPA BruNat) входит в состав Федеральной полиции Бельгии и обеспечивает безопасность в крупнейшем аэропорту Бельгии. На момент исследования это подразделение полиции включало 440 сотрудников, из которых около 200 работали во время и после 22 марта. Точные данные о количестве сотрудников, работавших на 22/3, отсутствуют. Для создания как можно большего количества вариаций и получения информативных случаев применялась теоретическая выборка.^{50,51} Четыре респондента были набраны путем отправки электронной почты всем сотрудникам полиции, и пятнадцать в ходе рассказов об исследовании во время наблюдения участников.

Далее, исследователи полагались на «привратников», чтобы найти больше желающих рассказать о своем опыте 22/3. Это привело к появлению 16 дополнительных респондентов. Собранная выборка включала 24 муж-

⁵⁰ Jaak Billiet and Hans Waeye, eds., *Een samenleving onderzocht. Methoden van sociaal-wetenschappelijk onderzoek* (Antwerpen: De Boeck, 2006).

⁵¹ Tom Decorte and Damian Zaitch, D., *Kwalitatieve methoden en technieken in de criminologie* (Leuven: Acco, 2010).

чин и семь женщин, различающихся по званию, от помощника СП, инспекторов полиции, старших инспекторов до комиссаров. Возраст от 27 до 58 лет, стаж от 4 лет до 41 года.

Процедура

На основе контент-анализа, наблюдения участников и обзора литературы были разработаны содержательные концепции списка тем для проведения углубленных интервью. Однако гибкий и открытый характер интервью позволил респондентам обсудить и другие темы, связанные с исследованием. Интервью проводились в период с декабря 2017 года по апрель 2018 года, из которых двадцать в аэропорту и одиннадцать в доме респондентов или в офисе исследователя. Продолжительность интервью варьировалась от 49 минут до 129 минут.

Менеджмент и анализ данных

Все интервью записывались на средствах аудиозаписи и расшифровывались дословно. Данные были систематизированы, закодированы и проанализированы с помощью программного обеспечения для качественного анализа NVivo. Процесс кодирования был двояким: с одной стороны, использовался дедуктивный подход, основанный на сенсibiliзирующих концепциях списка тем. С другой стороны, новые коды разрабатывались индуктивно, исходя из самих данных.⁵² Наконец, коды были повторно кластеризованы в соответствии с обнаруженными ключевыми категориями, что привело к наиболее важным результатам исследования.

Этические аспекты

Все респонденты подписали форму согласия, в которой изложены их права во время исследования, включая право не отвечать на вопросы и возможность отказаться от интервью в любое время. Все личные данные были конфиденциальными, и вся информация, которая могла привести к идентификации респондентов, была удалена из этой статьи. Было дано этическое одобрение Комитетом по этике Гентского университета и Федеральной полицией Бельгии.

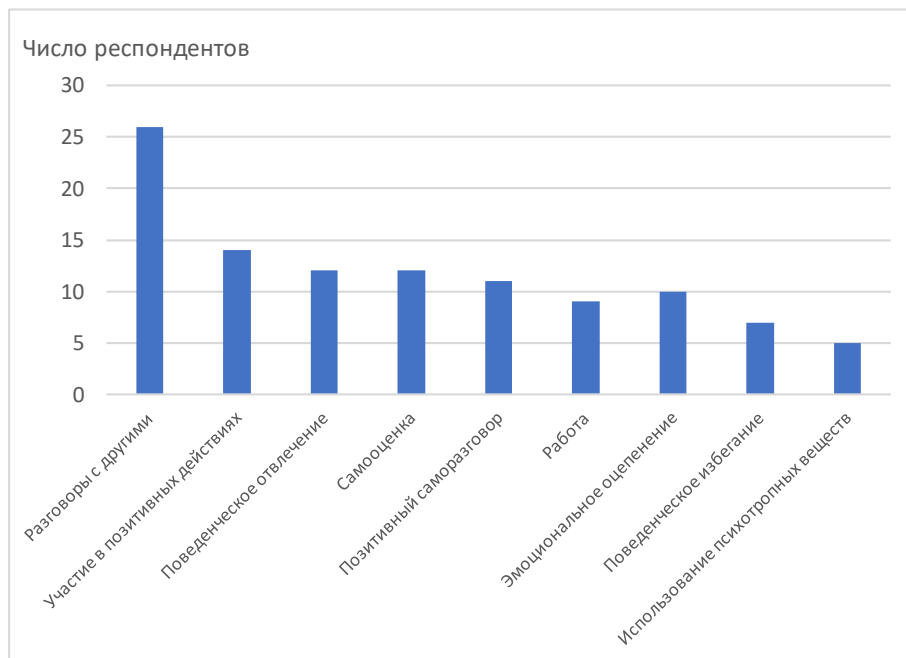
Результаты

Стратегии преодоления последствий трагедии 22/3

В течение всего дня 22/3 почти все респонденты перешли на автопилот, уделяя особое внимание выполнению своей работы. В тот момент не было места для признания собственных эмоций. В этом разделе основное внимание уделяется тому, как СП поступал с переживаниями от 22/3 впоследствии. На

⁵² Dimitri Mortelmans, *Handboek kwalitatieve onderzoeksmethoden* (Leuven: Acco, 2007).

рисунке 1 представлены стратегии копинга, которые рассматривались в ходе интервью. Кроме того, мы обсуждаем влияние 22/3 на личную и профессиональную жизнь вовлеченного СП.

Фигура 1: Стратегии преодоления, применяемые после 22 марта 2016 г.

Стратегии преодоления с участием

Как средство высказать свое мнение об инциденте и/или свои чувства, разговоры с другими были наиболее цитируемой копинг стратегией среди респондентов (см. Фиг. 2). За поддержкой в первую очередь обращаются к коллегам. Во-вторых, отмечается, что после 22/3 критически важно полагаться на партнеров. В безопасности дома респонденты могут показать свою уязвимость и эмоции. С другой стороны, некоторые респонденты стараются не шокировать и не расстраивать своих близких, из-за чего они не хотят делиться подробностями своего опыта. Респонденты, состоявшие в отношениях с другим СП, считали это ценным, потому что это помогало им чувствовать себя свободными говорить откровенно. В-третьих, некоторые респонденты рассчитывали на своих близких друзей в основном для того, чтобы отвлечься от негативных мыслей. В-четвертых, несколько респондентов обратились к профессиональному консультанту вне работы: терапевт воспринимается как человек, которому доверяют, который при необходимости оказывает специализированную помощь. Консультации терапевта — еще один широко используемый источник поддержки: выражение эмоций

терапевту в нейтральной обстановке снижает опасения по поводу риска навредить своей карьере, проявив уязвимость. С другой стороны, некоторые респонденты чувствовали себя ограниченными в том, чтобы делиться своими историями, потому что их терапевт недостаточно хорошо понимал «язык» полицейского мира. Другой трудностью был поиск терапевта, с которым они были бы связаны, или кого-то достаточно квалифицированного в области травматологии. В-пятых, значительное число респондентов полагались на поддержку, организованную на рабочем месте, чтобы выразить свои эмоции или разочарования: пятнадцать респондентов полагались на стресс-бригаду Федеральной полиции,⁵³ а тринадцать СП нашли поддержку у психолога или помощника пострадавших в своем отделении. Наконец, пять респондентов указали, что они, как правило, не разговаривали с коллегами или профессиональным консультантом. Они описывали себя как «закаленные» предыдущим травмирующим опытом на работе и считали, что терапия не приносит им пользы. Они предпочли просто «продолжить работу» или разобраться с инцидентом самостоятельно.

Фигура 2: Источники социальной поддержки в разговоре с другими людьми.

Вторая наиболее часто упоминаемая стратегия преодоления – это позитивные действия, такие как устранение недостатков или проблем, возникших после 22/3, ставя вопрос перед профсоюзом или руководством персонала. Это позволило некоторым респондентам найти положительные сто-

⁵³ Группа психологов и социальных работников, которые оказывают психологическую помощь полицейским, когда они испытывают ПТС во время работы.

роны отрицательного события. Кроме того, ведение записей о переживаниях и чувствах помогла реструктурировать мысли и позволила некоторым респондентам дистанцироваться. Вдобавок воспоминания о нападении, возвращение на место преступления, повторный просмотр видео или проверка фактов вместе с коллегами помогали положить конец этим переживаниям.

В-третьих, часто применяемыми стратегиями преодоления трудностей являются как поведенческое отвлечение, так и самооценка. Занятия расслабляющими видами деятельности, такими как занятия спортом, отдых, медитация или прогулки, помогают выпустить пар и избавиться от спирали негативных мыслей. Сосредоточение внимания на позитивной деятельности генерирует обновленную энергию. При самооценке 22/3 восемь респондентов боролись с чувством самообвинения и вины, считая, что они подвели жертв. Эти негативные идеи уменьшаются за счет признания своих усилий коллегами, начальством или самими жертвами. С другой стороны, четыре других респондента прямо заявили, что чувствуют себя хорошо по поводу своей реакции на 22/3. Они принимали, что сделали все, что в их силах, в пределах своих возможностей и придавали смысл своим действиям заключив, что они внесли положительный вклад в общее дело.

В-четвертых, несколько респондентов назвали позитивный разговор с самим собой эффективной стратегией преодоления. Реалистичный взгляд на ситуацию, напоминание себе, что все могло быть и хуже, и размышления о хороших вещах в жизни укрепляют принятие и позволяют респондентам продолжать свою жизнь.

После этого я посмотрел документальный фильм об 11 сентября. Тогда я подумал, что это было в 1000 раз хуже, но эти ребята тоже пошли дальше.
(R1)

Наконец, продолжение работы оказалось важным для девяти респондентов, особенно для одиноких. Пребывание дома имеет неприятный эффект и вызывает негативные мысли. Работа давала им возможность отвлечься, создавала определенный распорядок дня и возможность обсудить проблемы с коллегами.

Стратегии преодоления с дистанцированием

Регулярно применяемой стратегией преодоления с дистанцированием является эмоциональное оцепенение. Некоторые респонденты сознательно отстраняются от своих чувств и избегают мыслей о значении 22/3, чтобы защитить себя от подавляющих эмоций. Такое дистанцирование позволило им продолжить свою повседневную деятельность. Однако в большинстве случаев эти заблокированные эмоции возникали после конфронтации с определенными триггерами, продолжаясь от нескольких недель до нескольких лет после 22/3. Те, кто не сталкивался с этим, были обеспокоены тем, что рано или поздно «рухнут».

На следующий день после нападения пришел психолог, и я подумал: «Что ты здесь со мной делаешь? Мне это не нужно, я сам справлюсь. Если продолжить работу, это пройдет». Но это было не так. Я мог на несколько месяцев оттолкнуть эти чувства, но потом свет погас. И я полностью рухнул. (R28)

Во-вторых, несколько респондентов упомянули использование поведенческих стратегий избегания, таких как избегание любых новостей о 22/3. Более того, два СП избегали аэропорта после 22/3, а двое других отказались от социальной жизни.

Сообщений об (зло) употреблении психотропных веществ после 22/3 мало. Только один респондент заявил, что вскоре после этого начал сильно пить, как реакцию на сильные эмоции. Четыре других респондента упомянули об использовании успокаивающих или снотворных препаратов в течение короткого периода времени, но указали, что обеспокоены тем, что могут стать зависимыми от них.

Влияние на личную и профессиональную жизнь

События 22/3 оказали влияние на жизнь всех респондентов как в личном, так и в профессиональном плане. Десять респондентов прямо заявили, что 22/3 затронули их сильнее, чем другие ПТС, потому что они имели место в их собственной рабочей среде.

Большая разница в том, что это происходило на нашем собственном рабочем месте. Это делает их более воздействующими. Когда вы идете на место убийства в другом месте, это дальше от вашей личной жизни. Теперь это было на нашей территории. Наши коллеги. Совершенно иначе обстоит дело с коллегой, потерявшим ногу. (R19)

Почти все респонденты указали, что после 22/3 у них появляются симптомы посттравматического стресса, такие как проблемы со сном, физическое истощение, проблемы с концентрацией внимания, беспокойство и повторное переживание нападения. В большинстве случаев эти симптомы исчезали через несколько недель.

Большинство респондентов заявили, что они проявляли повышенную бдительность на работе в первые недели после 22/3, которая со временем исчезла. Однако у пятнадцати респондентов появилась постоянная напряженность в отношении признаков, связанных с терроризмом в аэропорту, что было очень утомительно и тревожно. Кроме того, девять респондентов чувствовали себя небезопасно на работе и пытались избегать определенных мест, таких как зал отлета. Такое же поведение наблюдается в личных ситуациях: пятнадцать респондентов были более осторожными и подозрительными в общественных местах, таких как концертные залы, кинотеатры или торговые центры. Кроме того, девять респондентов признались, что они часто проявляют нечувствительность и недоброжелательность по отношению к своим близким дома, и заявили, что существует четкое различие

между их функционированием до и после 22/3. Для трех респондентов 22/3 стали важным фактором прекращения отношений.

Я всегда говорю... есть твоя жизнь, семья и работа до нападения, и есть жизнь после нападения. (R26)

С другой стороны, события 22/3 стали причиной как для личностного, так и для профессионального роста: половина респондентов отметили, что больше ценят жизнь. Они сосредотачиваются на том, что действительно важно, и наслаждаются обыкновенными вещами в жизни, такими как любовь, смех, товарищеские отношения и пребывание на природе. Кроме того, они рассматривают все в перспективе, проявляют больше сочувствия и больше размышляют о своей работе, что дает им лучшее чувство контроля в других критических ситуациях.

Организационные ресурсы после террористической атаки

Официальная социальная поддержка на рабочем месте

Эмоциональная поддержка. Большинство респондентов остались довольны психологической поддержкой, оказываемой организацией. Пятнадцать респондентов обратились к группе по борьбе со стрессом Федеральной полиции, шестеро обратились к психологу LPA BruNat, а семь респондентов обратились к помощнику для пострадавших LPA BruNat. Индивидуальные контакты с членами стресс-группы были в основном положительными: из-за их знаний о работе полиции, респонденты, как правило, имели с ними хорошие отношения и не стеснялись говорить. Кроме того, высокую оценку получил факт, что они были доступны практически сразу после 22/3, к ним было легко подойти и что они проявили инициативу и часто связывались с СП. Однако через пару месяцев участники стресс-группы ушли из LPA BruNat. Несколько респондентов с отсроченными посттравматическими симптомами имели высокий порог [обращения к другим], и им было стыдно обращаться в стресс-группу самостоятельно. Более того, некоторые респонденты сочли высказывание и демонстрацию своей уязвимости рискованным, поскольку это могло быть передано руководству персонала и отрицательно повлиять на их карьеру. Более того, в дополнение к индивидуальному консультированию, стресс-группа организовала инструктаж для разных команд через несколько дней после нападения. Для некоторых респондентов это вмешательство произошло слишком рано, поскольку они все еще отрицали и отстранялись от своих чувств, чтобы «преодолеть». Другие восприняли это групповое обсуждение как угрозу, потому что они чувствовали себя слишком уязвимыми, чтобы делиться своими эмоциями публично.

Инструментальная поддержка. В ходе интервью обсуждались три темы инструментальной поддержки, предоставляемой организацией, а именно подведение итогов, административная поддержка и обучение/образование.

Через два месяца после 22/3 Федеральное управление авиационной полиции организовало анализ для всех членов LPA BruNat, который, по мнению респондентов, вызвал ряд проблем. Во-первых, не все знали об этом мероприятии и могли его посетить. Во-вторых, присутствовавшие респонденты напоминают, что анализ был просто монологом для большой группы СП. У них было сильное желание провести оперативный анализ исключительно с СП, которые работали 22/3. Это дало бы возможность для открытого диалога и устранило бы основные недоразумения между СП по поводу участия каждого 22 марта. Двумя годами позже новое руководство персонала организовало для СП, работавших 22/3, анализ, объяснив административные процедуры и показав видеозаписи нападения, дав им возможность рассказать о своем опыте. Хотя это произошло поздно, несколько респондентов были благодарны за эту инициативу.

Впоследствии вы понимаете, что пропускаете определенные части этого дня, и хотите знать, что именно произошло в итоге. (R15)

В дополнение к эмоциональному воздействию, события 22/3 повлекли за собой административные и судебные последствия для участвовавших в операции СП. Двадцать респондентов заявили, что получили физические или психологические травмы. Некоторые из них зарегистрировались в статусе «жертв терроризма» и/или подали гражданскую жалобу. Эти регистрации считаются важными для получения подтверждения и закрытия проблемы. Респонденты сообщили, что административная поддержка организации была недостаточной. Отсутствовало руководство, а информация предоставлялась в неструктурированной и фрагментарной форме. По этой причине восемь респондентов не начали или не продолжили административную/судебную процедуру. Респонденты предлагают назначить в организации центральное контактное лицо для координации и ведения начатых досье.

Вы должны были выяснять это сами. Они не направляли вас в этом процессе. Нет, вы должны были проявить инициативу самостоятельно. Вот почему я так долго ждал, чтобы продолжить. Вы не знаете, с чего начать. (R26)

Процедура очень сложная. Вот почему я положил все это в измельчитель. Вы можете продолжать вечно. (R4)

При самооценке 22/3 почти все респонденты считают себя недостаточно подготовленными, чтобы справляться с подобной ситуацией. Однако они не уверены, что специальная подготовка гарантирует правильные действия в экстремальных ситуациях. Респонденты испытывают острую потребность в регулярных тренировках и упражнениях в «повседневной» работе полиции. Это позволяет им развивать свои профессиональные навыки и уверенно работать в сложных условиях.

Во время интервью большинство респондентов подчеркивали, что физическая подготовка помогает справиться с невзгодами. Ни один из респондентов не слышал о существовании программ психологической подготовки и повышения устойчивости. Тем не менее, был заявлен очень большой интерес к посещению таких тренингов. Несмотря на их положительную реакцию, четыре респондента также были настроены скептически: они считали, что преобладающая мачо культура будет препятствовать реализации программ повышения устойчивости в полиции.

Думаю, это было бы очень полезно, но никогда о таком не слышал. И я думаю, что многие коллеги были бы слишком гордыми или слишком жесткими, чтобы захотеть пройти такие курсы. «Давай, не будь дураком, ты должен быть мужиком; это наша работа». Я с этим не согласен. (R8)

Оценочная поддержка. Хотя оценочная поддержка со стороны руководства персонала и полиции в целом считается необходимой (например, путем написания благоприятного доклада или вручения медали за заслуги), респонденты вспоминают, что получили недостаточное официальное признание своих усилий. Более того, у них сложилось впечатление, что руководство персонала не знало о влиянии 22/3 на сотрудников. Такие заявления как «Драма еще не закончилась? Прошло два года» (R11) или «Вы все еще не преодолели это спустя два года? Вы ведь не пострадали?» (R18) воспринимаются как оскорбительные. Непризнание их работы или психологического ущерба привели к гневу, разочарованию и демотивации у нескольких респондентов. В этом отношении один респондент упомянул «вторичную виктимизацию».

Неофициальная социальная поддержка на рабочем месте

Коллеги

Информационная поддержка. Учитывая восприятие отсутствия административной поддержки со стороны полиции, большинство респондентов узнали как справляться с административными и судебными процедурами, и поделились этой информацией со своими коллегами. Кроме того, СП информировали друг друга, рекомендуя определенных врачей, терапевтов или юристов.

Эмоциональная поддержка. Как уже упоминалось выше, большинство респондентов обратились за поддержкой к своим коллегам после 22/3. Примечательно, что они в основном говорят о своих разочарованиях по поводу 22/3 и меньше о личных эмоциях. В этом отношении восемнадцать респондентов сослались на господствующую «мачо» культуру на рабочем месте, где проявление признаков уязвимости воспринимается как слабость. Поэтому они осторожно делились своими мыслями и чувствами с коллегами, что затрудняет преодоление последствий 22/3. Некоторые респонденты рассказали, что когда они выражали свои эмоции, другие коллеги смеялись над ними и осуждали за слабость.

Хорошо, мачо культура в полиции всегда была и всегда будет. Особенно после нападения у меня сложилось впечатление, что вы не можете показывать слабость. Эта форма «социального контроля» настолько сильна, что влияет на вас. Что вы боитесь сказать: «Мне тяжело» или «Я плохо сплю». ... Нет, в полиции на такие жалобы не обращают внимания, наоборот. (R29)

С другой стороны, тринадцать респондентов нашли эмоциональную поддержку у коллег, с которыми они были связаны на более глубоком уровне и/или которые испытали те же невзгоды. Возможность делиться своими эмоциями в безопасной, принимающей среде ценится высоко и воспринимается как решающий фактор в решении проблемы 22/3.

Наконец, тринадцать респондентов сообщили, что поддержка выразилась в том, что они встречались друг с другом, отправляли текстовые сообщения или звонили по телефону, чтобы проверить, все ли в порядке с коллегами. Такое проявление внимания оценивалось высоко.

Оценочная поддержка. Признание коллег за усилия, предпринятые во время 22/3, кажется еще одним важным аспектом, чтобы успешно справиться с инцидентом. Получение «похлопывания по плечу» или простого «хорошая работа» давало респондентам чувство удовлетворения и повышало их уверенность в себе. С другой стороны, несколько респондентов отметили нечувствительность некоторых коллег к психосоматическим проблемам после 22/3, особенно когда жалобы продолжались в течение более длительного периода времени. Такие реакции, как «вы еще не преодолели это?» или обвинение в злоупотреблении системой здравоохранения приводили к одиночеству, разочарованию и, в конечном итоге, к трудному преодолению последствий 22/3.

Начальники

Информационная поддержка. Большинство респондентов считают, что информационная поддержка со стороны руководителей была ограниченной. В этом отношении опрошенные главные инспекторы и комиссары заявили, что они пытались поддержать членов своей группы, основываясь на своем личном опыте. Они замечали симптомы дистресса у коллег и советовали им обратиться к врачу или терапевту. Отсутствие информации о том, как помочь членам команды в решении административных или юридических вопросов, расстраивало их.

Эмоциональная поддержка. Мнения расходятся относительно степени эмоциональной поддержки, оказываемой руководителями. Семь респондентов заявили, что их руководители проявляли эмоциональную причастность, регулярно спрашивая, как они себя чувствуют, и подчеркивая, что они готовы поговорить. Чуткий руководитель с хорошими лидерскими качествами определяется как решающий фактор поддержки после 22/3. Респонденты называют хорошего лидера решительным, понимающим, сострадательным и корректным. Руководители с такими качествами позволяют респондентам чувствовать себя более уверенно в своих профессиональных

навыках, особенно в условиях кризиса. Более того, такие лидеры поддерживают атмосферу доверия, в которой члены команды могут быть самими собой.

С другой стороны, тринадцать респондентов заявили, что их начальник совершенно не заботился об их мыслях и чувствах. Это отсутствие поддержки порождает чувство разочарования и заброшенности со стороны полиции.

22 марта мы помогли людям, и в тот день, когда вам нужна помощь, вы остаетесь в одиночестве. До сегодняшнего дня, два года спустя, я ждал телефонного звонка от нашего начальника, который спросил бы меня, как я. Я еще не дождался его. (R28)

Шесть респондентов на руководящей должности выразили свою сильное чувство ответственности за благополучие членов своей команды после 22/3. Они были обеспокоены, когда заметили, что у их коллег возникали трудности, и пытались быть для них доступными. Тем не менее, три супервизора сочли это обременительным, поскольку им пришлось справляться со своими собственными травмами от 22/3.

В этот момент вы слишком заняты собой, чтобы самим справиться с этим. ... Сначала мне пришлось справиться со своими эмоциями, прежде чем я смог обратить внимание на сигналы страдания от членов моей команды. (R26)

Инструментальная поддержка. Несколько респондентов отметили, что их непосредственный руководитель удовлетворял такие их практические потребности после 22/3, как изменение содержания работы или корректировка графика работы, чтобы пойти к врачу. Тем не менее, пять респондентов жаловались, что руководство персонала проигнорировало их желание сменить рабочее место, на котором они были во время 22/3. Это привело к демотивации и повышению уровня абсентизма. Однако нынешнее руководство персоналом удовлетворяло такие просьбы, что воспринималось как лекарство для их травм.

Оценочная поддержка. Почти все респонденты подчеркнули важность получения признания со стороны своего руководителя после 22/3. Это повышает их уверенность в себе и сохраняет мотивацию во время трудностей. Тем не менее, лишь небольшая часть начальства выразила свою признательность за усилия, предпринятые 22 марта. Респонденты заявили, что это неотъемлемая часть полицейской культуры, где хорошая работа часто считается само собой разумеющимся.

Обсуждение

Целями этой статьи были (а) изучить стратегии преодоления последствий для СП после террористического нападения 22/3 и (б) изучить (не) формальную социальную поддержку на рабочем месте, которая воспринимается как оказывающая влияние на устойчивость СП.

Следуя первой цели, анализ данных показал, что опрошенные СП в первую очередь применяют стратегии преодоления с участием после 22/3, из которых наиболее часто упоминаемой является разговаривать с другими. Это согласуется с результатами предыдущих исследований, которые показали, что способность обсуждать и выражать чувства для нормализации переживаний после ПТС является важным ресурсом для людей на первой линии реакции.^{54,55,56,57} Кроме поддержки со стороны коллег, для СП решающую роль в процессе преодоления последствий играют партнеры в личной жизни. Полицейская организация должна прилагать усилия для усиления и укрепления этого ресурса путем создания партнерских отношений с семьями и организовать, например, семейные дни или группы поддержки.

Другими часто используемыми стратегиями преодоления, выявленные в этом исследовании, включают поведенческое отвлечение, участие в позитивных действиях, самооценка, позитивный разговор с самим собой и эмоциональное оцепенение. Что касается последней стратегии, полицейским органам следует учитывать тот факт, что у некоторых СП развиваются отсроченные посттравматические симптомы.

Интересно, что религиозная вера/духовность как стратегия преодоления, в бельгийском контексте почти не упоминается, что контрастирует с предыдущими исследованиями.^{58,59,60} Это также касается использования (черного) юмора.⁶¹ Хотя юмор признан фундаментальной частью полицейской культуры, в данном случае он воспринимается как несоответствующий из-за серьезности 22/3.

⁵⁴ Adams, et al., "Coping through a Disaster."

⁵⁵ Leigh Blaney and Vivienne Brunsden, "Resilience and Health Promotion in High-risk Professions: A Pilot Study of Firefighters in Canada and the United Kingdom," *The International Journal of Interdisciplinary Organizational Studies* 10, no. 2 (2015): 23-32.

⁵⁶ David N. Sattler, Bill Boyd, and Julie Kirsch, "Trauma-exposed Firefighters: Relationships Among Posttraumatic Growth, Posttraumatic Stress, Resource Availability, Coping and Critical Incident Stress Debriefing Experience," *Stress and Health* 30, no. 5 (2014): 356-365, <https://doi.org/10.1002/smi.2608>.

⁵⁷ Paul M. Young, Sarah Partington, Mark A. Wetherell, Alan StClair Gibson, and Elizabeth Partington, "Stressors and Coping Strategies of UK firefighters during on-duty incidents," *Stress and Health* 30, no. 5 (2014): 366-376.

⁵⁸ Adams, et al., "Coping through a Disaster."

⁵⁹ Roger A. Boothroyd, Shawna Green, and Anne Dougherty, "Evaluation of Operation Restore: A Brief Intervention for First Responders Exposed to Traumatic Events," *Traumatology* 25, no. 3 (2018): 162-171, <https://doi.org/10.1037/trm0000168>.

⁶⁰ Nina Ogińska-Bulik, "Negative and Positive Effects of Traumatic Experiences in a Group of Emergency Service Workers – The Role of Personal and Social Resources," *Medycyna Pracy* 64, no. 4 (2013): 463-472, <https://doi.org/10.13075/mp.5893.2013.0048>.

⁶¹ Crowe, et al., "A Content Analysis of Psychological Resilience"; Evans, Pistrang, and Billings, "Police Officer's Experiences."

Кроме того, это исследование обнаружило, что значительное число СП демонстрирует посттравматический рост после 22/3. Этот вывод согласуется с предыдущими исследованиями, которые показали, что посттравматический рост является относительно частым исходом у СП после ПТС.^{62,63}

Следуя второй цели исследования, наши результаты показали, что социальная поддержка на рабочем месте играет значительную роль в повышении устойчивости СП после ПТС. Являясь критически важной для вовлеченного сотрудника полиции в процессе преодоления последствий, поддержка на рабочем месте признается полицейской организацией решающей в плане усилий, предпринятых 22 марта, и преодоления психологического вреда после этого. Это важно как на официальном уровне – со стороны руководства персонала, так и на неформальном уровне – со стороны коллег и непосредственных начальников. Она вызывает чувство удовлетворения, повышает уверенность в себе и поддерживает мотивацию СП во время трудностей. Тем не менее, комплименты или выражения признательности – редкость в полицейской культуре, где хорошая работа часто считается само собой разумеющейся. Игнорирование влияния 22/3 на вовлеченный СП провоцирует гнев, разочарование, чувство покинутости и демотивацию.

Кроме того, это исследование демонстрирует важность неформальной эмоциональной поддержки на рабочем месте. Хотя СП в первую очередь обращались к коллегам, чтобы они высказали свое мнение после нападения 22/3, они выражали скорее свое разочарование, а не эмоции. В этом отношении обращается внимание на преобладающую «мачо культуру», при которой откровенное обсуждение страхов и проявление признаков уязвимости может быть воспринято как слабость и, в конечном итоге, пагубно сказаться на репутации СП. Существует острая необходимость в открытой, непредвзятой атмосфере на рабочем месте, которая дает возможность для нормального обмена эмоциями и побуждает коллег проявлять осторожность в отношении признаков психологического стресса. В этом отношении важную роль в создании атмосферы доверия, в которой можно открыто обсуждать проблемы и эмоции, играют склонные к оказанию поддержки непосредственные начальники.

Что касается официальной социальной поддержки на рабочем месте, это исследование подчеркивает ценность хорошо организованного и легкодоступного последующего психологического ухода за участвовавшими СП.

⁶² Erin C. McCanlies, Anna Mnatsakanova, Michael E. Andrew, Cecil M. Burchfiel, and John M. Violanti, "Positive Psychological Factors are Associated with Lower PTSD Symptoms among Police Officers: Post Hurricane Katrina," *Stress and Health* 30, no. 5 (2014): 405–415, <https://doi.org/10.1002/smi.2615>.

⁶³ Jane Shakespeare-Finch, Ian Shochet, Colette Roos, Cameron Craig, Deanne Maree Armstrong, Ross Young, and Astrid Wurfl, "Promoting Posttraumatic Growth in Police Recruits: Preliminary Results of a Randomised Controlled Resilience Intervention Trial," Australian and New Zealand Disaster and Emergency Management Conference: Book of Proceedings, 2014, Association for Sustainability in Business Inc., Australia, https://anzdmc.com.au/archive/BOP_PR14.pdf.

В случае LPA BruNat опыт работы с членами стресс-команды был в основном положительным. Однако, хотя большинство респондентов хорошо общались с ними и не стеснялись говорить на индивидуальных консультациях, некоторые с подозрением относились к использованию этого официального ресурса, поскольку он мог быть способом выявления «слабости» СП, что может быть вредным для карьерного развития.

Кроме того, важным ресурсом для решения проблемы 22/3 было объявлено правильное подведение итогов. Этот инструмент помогает восстановить ход событий 22/3, чтобы восстановить воспоминания некоторых СП и избежать недопонимания между коллегами. Тем не менее, были высказаны смешанные мнения о сроках такого опроса, о том, должен ли он быть обязательным или нет, и о том, кому разрешено присутствовать на нем. В целом, подведение итогов следует проводить в психологически безопасной обстановке, с возможностью для открытого диалога.

Далее, несколько причастных к этому СП были физически и/или психологически травмированы в результате 22/3, что повлекло за собой некоторые административные и судебные последствия. Признание правительством сотрудников полиции «жертвами террора» или возможность активно участвовать в судебном процессе указывается как важный источник для преодоления последствий 22/3. СП требуют инструментальной поддержки со стороны полиции в этом вопросе и рекомендуют создание центральной службы для координации и отслеживания заведенных дел. Это предложение согласуется с выводами парламентской комиссии по расследованию террористических атак, созданной 22 апреля 2016 года в ответ на 22/3.

И наконец, это исследование показало, что СП не признают важность физической подготовки для подготовки к экстремальным инцидентам, поскольку они считают, что это не гарантирует надлежащую реакцию, когда дело доходит до реального инцидента. Однако существует острая необходимость в обучении и подготовке к ежедневной работе полиции. Поскольку устойчивость – это обучаемый, динамичный процесс, который меняется в контексте взаимодействия человека с окружающей средой,⁶⁴ полицейские организации могут взять на себя обязательство инициировать образовательные и учебные программы, которые прививают СП физические и психологические навыки, способствующие повышению устойчивости.⁶⁵

В заключение, это исследование дает представление о передовых методах работы полицейской организации, которые помогут ее сотрудникам справляться с ПТС. Это приводит к лучшему пониманию того, как повысить устойчивость СП и эффективность их работы. В этом отношении организациям следует инвестировать в обеспечение своих сотрудников наилучшими

⁶⁴ Laureys and Easton, “Resilience of Public and Private Security Providers.”

⁶⁵ Nneoma Gift Onyedire, Afamefuna Theophilus Ekoh, JohnBosco Chika Chukwuorji, and Chuka Mike Ifeagwazi, “Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Symptoms among Firefighters: Roles of Resilience and Locus of Control,” *Journal of Workplace Behavioral Health* 32, no. 4 (2017): 227-248.

ресурсами, сосредоточив внимание на трех уровнях: (а) индивидуальных СП (например, программы обучения), (б) сама организация (например, реструктуризация) и (в) индивидуально-организационный интерфейс (например, общение, участие).⁶⁶ Эта тройная направленность создает платформу для более совершенных политики, процедур и культуры, повышающих устойчивость.⁶⁷

Ограничения и будущие исследования

Это исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, результаты этого качественного исследования конкретного случая не могут быть обобщены для всего полицейского контингента. Тем не менее, это исследование дало глубокое понимание уникального травмирующего события, которое еще не было изучено. Во-вторых, хотя респонденты казались откровенными в рассказах о своем опыте, в результатах необходимо учитывать, что возможно, они давали социально желательные ответы. В-третьих, интервью проводились примерно через два года после 22/3, что увеличивает риск смещения ретроспективного воспоминания. Тем не менее, это также можно интерпретировать как преимущество, учитывая замедленное проявление проблем психического здоровья некоторых СП.

Поскольку устойчивость – это динамичный процесс, будущие разработки выигрывают от индивидуальных исследований, которые предоставят больше информации об эволюции стратегий преодоления во время и после ПТС. Кроме того, будет интересен подход с использованием смешанных методов для изучения устойчивости СП во время их повседневных оперативных задач или подход, учитывающий влияние полицейской культуры на применение стратегий преодоления. Более того, поскольку организационные факторы стресса, такие как бюрократия, автономия, менеджмент и коммуникация, могут быть большим источником стресса для СП, изучение факторов «рабочего контекста», связанных с устойчивостью СП, в целом, является интересным направлением для будущих исследований.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами авторов и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

⁶⁶ Richard S. DeFrank and Cary L. Cooper, "Worksite Stress Management Interventions: Their Effectiveness and Conceptualisation," in *From Stress to Wellbeing*, ed. Cary L. Cooper, vol. 2 (London: Palgrave Macmillan, 2013): 3–13, https://doi.org/10.1057/9781137309341_1.

⁶⁷ Karena Jane Burke and Douglas Paton, "Well-being in Protective Services Personnel: Organisational Influences," *Australasian Journal of Disaster and Trauma Studies* 2, no. 2 (2006): 1-13.

Об авторах

Марлин Истон – профессор и председатель исследовательской группы «Управление и политическая безопасность» (GaPS) на факультете государственного управления и менеджмента Университета Гента. Она имеет более чем двадцатилетний опыт проведения в основном качественных, эмпирических исследований по вопросам, связанным с полицейской деятельностью и безопасностью, которые включают процессы (де) милитаризации, работу полиции с общественностью, радикализацию, полицейские (ре) организации, культуру полиции, участие граждан, инновации в полицейской деятельности и связь между полицейской службой и наукой. Она сочетает научную деятельность с активной ролью члена правления Бельгийского центра полиции и безопасности, где стимулируется взаимодействие между исследователями и практиками. Ее текущее исследование сосредоточено на управлении безопасностью применительно к событиям и потокам данных, а также инновациям, связанным с технологиями и безопасностью. С 2017 года она является адъюнкт-профессором в Институте криминологии Гриффита, где участвует в инициативе Развивающаяся безопасность (Evolving Security Initiative) и управляет центром ESI в Генте (ESI @ GNE), уделяя особое внимание управлению безопасностью в отношении потоков данных. С 2014 года она является президентом Инновационного центра безопасности (IUNGOS) в Бельгии. В сотрудничестве с частными компаниями, государственным сектором и научными учреждениями IUNGOS разрабатывает инновационные проекты в области технологий и безопасности.
E-mail: Marleen.Easton@ugent.be

Ванесса Лаурис, магистр криминологии, поступила на службу в полицию в 2004 году. Она работала в местной полиции Синт-Никлааса в патрульно-постовой службе, отвечая на звонки в службе экстренной помощи. С 2016 по 2020 год она была научным сотрудником в Департаменте государственного управления и менеджмента в Гентском университете, где изучала устойчивость людей, которые первыми участвовали в оказании помощи после критических инцидентов. В 2020 году она вернулась к своим корням в качестве сотрудника полиции.

Эволюция концепции устойчивости: мягкие меры для менеджмента рисков наводнений в Японии

Микио Ишиватари

Токийский университет, <https://www.k.u-tokyo.ac.jp/>

Резюме: Концепция устойчивости развивается, чтобы учесть различные изменения климата, социально-экономической ситуации, технологий и т.д. В этой статье анализируются области, влияющие на устойчивость, путем рассмотрения изменений политики управления рисками наводнений, особенно мягких мер, в Японии. Япония на протяжении всей своей истории справлялась со стихийными бедствиями и преуспела в сокращении ущерба от наводнений. В частности, государство инвестировало в инфраструктуру защиты от наводнений на уровне 1 % национального дохода за последние полвека и, таким образом, смогло защитить крупные города от наводнений крупными реками. Хотя основные реки хорошо защищены, районы риска, прилегающие к небольшим рекам и холмистые местности, по-прежнему подвержены повторяющимся наводнениям. С 2000-х годов в стране расширяется использование таких мягких мер, как картографирование опасностей, раннее предупреждение и развитие эвакуации для защиты жизней людей. В статье рассматриваются развивающиеся процессы использования мягких мер путем пересмотра закона о борьбе с наводнениями. Было обнаружено, что концепция устойчивости в плане мягких мер развивается в соответствии с различными изменениями, такими как финансовые ограничения, сокращение инвестиций в инфраструктуру, старение населения, урбанизация, развитие технологий и климат. Основываясь на уроках развивающейся концепции устойчивости, автор рекомендует развивающимся странам внедрять мягкие меры с учетом различных изменений социально-экономических и природных условий и инвестировать в инфраструктуру.

Ключевые слова: защита от наводнений, Япония, инвестиции, инфраструктура, борьба с наводнениями, картографирование рисков.

Введение

Концепция устойчивости развивается с учетом различных изменений климата, социально-экономических, технологических и других факторов. Каждая страна пытается повысить свою устойчивость к бедствиям в соответствии с местными условиями.

Япония имеет богатый исторический опыт управления рисками наводнений. Страна увеличила инвестиции в инфраструктуру защиты от наводнений и сумела уменьшить ущерб. Страна также не раз пересматривала закон о борьбе с наводнениями, чтобы отреагировать на возникающие потребности в мягких мерах, таких как планирование эвакуации, обмен информацией и картографирование опасностей.

Эта статья направлена на анализ областей, которые влияют на развитие устойчивости, путем обзора изменений политики управления рисками наводнений в Японии, особенно мягких мер. Кроме того, она предоставляет другим странам рекомендации по политике менеджмента рисков наводнений, основанные на собственных выводах и извлеченных уроках.

Концепция устойчивости в Японии

Управление Организации Объединенных Наций по снижению риска бедствий¹ определяет устойчивость как «способность системы, сообщества или общества, подверженного опасностям, противостоять, абсорбировать, приспосабливаться, адаптироваться, трансформироваться и восстанавливаться после последствий опасности своевременно и эффективно, в том числе путем сохранения и восстановления его основных базовых структур и функций посредством управления рисками». Для повышения устойчивости необходимы координирующие институты, выявление и снижение рисков, готовность, финансовая и социальная защита и устойчивое восстановление.² Сиодзаки и Като³ утверждают, что инженерная устойчивость имеет решающее значение для быстрого восстановления и что менеджмент рисков в городских системах можно осуществлять путем идентификации восстановительных воздействий.

Правительство Японии осуществляет инициативы по укреплению национальной устойчивости с целью создания безопасных и надежных национальных земель, регионов и экономического общества, обладающих силой

¹ United Nations Office for Disaster Risk Reduction (UNDRR), “Terminology,” <https://www.undrr.org/terminology>.

² World Bank, *Building Resilience: Integrating Climate and Disaster Risk into Development* (Washington, DC: World Bank, 2013), <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16639>.

³ Yuto Shiozaki and Takaaki Kato, “Definitions of Resilience and Vulnerability in Natural Disaster Research and Related Fields,” *Seisan Kenkyu* 64, no. 4 (2012): 643-646, <https://doi.org/10.1118/seisankenkyu.64.643>. – на японском.

и гибкостью, даже в случае каких-либо стихийных бедствий.⁴ Основные цели: (а) предотвратить человеческие жертвы, (б) избежать непоправимого ущерба важным функциям для поддержания административных, а также социальных и экономических систем, (в) уменьшить ущерб собственности граждан и общественных объектов и (г) добиться быстрого восстановления и реконструкции. Правительство планировало инвестировать 7 триллионов йен, около 64 миллиардов долларов США в развитие инфраструктуры для снижения риска бедствий с 2018 по 2020 годы. Правительство использует «устойчивость» как концепцию минимизации ущерба от кризиса, реализации быстрого восстановления и построения устойчивых и одинаково удобных для всех городов. Однако эксперты и исследователи используют термин «устойчивость» в разных значениях, и единой теории устойчивости к стихийным бедствиям не существует.⁵

В ходе исследований изучалось как различные секторы способствуют повышению устойчивости общества в Японии. Исаяма и Шоу⁶ утверждают, что сети сообществ, создаваемые в результате повседневной деятельности организациями социального обеспечения, медицинскими организациями и местными органами власти, способствуют укреплению устойчивости местных сообществ. Программа строительства общин, сконцентрированная вокруг школ, поддерживаемая министерством образования, восстанавливает устойчивость сообщества после Большого землетрясения и цунами в Восточной Японии в 2011 году. Школы становятся многофункциональными объектами, поддерживающими менеджмент ситуации при стихийных бедствиях, привлекая местные сообщества к управлению школами и участию в образовательные мероприятия.⁷ Социальная деятельность в местных сообществах, такая как фестивали, религиозные мероприятия и спортивные мероприятия, укрепляет отношения в сообществах, что ведет к повышению устойчивости сообществ.⁸ Однако имеющиеся литературные источники не

⁴ Cabinet Secretariat, “Building National Resilience – Creating a Strong and Flexible Country” (Tokyo: Cabinet Secretariat), https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/kokudo_kyoudjinka/index_en.html.

⁵ Ryoga Ishihara, “Formation and Development of ‘Disaster Resilience Theory’ in Japan,” in *Depopulation, Deindustrialisation and Disasters*, ed. Katsutaka Shiraiishi and Nobutaka Matoba (Cham: Palgrave Macmillan, June 2019), 253-273, https://doi.org/10.1007/978-3-030-14475-3_13.

⁶ Kenji Isayama and Rajib Shaw, “Building Disaster Resilient Community Through Healthcare Networking,” in *Community Practices for Disaster Risk Reduction in Japan*, Disaster Risk Reduction: Methods, Approaches and Practices Series, ed. Rajib Shaw (Tokyo: Springer Japan, 2014), 91-120.

⁷ Shohei Matsuura and Rajib Shaw, “Concepts and Approaches of School Centered Disaster Resilient Communities,” in *Community Practices for Disaster Risk Reduction*, 63-89.

⁸ Miwa Abe and Rajib Shaw, “Community Resilience After Chuetsu Earthquake in 2004: Extinction or Relocation?” in *Community Practices for Disaster Risk Reduction*, 191-208.

охватывают эволюцию концепций устойчивости при управлении рисками наводнений в Японии.

Исторический обзор уменьшения риска бедствий в Японии

Япония боролась со стихийными бедствиями на протяжении всей своей долгой истории и создала культуру снижения риска стихийных бедствий.⁹ Император приказал построить насыпи вдоль реки Йодогава для защиты равнины Осаки еще в 4 веке. В средние века и в ранний современный период центральные администрации сегуната Бакуфу и Императора, а также Даймё, земельные феодалы строили сооружения для защиты стратегических районов замков и крупных городов от наводнений, используя местные знания и материалы. Кроме того, в борьбе с наводнениями участвовали местные жители, чтобы защитить себя и свое имущество. В 19 веке модернизированное правительство Мэйдзи ввело западную технологию защиты от наводнений из Нидерландов и других западных стран и начало строительство крупномасштабных сооружений для защиты сельскохозяйственных земель и городов от наводнений.

Японии удалось уменьшить ущерб от наводнений за счет инвестиций в инфраструктуру для защиты от наводнений. В 1940-х и 1950-х годах произошла серия наводнений, которые привели к значительным человеческим жертвам и экономическому ущербу. Ущерб, нанесенный экономике, достиг 10 % национального дохода в 1947 году, а в 1959 году погибло более 5 000 человек. Это связано с тем, что правительство не могло выделить достаточно средств на защиту от наводнений из-за военной экспансии и войн в 1930-х и 40-х годах.¹⁰ Государство инвестировало в инфраструктуру для защиты от наводнений на уровне примерно 1 % национального дохода с 1940-х по 1990-е годы. В середине 1990-х годов Цукахара и Качи¹¹ оценили годовой доход от этих инвестиций в более чем 6 триллионов йен, или 55 миллиардов долларов США, что почти вдвое превышает объем инвестиций. Число погибших снизилось до менее 300 в 1990-х годах, а экономический ущерб снизился до менее 0,3 % национального дохода (Фиг. 1).

⁹ Satoru Nishikawa, "From Yokohama Strategy to Hyogo Framework: Sharing the Japanese Experience of Disaster Risk Management," *Asian Journal of Environment and Disaster Management* 2, no. 3 (2010): 249-262, <https://doi.org/10.3850/S1793924011000459>.

¹⁰ Mikio Ishiwatari and Kenichi Tsukahara, "Technical Note on the Estimation of Infrastructure Demand for Flood Control," in Bridging the Infrastructure Gap in Asia, ADB-JICA Joint Side Event at the 50th Annual Meeting of the ADB Board of Governors" (Yokohama, 2017), https://www.jica.go.jp/jica-ri/publication/other/175nbg00000wej43-att/5_JICA_Technical_Notes_DRR.pdf.

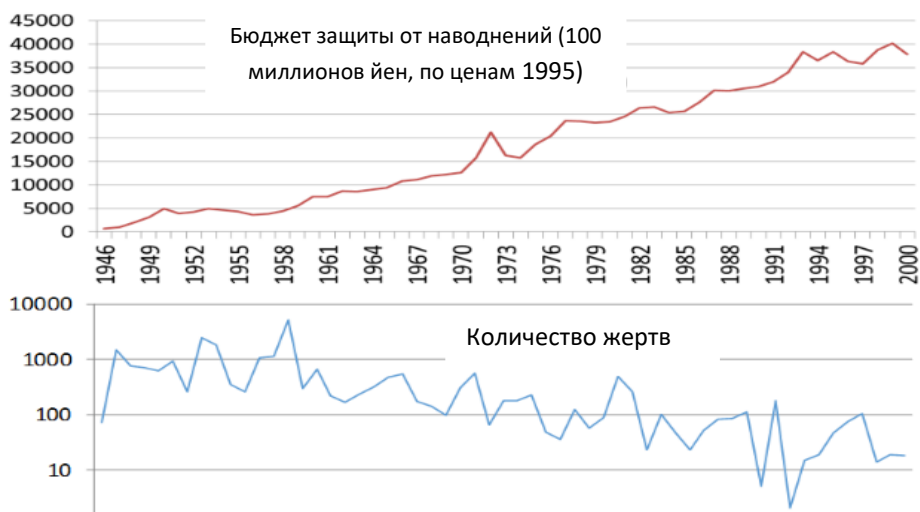
¹¹ Kenichi Tsukahara and Noriyasu Kachi, "Using Data and Statistics to Explain Investment Effectiveness on Flood Protection," *Journal of Disaster Research* 11, no. 6 (2016): 1238-1243, <https://doi.org/10.20965/jdr.2016.p1238>.

Япония может предотвращать почти все наводнения на крупных реках благодаря инвестициям в инфраструктуру в течение полвека. Однако страна не может полностью предотвратить наводнения в городских районах малыми и средними реками и притоками крупных рек, а также оползни и селевые потоки в горных районах.

С 2000-х годов правительство уменьшило бюджеты на защиту от наводнений из-за ограничений государственного бюджета, и при каждом наводнении возникали различные проблемы. Эвакуация людей, изолированных в районах затопления, запаздывала, несмотря на то, что государственные организации издавали предупреждения и приказы об эвакуации. Местные органы власти не могут своевременно выдавать приказы об эвакуации людей в зонах риска из-за их ограниченных способностей. Возможности для совместной работы в местных сообществах снижаются из-за урбанизации и старения населения. Уязвимые группы пожилых людей и инвалидов сталкиваются с трудностями при спасении от наводнения. В 2018 году более 200 человек погибли в западном регионе Японии из-за наводнения, вызванного проливным дождем беспрецедентного масштаба. Это был самый высокий показатель с 2004 года.

Развитие концепции устойчивости и мягких мер

История изменения закона о борьбе с наводнениями иллюстрирует эволюцию концепции устойчивости в применении к наводнениям в Японии. В дополнение к инфраструктурным мерам в стране разработаны мягкие меры,

Фигура 1: Бюджеты программ защиты от наводнений и число погибших в Японии.

Источник: Микио Ишиватари, *Японское управление по борьбе со стихийными бедствиями и стихийные бедствия в мире* (Токио: Кашима Сяппанкай, 2016). - на японском.

начиная с мероприятий по борьбе с наводнениями на местах, за которыми следует выпуск предупреждений, охватывающих малые и средние реки, картографирование опасностей и обмен информацией о рисках, содействие эвакуации с участием частного сектора, и защиты уязвимых групп, как показано в Таблице 1.

Таблица 1: История пересмотра Закона о борьбе с наводнениями.

Год	Содержание редакции закона	Бедствия
1949	Закон был принят. Борьба с наводнениями на месте	серия наводнений
1955	Прогнозирование наводнений и предупреждение	
2001	Картирование рисков Охват малых и средних рек	Городское наводнение в Нагое
2005	Содействие эвакуации Защита уязвимых групп	проливные дожди и тайфуны
2011	Включение бедствий, связанных с цунами Защита участников борьбы с наводнениями Поддержка национального правительства при крупномасштабных бедствиях	Большое землетрясение и цунами в Восточной Японии
2013	Привлечение частного сектора	проливные дожди и тайфуны
2015	Реакция на мега-наводнения	
2017	Механизм координации между заинтересованными организациями Планирование эвакуации и проведение учений для уязвимых групп	Сильные дожди в Канто и Тохоку

Закон о борьбе с наводнениями был принят в 1949 году. Поскольку в конце 1940-х и 1950-х годах почти каждый год происходила серия наводнений, уносящих жизни около 1000 человек, Японии необходимо было укрепить систему управления стихийными бедствиями, связанными с наводнениями. Закон направлен на защиту местных сообществ от наводнений и уменьшение ущерба от наводнений, что способствует поддержанию безопасности общества. Закон регулирует деятельность по борьбе с наводнениями на местах, возлагая основную ответственность на местные органы власти и создавая организации по борьбе с наводнениями.

В Японии существует многовековая традиция борьбы с наводнениями на уровне местных общин для защиты своих местных сообществ. Члены организаций по борьбе с наводнениями занимаются патрулированием берегов

рек, ранним предупреждением, поддержкой эвакуации и укреплением берегов рек во время наводнений, а также складированием запасов материалов и проведением учений в обычное время. Поскольку борьба с наводнениями является неотъемлемой частью общественной деятельности по управлению водными ресурсами местных общин, ее происхождение неясно. Местные сообщества начали заниматься защитой от наводнений в то время, когда осваивались новые рисовые поля в средних веках.¹²

В 1955 году в закон были внесены поправки, касающиеся распространения информации о наводнениях. Государственные органы начали предупреждать население о наводнениях на крупных реках, находящихся в юрисдикции правительства страны, и предупреждать местные органы управления о необходимости борьбы с наводнениями. Предупреждение о борьбе с наводнением состоит из трех этапов: (а) подготовка, (б) мобилизация и (в) действия. Речные управления национального правительства оценивают конкретную стадию по уровням паводковых вод.

Закон не пересматривался почти полвека, но начиная с 2001 года начал подвергаться изменениям каждые несколько лет. Причина в том, что от государства ожидается реагирование на новые проблемы, такие как наводнения в городских районах, а также на малых и средних реках, и заблаговременное оповещение органов борьбы с наводнениями. Хотя государство реализовало инфраструктурные меры, страна не смогла дальше снизить число погибших.

В 2000 году от наводнения пострадал столичный район Нагоя. Эвакуация запоздала, подземные сооружения и метрополитен были затоплены. Было обнаружено, что государственные органы не предоставляли общественности достаточно информации о наводнениях и что обычные люди не осознавали риски наводнений.

В 2001 году, после наводнения в Нагое, закон о борьбе с наводнениями был пересмотрен, и власти префектур стали выпускать предупреждения о наводнениях на малых и средних реках. Национальные органы и органы префектур начали обмениваться информацией о рисках потенциальных районов затопления и глубине затопления с муниципальными властями. Закон требует от муниципальных властей подготовить эвакуацию, отдавая распоряжения об эвакуации и назначая убежища для эвакуации, а также предоставляя общественности карты опасностей и информационные карты. Муниципальные органы власти также должны предоставлять информацию о наводнениях для эвакуации из подземных сооружений.

В 2005 году страна несколько раз страдала от наводнений, вызванных тайфунами и проливными дождями. Было обнаружено несколько проблем. Около 60 % погибших – пожилые люди. Прогнозы наводнений охватывают

¹² Mikio Ishiwatari, "Government Roles in Community-Based Disaster Risk Reduction," in *Community-Based Disaster Risk Reduction*, ed. Rajib Shaw (Bingley: Emerald Group Publishing, 2012), 19-33, [https://doi.org/10.1108/S2040-7262\(2012\)0000010008](https://doi.org/10.1108/S2040-7262(2012)0000010008).

только крупные реки и не включают информацию о площадях и глубинах затопления.

В 2006 году в закон были внесены поправки, предусматривающие предупреждение о рисках наводнений и предупреждения о наводнениях на малых и средних реках, а также включение в предупреждение о наводнениях территории и глубины затопления. Местные органы власти обязывались предоставлять карты опасностей и эвакуации, а также разработать маршруты транспорта к объектам для уязвимых групп пожилых людей и детей. Кроме того, муниципальные власти разрабатывают планы эвакуации подземных сооружений. Были созданы организации, помогающие борьбе с наводнениями, чтобы укрепить потенциал борьбы с наводнениями.

В 2011 году в результате Большого землетрясения и цунами в Восточной Японии погибло или пропало без вести более 20 000 человек, а экономический ущерб составил 150 миллиардов долларов США. Более 200 сотрудников организаций по борьбе с наводнениями погибли во время мероприятий по ликвидации последствий стихийных бедствий. Закон был изменен, чтобы охватить катастрофы, связанные с цунами, и защитить жизни членов организаций по борьбе с наводнениями. Национальные правительственные организации могут привлекаться к борьбе с наводнениями во время особенно больших бедствий.

Возможности местных сообществ бороться с наводнениями ослабли из-за урбанизации и изменений в промышленной структуре. Сельское население сократилось, и молодые поколения из сельских районов мигрировали в мегаполисы в поисках работы. Количество членов отрядов по борьбе с наводнениями уменьшилось, и они стареют. В 2013 году в закон были внесены поправки с целью вовлечения частного сектора в борьбу с наводнениями в целях поддержки местных сообществ. Кроме того, национальные правительственные организации обязуются поддерживать мероприятия по борьбе с наводнениями на местах. Частные компании должны разработать планы действий в чрезвычайных ситуациях, чтобы уменьшить ущерб, наносимый частным предприятиям и цепочкам поставок между частными компаниями.

В 2010-х годах по всей стране неоднократно происходили наводнения в масштабах, превышающих проектные уровни безопасности, обеспечиваемые структурными мерами. В 2015 году в закон были внесены поправки в связи с крупномасштабными наводнениями, которые невозможно предотвратить с помощью инфраструктурных мер. Органы власти обязаны составлять карты опасностей, которые показывают риски максимально возможных наводнений, приливов и городских наводнений, масштаб которых усугубляется на уровне интенсивности один раз в тысячу лет.

В 2015 и 2016 годах имелись случаи, когда пострадавшие люди не спаслись от наводнения и оказались изолированными в затопленных районах. В префектуре Иватэ девять пожилых людей не смогли спастись и все погибли в результате наводнения в доме для престарелых.

В 2016 году в закон были внесены поправки, предусматривающие защиту уязвимых групп. Владельцы больниц, школ и учреждений для престарелых обязаны разработать планы эвакуации и проводить учения по эвакуации. Такие действия необходимо предпринять примерно 4 000 учреждениям по всей стране. Для укрепления механизмов сотрудничества национальные власти и правительства префектур создают координационные комитеты, представляющие заинтересованные организации, такие как метеорологические службы, речные управления, местные органы власти, полиция, пожарные департаменты, силы самообороны и частные компании.

Факторы, вызывающие эволюцию

В этом разделе рассматриваются факторы, влияющие на устойчивость управления рисками наводнений. Япония смогла уменьшить экономический ущерб и потери в результате наводнений с 1940-х по 1990-е годы (Таблица 2). В основном это связано с тем, что государство инвестировало в инфраструктурные меры по защите от наводнений на крупных реках. Мягкие меры в основном касались борьбы с наводнениями на местах и обмена информацией о крупных реках.

Таблица 2: Разработка мягких мер, инвестиции и ущерб от наводнений.

	1940-е	50-е	60-е	70-е	80-е	90-е	2000-е	10-е
Борьба с наводнениями								
Прогнозирование и предупреждение								
Картирование опасностей								
Эвакуация								
Бюджет защиты от наводнений, % национального дохода	0.5-2.0	0.8-1.5						
Число погибших	< 6,000		< 1,000			< 300		
Экономический ущерб, % национального дохода	0.9-10.2	<2.0	<0.8	<0.6	<0.3			

Число погибших снизилось до менее 300 в 1990-х годах, но не уменьшалось далее. Трудно полностью предотвратить наводнения, вызванные реками малых и средних размеров, а также ливневые паводки в горных районах. Например, есть еще 300 000 районов, подверженных риску оползней.

Возможности местных общин бороться с наводнениями снизились из-за урбанизации и изменений в структуре промышленности. Правительству

необходимо усилить мягкие меры. Национальные и местные органы власти начали составлять карты опасностей и распространять карты среди населения. Развитие технологии моделирования наводнений способствовало разработке карт опасностей. Правительство усилило меры по эвакуации, особенно для защиты уязвимых групп пожилых людей и инвалидов, а также уязвимых участков подземных сооружений.

Заключение

Опыт Японии показывает, что инвестиции в инфраструктуру эффективны для уменьшения ущерба от наводнений, но такие структурные меры могут в основном охватывать крупные реки. Защита всех зон риска, связанных с небольшими реками и оползнями, нереалистична, учитывая огромное количество зон риска в стране. В 2000-х годах Япония начала усиливать мягкие меры по дальнейшему снижению смертности при бедствиях.

Было установлено, что концепция устойчивости посредством мягких мер развивается в соответствии с различными изменениями, такими как финансовые ограничения, инвестиции в инфраструктуру, старение населения, урбанизация, развитие технологий и изменение климата. Охват мягких мер расширяется от борьбы с наводнениями на месте до обмена информацией, картирования опасностей, содействия эвакуации и защиты уязвимых групп. В то время, как в принятии мягких мер на протяжении последних столетий ведущую роль играли местные сообщества, в последнее время в мерах по борьбе с наводнениями и снижению рисков стали участвовать правительственные организации и частный сектор. Это связано с тем, что отношения между членами местных сообществ ослабли, а роль частного сектора в местных сообществах возросла.

Некоторые соображения

Из японского опыта можно извлечь некоторые уроки. Эти уроки полезны для развивающихся стран, все больше подверженных стихийным бедствиям, связанным с наводнениями. Развивающимся странам следует инвестировать в инфраструктуру защиты от наводнений в качестве рентабельной меры. Кроме того, развивающимся странам следует разработать мягкие меры с учетом различных изменений социально-экономических и природных условий. По мере роста экономики развивающиеся страны, как и Япония, подвергаются урбанизации, изменениям в структуре промышленности и миграции из сельских в городские районы.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами автора и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов

изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Об авторе

Доктор **Микио Ишиватари** – приглашенный профессор Токийского университета и старший консультант по менеджменту проблем, связанных со стихийными бедствиями и водными ресурсами Японского агентства международного сотрудничества (JICA). Он дает советы и рекомендации по политике и деятельности JICA, а также проводит исследования и разработку проектов, администрирование и анализ в областях адаптации к изменению климата, управления ситуациями, связанными со стихийными бедствиями и управления водными ресурсами. Д-р Ишиватари также работал государственным инженером в Министерстве земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии, специалистом по городскому развитию в Азиатском банке развития и старшим специалистом по управлению рисками стихийных бедствий во Всемирном банке. *E-mail*: Ishiwatari.mikio@jica.go.jp

Connections: The Quarterly Journal

Правила подачи рукописей

Журнал *Connections* принимает рукописи в объеме от 2 000 до 5 000 слов, в ясном стиле, для целевой аудитории, включающей компетентные лица, занимающиеся практикой или академической деятельностью, связанной с обороной и безопасностью. Все рукописи подаются в редакционный отдел журнала *Connections* в электронном виде по адресу PfPCpublications2@marshallcenter.org. В верхней части первой страницы должны быть указаны имя автора, учреждение, с которым в настоящее время связан автор и предварительное название статьи. В случае необходимости рукопись снабжается подстрочными замечаниями. Кроме того, авторы должны предоставить рукопись резюме и ключевых слов.

В число предпочтительных тем для будущих выпусков журнала входят:

- Эксплуатация и безопасность Арктики
- Контроль над вооружениями и перевооружение Европы
- Вызовы и возможности общего использования разведывательных ресурсов
- Противодействие и превенция насильственного экстремизма
- Кибербезопасность
- Строительство институций обороны
- Будущие сценарии безопасности
- Гибридная война
- Ограничения военно-морской мощи
- Миграция и беженцы
- Нестабильная периферия НАТО
- Россия Путина: угроза миру или угроза для себя?
- Терроризм и иностранные боевики
- Тенденции в организованной преступности

По вопросам, касающимся подстрочных замечаний и ссылок, пожалуйста, используйте *Chicago Manual of Style*. Инструкции на оформление можно найти по адресу:
www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html.

Рукописи, выходящие за рамки приоритетных тем, принимаются в порядке поступления по усмотрению Редакционного совета.

Мнения, выраженные во всех публикациях Connections, являются исключительно точками зрения авторов и не являются официальными точками зрения Консорциума военных академий и институтов по изучению вопросов безопасности в рамках программы «Партнерство ради мира», участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Оперативный отдел Консорциума военных академий и институтов по изучению безопасности в рамках программы «Партнерство ради мира» расположен в Европейском центре по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла:

**Partnership for Peace – Consortium
Managing Editor – LTC Torsten Stauffer
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen, Germany
Phone: +49 8821 750 2333
E-Mail: PfPCpublications2@marshallcenter.org**

ISSN 1812-1101

